

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Дмитрий Тренин

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Москва

2009

УДК 327.8
ББК 66.4(2Рос)
Т66

Рецензент кандидат исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол А. Л. Адамишин

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительных фондов Carnegie Corporation of New York, Starr Foundation и Charles Stewart Mott Foundation, а также посольства Швеции в России.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Dmitri Trenin. Solo voyage

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>

Тренин, Д.

Т66 Одиночное плавание / Дмитрий Тренин ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Изд-во Р. Элинина, 2009. — 182 с.

ISBN 987-5-8628-0074-3

В книгу вошли статьи, написанные в 2006—2009 гг. Почти все они первоначально предназначались для международной аудитории и писались по-английски. Публикация их переводов на русский язык преследует цель стимулировать обсуждение важных вопросов, ответы на которые представляются не очевидными. Статьи расположены ретроспективно, от более поздних к более ранним, что позволяет читателю проследить — в обратном порядке — эволюцию политики страны.

УДК 327.8
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 987-5-8628-0074-3 © Carnegie Endowment for International Peace, 2009

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

7	Об авторе	About the author
9	Предисловие	Preface
13	Внутренние проблемы внешней политики	Internal problems of Russia's foreign policy
19	«Москва мускулистая»: одиночество отдельно взятого центра силы	“Moscow the Muscular”: The Loneliness of an Aspiring Power Center
35	Стратегическое мышление в отношении России	Thinking Strategically About Russia
53	Америка: меньше идеологии	A Less Ideological America
63	К новой евроатлантической повестке дня в сфере «жесткой» безопасности	Toward a New Euro-Atlantic “Hard” Security Agenda
99	В чем совпадают интересы США и России	Where US and Russian Interests Overlap
117	Принуждение к партнерству	Russia's Coercive Diplomacy
129	Варианты стратегического выбора для России	Russia's Strategic Choices

145	Россия пересматривает свою роль в мире и свои отношения с Западом	Russia Redefines Itself and Its Relations with the West
163	Россия покидает орбиту Запада	Russia Leaves the West
177	Summary	Summary (in English)
181	О Фонде Карнеги	About the Carnegie Endowment

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Витальевич Тренин — директор и председатель научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Внешняя политика и безопасность». Автор нескольких книг, опубликованных в России, США, Германии и Австрии.

Предисловие

В середине 2000-х годов — в промежутке между войной в Ираке и «оранжевой революцией» на Украине — в российской внешней политике произошел крутой разворот. Линия на Запад, предполагавшая интеграцию в НАТО на правах «вице-президента» Альянса, вхождение в ЕС в качестве самой крупной европейской страны и «союз равных» с США, была признана неперспективной. Идея «европейского выбора» как выстраивания «Европы» в России была сочтена ущербной и оскорбительной для национального самолюбия. Вместо этого российская власть свернула на привычную колею великодержавной политики. Господствующая сегодня идея — это Россия как самостоятельный центр силы, организованный на отечественных началах, не принадлежащий ни Востоку, ни Западу и действующий исключительно в собственных интересах. Считается, что политика неприсоединения предоставляет максимальную свободу рук, а подчеркнутые деидеологизированность и ультрапрагматизм подхода освобождают от сковывающих условностей.

Название сборника — «Одиночное плавание» — подчеркивает главную, по мнению автора, черту нынешней внешней политики страны. Россия явно отмежевалась от Америки и объединенной Европы; ее дружба с Китаем не идет дальше взаимной торговли и мягкого совместного оппонирования Вашингтону; беспроблемные в принципе отношения с Индией лишены серьезной материальной базы; о сугубом прагматизме отношений с Ираном, арабами и латиноамериканскими левыми и говорить нечего; на-

конец, в кругу стран СНГ Россия тоже стоит особняком, что хорошо чувствуют ее соседи, отказавшиеся последовать за Москвой по пути признания абхазской и юго-осетинской независимости от Грузии.

Россия, таким образом, идет своим курсом, не особенно беспокоясь, что за ней никто не следует. Ее звезды — это непреходящее мерцание национальных интересов, определяемых, пока отсутствует нация, теми, кто говорит от ее имени. Собственно, Россию сегодня интересует лишь она сама, ее место за столом, престиж и уважение, которых она добивается. В результате усиливающегося ментального изоляционизма страна, еще недавно находившаяся в центре мировых событий и процессов, постепенно превращается в провинцию, озабоченную лишь собой.

Такая внешняя политика — известный вызов контрагентам России, в том числе интеллектуальный. Она явно разошлась с постулатами 1990-х годов, но — несмотря на частые сравнения — не является и простым продолжением советской политики. Несколько стыдливо относясь к Громыко, она тщится выставить себя преемницей Горчакова, но и это сравнение хромает. Несмотря на возвращение царской атрибутики, нынешняя правящая группа по составу и побудительным мотивам разительно отличается от строителей и ревнителей романовской империи. Ни панегирики, ни обличения здесь не помогают. Приходится разбираться по существу проблем.

Материалы, вошедшие в этот сборник, написаны между 2006 и 2009 гг. Почти все они изначально предназначались для международной аудитории и соответственно писались по-английски. Это обстоятельство не может радовать читателя, которому предлагается не оригинал, а перевод. Статьи расположены ретроспективно, от более поздних к более ранним, что позволяет читателю проследить — в обратном порядке — эволюцию политики страны и мимоходом отметить для себя иллюзии и заблуждения автора, не выдержавшие испытания практикой. Некоторые из статей, впрочем, имели

известный резонанс, в результате чего в профессиональном сообществе происходило углубление дискуссии о перспективах отношений с Россией. Публикация переводов этих материалов на русский язык преследует ту же цель — стимулировать обсуждение важных вопросов, ответы на которые представляются не очевидными.

Наиболее общий из таких вопросов касается перспектив нынешней российской внешнеполитической стратегии. Насколько реалистичной выглядит заявленная цель формирования вокруг России центра силы, сопоставимого с непосредственными соседями — Китаем на востоке и Евросоюзом на западе, а также с США — в глобальном контексте? Где подсчет наличных ресурсов — экономических, демографических, научно-технических, дипломатических, военных и пр.? Где анализ тенденций мирового развития, динамики изменений у соседей — ближних и дальних? Пока в ответ слышится примерно следующее: «Россия обречена быть великой державой... Россия либо будет великой державой, либо ее не будет вообще» и, наконец, вероутверждающее: «Россия была, есть и будет великой державой».

Другим фундаментальным вопросом является проблема соотношения внутренней политики и политики внешней. Проблема, которая сейчас стоит перед Россией в отношениях с Западом, заключается в том, что недемократический режим, существующий в нынешней России, в условиях XXI в. рассматривается ее партнерами как не полностью легитимный. В свою очередь, международные интересы не полностью легитимного режима так же являются не вполне легитимными. Проблема равенства встает, таким образом, в неожиданном для российского руководства ракурсе. Дело, оказывается, уже не в количестве и качестве стратегических наступательных вооружений, даже не в размерах валового внутреннего продукта, пусть даже по обменному курсу и на душу населения, и не в имидже, а в качестве политических, экономических и общественных институтов и степени признания этих институтов в мире. И ничего здесь поделать нельзя.

До тех пор пока российские институты по своему качеству не будут сопоставимы с соответствующими институтами Европы и Северной Америки, Россия не будет рассматриваться Западом как равная, какой бы у нее ни был золотовалютный запас и какая бы цена на нефть ни установилась на рынке. Именно это обстоятельство — демократический дефицит — является сегодня и на обозримую перспективу главной проблемой России в ее отношениях с Западом.

Статьи, написанные для иностранного читателя, призваны объяснять — в терминах и образах, понятных этому читателю, — исходные точки, промежуточные результаты и конечные цели той внешней политики, которую проводят российские руководители. Речь идет об анамнезе, диагностике и прогностике, не более того. Очевидно, однако, что пока существует страна, она будет изменяться. Не впадая в совсем безысходный пессимизм, нельзя утверждать, что то, что мы наблюдаем сегодня, — это последнее (в смысле — окончательное) слово российской внешнеполитической мысли и практики. Колея, в которую съехала внешняя политика Москвы, является привычной и знакомой, но она не приведет к искомой цели. Впереди уже замаячил тупик, а значит, настало время думать и заново решать.

Дмитрий Тренин

Москва, апрель 2009 г.

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

У России все еще приличная дипломатическая служба, но внешняя политика страны становится все более проблемной сферой

БЕСЦЕННОСТЬ

С 2000-х годов российская внешняя политика гордится своим прагматизмом. Это, по мнению правящей группы, выгодно отличает ее от предшественников — «бесхребетных прозападных демократов» эпохи Ельцина, «наивных защитников общечеловеческих интересов» из команды Горбачева и «замшелых пролетарских интернационалистов» советского периода. Эффективный прагматизм, однако, всегда основан на ценностях. Оба российских руководителя недавно публично заговорили о ценностях, но эти разговоры звучат крайне отвлеченно. Правящая элита страны тем временем живет, подчиняясь жесткой целесообразности, и убеждена: ценности только тогда истинны, когда имеют соответствующий денежный эквивалент. Отвергая «чуждые» западные ценности, противопоставляя им выдуманные свои, а на самом деле не исповедуя никаких, Россия требует к себе уважения как к равной, но выглядит при этом довольно подозрительно. В этом — фундаментальное препятствие к развитию тесных отношений России с наиболее развитой частью мира — Западной Европой и Северной Америкой. И никакая «труба», никакие «обмены активами» этого препятствия не устранят в принципе.

Статья была опубликована в «Новой газете» от 9 февраля 2009 г.

© 2009, АНО РИД «Новая газета». Публикуется с любезного разрешения редакции «Новой газеты».

ОТСУТСТВИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ

За последние восемь лет у России было несколько «внешних политик», существенно отличавшихся друг от друга. После 11 сентября 2001 г. было заявлено стремление вступить в стратегический союз с США и серьезно сблизиться с Европейским союзом. Через три-четыре года Москва сошла с орбиты Большого Запада, в который до тех пор стремилась вписаться, и стала формировать свою собственную «планетарную систему», пока не конфронтируя, впрочем, с несостоявшимися партнерами. Еще через пару лет Москва попыталась принудить Запад к партнерству на своих условиях. Вместо партнерства, однако, последовали рост напряженности, война нервов, а затем и настоящая война на Кавказе. К осени 2008 г. российско-западные отношения стали хуже, чем когда-либо за предыдущую четверть века. Дальнейшей эволюции отношений в сторону нешуточной конфронтации помешал мировой кризис.

Стоп! Если главной целью политики России («Стратегия-2020» и др.) является модернизация страны, то как оценить курс Кремля по отношению к группе стран, являющихся важнейшим внешним модернизационным ресурсом России? Остается одно: кивать на «злокозненный Запад», «антироссийский заговор мировой закулисы», которая «всеми силами стремится...», и пр. Достаточно взглянуть на Китай. Его руководству уже четвертое десятилетие удается обеспечивать оптимальные внешние условия для развития страны, в первую очередь благодаря отношениям с США. При этом именно подъем Китая, а не России, более всего меняет глобальную картину мира и приковывает неослабное внимание Запада. Вывод один: острую стратегическую недостаточность не компенсировать ни многочисленными симулякрами — «стратегиями», «концепциями», «доктринами», ни пресловутым искусством организации операций.

РЕАКТИВНОСТЬ

Отсутствие устоявшихся ценностей, дефицит стратегии обрекают Москву на реактивное поведение. Российское руководство гораздо лучше знает, чего оно не хочет — расширения НАТО, повторения «цветных революций» и пр., — чем то, что, собственно говоря, оно само хотело бы выстроить. В результате на таком важном направлении, как отношения с бывшими советскими республиками, важнейшей задачей становится противодействие распространению иностранного — прежде всего американского — влияния. «Большая игра» привлекает и затягивает, а тем временем собственно российские интеграционные проекты — Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз — остаются в полуживом состоянии. За последнее десятилетие Москве, претендующей на статус великой державы и гаранта региональной безопасности, не удалось решить ни одного замороженного конфликта на ближайшей периферии своих границ. Причина очевидна: нерешенность конфликтов долгое время использовалась как инструмент блокирования расширения НАТО. Ясно, что критерием самостоятельности России, о которой так много говорят в последнее время, является не столько готовность противостоять и противодействовать, сколько способность сформулировать собственную повестку дня и ее инициативно реализовать.

Болезненная озабоченность Америкой

Самостоятельности мешает неизбывная, болезненная озабоченность Америкой. Считая США главным противником, российская политическая элита ожидает скорого заката Америки, жестко критикует политику Вашингтона и одновременно копирует ее. Психологически это понятно: в Мос-

кве болезненно воспринимают «победу США в холодной войне», винят американцев в лицемерии, двоедушии, вероломстве, и при всем этом отрицании Соединенных Штатов — Америка, ее действия и их объяснение остаются моделью. За последнее время Москва последовательно взяла на вооружение практику «гуманитарных интервенций», «одностороннего признания независимости», «распространения национального законодательства за пределы собственных границ» и пр., что еще недавно рассматривалось как совершенно противоправное и абсолютно недопустимое. Такая добровольная привязка к США не только искажает российскую политику, лишая ее возможности реализации собственной позитивной модели поведения, но и ведет к тиражированию Москвой ошибок тех или иных американских администраций.

Одиночество

В последние годы в России стало модно бравировать одиночеством, в котором усматривался, по-видимому, какой-то отблеск величия. Сразу вспоминается Александр III, который мог «велеть Европе подождать, пока российский государь завтракает». На деле реальность не столь величественна. К началу 2009 г. у России сложились напряженные отношения с США, прохладные с Европейским союзом, холодные со странами Балтии и Польшей, конфликтные с Украиной, враждебные с Грузией. По принципиальному вопросу признания Абхазии и Южной Осетии к России не присоединился ни один из ее союзников по ОДКБ, ни один из интеграционных партнеров из ЕврАзЭС, ни даже союзный Минск, не говоря уже о новоявленных партнерах из умозрительной аббревиатуры БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Одиночество — конечно, не то же самое, что изоляция, но достаточно серьезный повод задуматься. Как заметил в частной беседе один высокопоставленный китайский дипломат: «Не

понимаю, зачем России приобретать все новых врагов?». Действительно, задача внешней политики — привлекать друзей и союзников.

САМОИЗОЛЯЦИЯ «РЕШАТЕЛЕЙ»

Проблемы российской внешней политики неизбежно отражают общие проблемы российской политической системы, отсутствие в ней действенных институтов. Сверхцентрализация процесса принятия решений, его полная непрозрачность подталкивают к выводу, что бремя принятия всех важнейших решений лежит на плечах одного, максимум двух человек. Это крайне рискованно. Достаточно посмотреть на «цену победы» в последней газовой войне с Украиной: помимо миллиардных убытков, репутация России в Европе как надежного поставщика энергоресурсов разрушена окончательно. Царистская модель президентской власти и соответствующая ей «монаршья» модель внешней политики, полное господство закрытой правительственной экспертизы при фактическом игнорировании экспертизы внешней — все это скорее предпосылки грядущих поражений, а не побед.

Проблемы российской внешней политики можно перечислять долго. Это и неумение пользоваться «мягкой силой», и упор на силу «жесткую»: демонстрации военной мощи, угрозы размещения или перенацеливания ракет, перекрытие газовой «трубы», торговые санкции, депортации. Это и высокомерие по отношению к соседним государствам, вышедшим, как и Россия, из СССР. Особенно достается Украине, так и «не сложившейся» пока в государство-нацию, «криминально-коррупцированной» и т. п. — при том, что многие проблемы двух крупнейших республик бывшего Союза очень схожи. Не замечая, по-видимому, эффекта, производимого таким высокомерием, российские деятели продолжают развивать идеи о «второй Европе», которую предполагают построить на базе СНГ, надеясь, по-видимому,

таким образом поставить Россию на равную ногу с «Европой первой» (ЕС). Надо иметь в виду, однако, что страна, открыто проповедующая великодержавный эгоизм, не может стать интеграционным магнитом по определению. Ни Казахстан, ни Белоруссия, ни Армения не горят желанием лечь в основание нового российского центра силы.

Создается впечатление, что российская внешняя политика покинула XX в. сразу через две двери — одну, ведущую в XIX в., и другую, открывающуюся в XXI. Сейчас эти две линии, очевидно, столкнулись, в результате чего возник тупик. Выход из него — в формировании современного внешнеполитического мышления в российской национальной элите и в формировании самой этой элиты. Не будет достойной элиты — не будет и гражданской нации, а «национальные интересы» будут произвольно определяться произвольно сменяющимися друг друга узкими группами лиц.

«МОСКВА МУСКУЛИСТАЯ»: ОДИНОЧЕСТВО ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ЦЕНТРА СИЛЫ

Начиная с 2000 г. внешняя политика Российской Федерации прошла ряд этапов. До 2003 г. определяющим был курс на сближение с Западом под флагом «европейского выбора» и с заявкой на союзнические отношения с США. Затем вплоть до 2007 г. Москва проводила политику неприсоединения: подчеркнутая независимость от Запада сочеталась с нежеланием конфронтировать с ним. В знаменитой мюнхенской речи Владимир Путин фактически сформулировал условия, на которых он рассчитывал принудить Америку и Европу к партнерству с Россией: принимайте нас такими, какие мы есть, ведите себя с нами как с равными, сотрудничайте с нами на основе взаимных интересов. «Принуждение к партнерству» не состоялось. В 2008 и начале 2009 г. стало очевидно, что Россия все больше движется в сторону изоляции от несостоявшихся партнеров. Если такое движение станет определяющим, это будет иметь серьезные и небезопасные последствия для внутренней ситуации в стране и для международных отношений.

Год назад российское руководство ощущало себя хозяином положения. Оно сумело переформатировать конструкцию политического режима при полном сохранении его сути. Рост экономики, взлет рынков, приток инвестиций позволяли Кремлю выдвигать амбициозные стратегии на полтора десятилетия вперед. В условиях уже начинавшегося мирового кризиса Россия виделась островом стабильности, а рубль — резервной валютой на огромном пространстве между зоной евро и царством юаня. Это пространство —

страны СНГ — должно было стать сферой притяжения России, областью ее привилегированных интересов и зоной ее преобладания — политического, экономического, военного и культурного. Восстановление «естественных», исторических позиций России как доминирующей державы в центре Евразии, уже давно выступавшее в качестве «боковой» альтернативы западной интеграции, стало с 2008 г. главным содержанием внешней политики Кремля. Раньше этому мешали «иллюзии» в отношении Запада и недостаток ресурсов. Теперь первые исчезли, а вторые появились.

Кремль четко определил своих противников в реализации сформулированного еще в 2003 г. «проекта СНГ». Главным противником он определил те круги в США и, шире, на Западе, которые продвигали расширение НАТО на территорию постсоветских государств и/или поддерживали там «цветные революции». В роли «ближнего» противника выступили антироссийски настроенные правительства соседних стран — Грузии и Украины, а также их союзники из государств Балтии и Польши. Важнейшей задачей на 2008 г. стал срыв предоставления Киеву и Тбилиси Плана действий на пути к членству в НАТО (ПДЧ). Ставки были исключительно высоки. Принятие ПДЧ сделало бы процесс присоединения бывших республик СССР к Атлантического альянсу необратимым и перевело бы российско-западные отношения из фазы позиционного дипломатического противостояния в фазу активного политического и «специального» противоборства с практически неизбежным выходом на открытый и непосредственный конфликт.

Новой «холодной войны» в Кремле не желали, но отступать хотели еще меньше. Не располагая возможностью прямого влияния на решения Альянса, Москва на деле зависела от готовности и способности ведущих европейских членов НАТО блокировать усилия Вашингтона по предоставлению ПДЧ. Для того чтобы призывы Берлина и Парижа к союзникам по НАТО проявлять осторожность имели больший эффект, Москва недвусмысленно указывала на реальную опасность внутренней смуты на Украине и перспективу «разморажи-

вания» этнических конфликтов в Грузии. В апреле 2008 г. президент Путин пошел на беспрецедентный шаг — съездил на бухарестский саммит НАТО, чтобы лично предостеречь западных лидеров от принятия в свои ряды «нестабильной Украины» и «воюющей Грузии».

Двойственное решение бухарестской встречи (ПДЧ пока не предоставлять, но эвентуальное вхождение Украины и Грузии в НАТО одобрить) привело не к разрядке, а к дальнейшему обострению ситуации вокруг обеих стран. В Грузии Михаил Саакашвили попытался силой решить в свою пользу осетинский конфликт и тем самым устранить формальное препятствие на пути к ПДЧ. В Киеве Виктор Ющенко начал подготовку к переизбранию на второй срок под лозунгами защиты независимости Украины от посягательств Москвы. Москва, со своей стороны, перешла к решительным встречным шагам.

О безрассудстве и авантюризме действий Саакашвили сказано достаточно, в том числе и автором этих строк. Россия была вынуждена нанести ответный удар. Важно, однако, и другое — война на Кавказе стала крахом многолетней политики Москвы, пытавшейся использовать «замороженные конфликты» как непреодолимые барьеры на пути вступления Грузии в НАТО. Возможность того, что эти конфликты будут неожиданно «разморожены» другими (а именно так и получилось), недооценивалась. Таким образом, на политическом уровне российское миротворчество провалилось, и Москве пришлось братья за оружие. По факту получилось, что государство, претендующее на роль великой державы, оказалось не способно политическими средствами обеспечить безопасность непосредственно на своих границах. Сохранение на протяжении полутора десятилетий тлеющих очагов напряженности на Кавказе и на Днестре свидетельствует о триумфе тактики российской внешней политики за счет ее стратегии.

На обвинения в некомпетентности Кремль может ответить контраргументом: никакое урегулирование было не-

возможно — ведь за Грузией стояли Соединенные Штаты. Министр иностранных дел Сергей Лавров прямо заявил, что некие внешние силы руками Саакашвили «решились проверить на прочность российскую власть и наших миротворцев» и даже «заставить нас встать на путь милитаризации и свернуть модернизацию»¹. О роли США в развязывании Грузией войны на Кавказе — отдельный разговор. Администрация Буша очевидно несет ответственность за то, что не предотвратила нападение Тбилиси на Цхинвал, за двусмысленные, по-видимому, сигналы, посылавшиеся президенту Саакашвили, за то, что республиканцы «вложились» в «Мишу» как в свой «социальный проект», и т. д. Не менее очевидно, однако, что предположения относительно того, что Вашингтон стремится стимулировать милитаризацию России, чтобы тем самым заблокировать российскую модернизацию, — из области фантастики или клиники. Этот тезис, впрочем, не нов. То, что он выдвигается уже не комментаторами, а «делателями политики», может свидетельствовать, что российское руководство ему верит. В таком случае придется констатировать неадекватное восприятие внешнего мира. В этом же ряду стоят сравнения ночного обстрела Цхинвала с терактами 11 сентября 2001 г., сентенции о «резком пробуждении к действительности»², «конце последних иллюзий»³, а также о «нынешней ясности», которая «лучше любой неопределенности и двусмысленности»⁴. Где здесь риторика, а где убеждение — не праздный вопрос.

После войны с Грузией российское руководство сделало ряд принципиальных заявлений по вопросам отношений с бывшими советскими республиками. Президент Дмитрий Медведев в терминах, близких к тем, что употреблял за 180 лет до него президент США Джеймс Монро, сформулировал доктрину привилегированных российских интересов в странах СНГ. Повторяя другую старую американскую максиму, Медведев выдвинул также тезис о защите Россией ее граждан за рубежом. Это понял бы другой президент США — Закари Тейлор, среди заслуг которого присоеди-

ние Республики Техас, вначале заселенной американскими гражданами, а затем отвоеванной Соединенными Штатами у Мексики. Министр иностранных дел России вообще подверг сомнению созвучность веяниям времени процесса формирования национальных государств на развалинах Советского Союза. Покритиковав «модерн» нацистроительства с позиций «постмодерна», Сергей Лавров⁵ предложил в качестве альтернативы интеграцию «второй Европы» вокруг России. Дело, однако, в том, что в отличие от «первой Европы» (ЕС) у потенциальной второй (СНГ) имеется естественный гегемон, поэтому интеграция здесь укладывается в парадигму восстановления российского центра силы.

Непопулярность этой парадигмы практически у всех партнеров России в странах СНГ ставит серьезные ограничения на пути «восточной» интеграции. Российские заклинания о цивилизационном единстве и общности исторической судьбы соседи воспринимают с осторожностью. По принципиальному для Москвы вопросу признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россию не поддержал ни один из ее формальных союзников по Договору о коллективной безопасности или партнер по интеграции в рамках ЕврАзЭС. Фундаментальная причина одна: каждый союзник увидел в этом вопросе тест на независимость, и никто не захотел выглядеть сателлитом Москвы. Пытаясь выйти из неловкого положения, Кремль заявил, что он никому не выкручивал руки⁶. На деле это означало вынужденное признание: никто из союзников и партнеров России добровольно не был готов поддержать ее действия. Отказ Москвы от соблюдения принципа территориальной целостности постсоветских государств создает опасный для ее соседей прецедент, а готовность с оружием в руках защищать права российских граждан, которых много и в Приднестровье, и в Крыму, и в других регионах бывшего СССР, усиливает впечатление.

Грузинский случай — крайний. Саакашвили — не только авторитарный правитель, но и ловкий демагог. В бушевско-чейниевском Белом доме в свое время бездумно предпочита-

ли иметь дело с ним, не утруждая себя выяснением мнений грузинской оппозиции — кстати, в массе своей не менее антироссийской, чем сам Саакашвили. Москве, однако, нужно иметь в виду, что вся разрозненная грузинская политическая элита, большинство разногласного грузинского общества сходятся в резко негативной оценке политики России по отношению к Грузии. Итоги референдума по вопросу о членстве Грузии в НАТО и выход страны из СНГ показательны именно как вотум недоверия Москве. Заявления официальной Москвы о «глубоком уважении к грузинскому народу»⁷ повисают в воздухе. Грузия, вероятно, навсегда утратила Абхазию и Южную Осетию, но и Россия, со своей стороны, надолго потеряла Грузию — вне зависимости от персонального состава ее руководства — как дружественную страну. В «поясе добрососедства», который когда-то собирались выстроить в СНГ творцы российской внешней политики, будет отсутствовать по крайней мере одно звено.

И, возможно, не единственное. Минувшим летом, слава богу, удалось избежать развития российско-украинских отношений по худшему варианту. Стоило украинским Военно-морским силам во исполнение указа своего президента — верховного главнокомандующего начать досматривать корабли Черноморского флота, отправлявшиеся из Севастополя в Сухум (на помощь Абхазии и для наблюдения за ВМС США) или возвращавшиеся обратно на базу, и вооруженный инцидент был бы гарантирован — со всеми мыслимыми последствиями для Севастополя, Крыма, российско-украинских отношений и мира в Европе. Если Михаил Саакашвили своими действиями подорвал хрупкий мир на Кавказе, то указ Ющенко ставил на карту безопасность всего континента.

С тех пор от пропасти удалось отойти, но фундаментального улучшения отношений между Киевом и Москвой не произошло. Президент Украины видит в России (Российской Федерации — СССР — Российской империи) исторического гегемона, угнетателя и ассимилятора. Залог независимости для него и его сторонников — присоединение к Западу: вна-

чале через НАТО, что легче, затем — через Евросоюз. С этим согласны 20% населения, больше половины против (хотят в Европу, но без разрыва с Россией). Таким образом, попытка навязать Украине жесткий выбор чревата потрясениями прежде всего внутри самой Украины. Тот, кто искренне желает Украине оставаться единой и неделимой, не может в таких условиях поддерживать ее вступление в НАТО.

Единственной силой, способной сформировать пронаатовское большинство в соседнем родственном обществе, является сама Москва. Ее политика, хотя и стала изощреннее после фиаско 2004 г., когда Москва расценила «оранжевое» «восстание масс» не более как операцию спецслужб США, продолжает фактически работать на взаимное отчуждение двух близких народов. Российские деятели высшего ранга позволяют себе публично выказывать пренебрежение к соседу в выражениях, которые сама Москва сочла бы в высшей степени оскорбительными, если бы они были адресованы ей. Не стоит обманываться, считая, что политические противники Виктора Ющенко будут с удовольствием аплодировать его иностранным поносителям. Для них это может прозвучать как оскорбление украинского государства.

Проблема в том, что многие в Москве считают Украину не иностранным государством, а частью исторического «тела России». Более того, выражаются сомнения относительно устойчивости самой украинской государственности. В итоге получается: Украина — и не за граница, и не полноценное государство. Тогда что же? И что позволено в этой ситуации, а что нет? Российские политики откровенно националистической ориентации усердно разогревают, казалось бы, остывший крымский сепаратизм. Российские государственные деятели тем временен вслух высказывают «мысли о немислимом»: о возможном нацеливании российских ракет на Украину — в случае, если она допустит размещение на своей территории американских баз. Таким образом, средство (отвернуть Украину от НАТО) незаметно переходит в цель — привязать Украину к России. Характерен при этом парадокс:

обладая огромным потенциалом «мягкой силы», Москва неизменно предпочитает грубую. Вместо love — tough love. Но, как известно, насильно мил не будешь. Если большинство украинцев в ответ станут воспринимать независимость своей страны исключительно как независимость от России, цифры опросов по НАТО могут «двинуться» — в нежелательном для Москвы направлении.

Холодная газовая война в январе 2009 г. стала новым важным рубежом в эволюции российской внешней политики. Конфликт спровоцировала украинская сторона — вначале своей неспособностью урегулировать отношения с «Газпромом», затем — полнейшей безответственностью в качестве транзитера российского газа в Европу. Однако то, что поначалу воспринималось как досадное дежавю, преимущественно коммерческий спор с имманентной коррупционной составляющей и неизбежными политическими обертонами (причем на этот раз в условиях, менее благоприятных для Киева, чем в 2006 г.), превратилось в выяснение российско-украинских отношений за счет замерзавшей без газа Европы. Такое забудется нескоро.

Реально при этом речь шла, по-видимому, о неудавшейся попытке использовать газовый фактор для усиления позиций премьер-министра Украины «прагматика» Юлии Тимошенко за счет прозападного президента Ющенко. Очевидно, что манипулирование газовыми ценами и — через них — раскладом политических сил на Украине является едва ли не наиболее эффективным инструментом в руках Кремля. Коррупционность украинских политиков является с этой точки зрения не столько проблемой, сколько решением проблем. На сей раз, однако, Ющенко скорее всего сумел в последний момент расстроить комбинацию своей соперницы и премьер-министра Путина и поднял ставки настолько высоко, что серьезно осложнил отношения России с Евросоюзом.

В результате произошло то, чем «руссоскептики» по обе стороны Атлантики всегда пугали «наивных европейцев», сле-

по полагавшимся (по мнению этих скептиков) на «Газпром»: в разгар зимних холодов газ из России перестал поступать. Европейцам, которым было некогда, неинтересно и просто невозможно (из-за закрытости условий контрактов) разбираться в том, кто прав в споре «Газпрома» с «Нафтогазом», стало предельно ясно: энергобезопасность Европы — это безопасность от реального перекрытия «трубы» из России. Это влечет долговременное изменение политики ЕС — от выработки единой энергетической политики и единой позиции на переговорах с Москвой до более активного поиска альтернативных источников энергии включая сжиженный газ и строительство новых газопроводов, не идущих по территории России, Украины и Белоруссии. Будучи формально права, но неуклюже маневрируя, Москва свалилась именно в ту яму, в которую всегда боялась попасть. Ее раздраженные обещания переключить потоки газа с Европы на Азию лишь укрепляют европейцев в мнении о необходимости и настоятельности коренного пересмотра долгосрочной энергетической политики.

Так российско-европейский энергодиалог принял форму чрезвычайной челночной дипломатии чешского премьера между Киевом и Москвой. Европа, возможно, уже не считает Украину, как три года назад, «несчастной жертвой российского диктата», но ответственность за ситуацию возлагает на Россию: у нее все-таки контракт с «Газпромом», а не с «Нафтогазом». Тем временем переговорный процесс о новом соглашении Россия-ЕС, формально возобновившийся после перерыва, вызванного войной на Кавказе, остается в глухом тупике. Двадцать лет спустя после падения Берлинской стены центральной проблемой отношений Россия-Запад вновь стала безопасность.

Действительно, приходится признать: созданная в 1990-е годы европейская архитектура безопасности оказалась несостоятельной. Надежда Запада на то, что Европу можно организовать вокруг пары НАТО-ЕС, которые естественно «притянут» к себе страны и регионы, тяготеющие к Атлантическому альянсу и Европейскому союзу, а для

России достаточно будет формальных партнерств с обоими институтами, оказалась уязвимой в своем последнем предположении. Политика «вовлечения» России дала сбой, забуксовала, а затем окончательно заглохла. В Мюнхене Путин не оставил в этом никаких сомнений. У Москвы накопилось несколько вопросов к США и их союзникам: что делать с расширением НАТО на страны СНГ, с проблемой европейской противовоздушной обороны (ПРО), с Договором об обычных вооруженных силах в Европе. Игнорировать любую из перечисленных проблем значит играть в русскую рулетку.

Другое дело — как поступить. Анализ обнародованных в 2008 г. российских идей создает впечатление, что Москва, предлагая заключить договор о европейской безопасности (ДЕБ, или «Хельсинки-2»), стремится к восстановлению — в сильно облегченном варианте — ситуации последнего периода «холодной войны». У «нового Запада» (НАТО плюс ЕС) и «нового Востока» (ОДКБ) в соответствии с этим видением будет юридически обязывающий договор, фиксирующий их национальные границы и коллективные зоны ответственности; дальнейшее расширение НАТО на восток будет юридически незаконно; ряд стран между блоками (Украина, Молдавия, Грузия, Азербайджан) будут объявлены нейтральными — наряду с Финляндией и Швецией, которые сохранят и подтвердят этот статус; соглашения по американской ПРО в Европе (Польша и Чехия) будут аннулированы и заменены совместным российско-американским или российско-американо-европейским соглашениям и т. д. Главное же — у Европы опять появятся признанные лидеры, компетентные решать все ее проблемы: США, Европейский союз, Российская Федерация.

Дело даже не в том, что вера в саммиты и в их продукты — юридически обязывающие договоры — сама по себе наивна: не договоры создают отношения. Корень проблемы в другом. Уже много лет выдвигаемая Москвой идея трехстороннего сотрудничества ЕС-США-Россия в Евро-Атлантическом регионе

требует совершенно иной политики, чем та, которую демонстрирует современная Россия. Причем не только и не столько внешней. Проблема расширения НАТО — это проблема не только построения безопасности Европы, но и построения современного государства в России. Приверженность европейскому выбору — в отличие от того, что утверждает министр Лавров, — проявляется не в идеях типа ДЕБ (в таком случае и Брежнев с Черненко были бы примерными «европейцами»), а в готовности строить «Европу» (правовое государство, социальную рыночную экономику, политическую демократию, права человека и т. п.) у себя дома. В освободившейся двадцать лет назад Центральной и Восточной Европе подтверждения этому уже есть. В России «Европа» пока явно в дефиците — если не считать, конечно, проведенного под конец 2008 г. якобы «европейского» удлинения сроков полномочий президента и парламента.

Один из камней преткновения в отношениях между Россией и ЕС являются страны Центральной и Восточной Европы включая Балтию. На протяжении почти двух десятилетий внимание к этому региону остается эпизодическим. Многие страны считаются безнадежными, некоторые безнадежно враждебными. Между тем после того как страны ЦВЕ вступили в НАТО и ЕС, такой подход стал наносить ощутимый ущерб отношениям России с Европейским союзом в целом. Особенно проблемным является отсутствие серьезного диалога с Польшей. Летом 2008 г., сразу после войны на Кавказе, 70% поляков ожидали вторжения российских танковых колонн в Польшу. Можно, конечно, радоваться оценке, выставленной таким образом гарантиям НАТО, но нельзя не тревожиться в связи с почти полным отсутствием доверия к России со стороны населения крупного соседнего государства. В 2009 г. грядут юбилеи: 20 лет падения Берлинской стены, 70 лет пакта Молотова-Риббентропа. Самое умное, что может сделать Россия, это открыть архивы, связанные с Катынью, аннексией балтийских государств, Второй мировой войной и послевоенным периодом. Глухая

оборона на историческом направлении и операции в духе «Наших» способны принести России лишь новые потери. Надо помнить: отношения Москвы с Европой — это не только Берлин, Париж и Рим, но и Варшава, Прага и Рига. И еще: это не только отношения государств и правительств, но также бизнесов и отдельных людей.

В отношениях с США Москве продолжает мешать неизбывная одержимость «борьбой с однополярным миром», которого, как тут же выясняется, либо уже нет, либо никогда не было. Готовясь взаимодействовать с новой администрацией США, Кремль мог бы задаться вопросом: что нужно России от Америки, кроме трех известных пунктов: не мешать в СНГ, не расширять НАТО и не размещать войска и оружие рядом с российскими границами? Например, как «развернуть» российско-американские отношения, чтобы они реально помогали модернизации страны? Было бы полезно критически задуматься, действительно ли американцы настолько «не понимают по-хорошему», что с ними, «чтобы был толк, нужно только по-плохому». Жесткий тон первого ежегодного послания Дмитрия Медведева неприятно поразил американскую аудиторию, а угроза в ответ на создание в Европе третьего позиционного района ПРО США разместить в Калининграде ракеты «Искандер» является очевидной ошибкой уже с точки зрения российских интересов. Другими грубыми просчетами — с точки зрения информационного позиционирования России в мире и воздействия на американскую общественность — стали демонстрационные перелеты российских стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу и поход кораблей Северного флота в Карибский бассейн. Самолеты, конечно, должны летать, а корабли — ходить в море, но публичное братание с Уго Чавесом — яркий пример антирекламы, а «единственное в мире» признание Южной Осетии и Абхазии со стороны Никарагуа выглядит как конфуз.

Сдерживание России извне — политика негодная и опасная. Вмешательство Запада в российские внутренние дела — бесперспективно и бессмысленно. Вместе с тем самым рос-

сиянам должно быть совершенно ясно: подлинное равенство в XXI в. — это равенство институтов, а не мегатоннажа баллистических ракет или, скажем, размеров ВВП. Легализм не то же самое, что верховенство закона. Коррупция не может быть нормой жизни. До тех пор пока Россия не станет современным государством, ее политическая система не будет рассматриваться как совершенно легитимная и с легитимными же интересами во внешнем мире. Такова реальность, нравится она кому-то или нет. Оптимальный путь приобретения Россией высшего международного статуса — это последовательная модернизация страны как результат целенаправленной политики, расширяющей участие граждан в выработке решений и контроле над ними. Известно, что платой за отсутствие реформ становятся кризисы.

Чтобы расти вверх, нужно избавиться от высокомерия. «Крах либерального капитализма» не стоит в одном ряду с крахом коммунизма, а «разрушение очередного имперского порядка» (что бы под этим ни подразумевать) — с развалом СССР. На наших глазах американский народ продемонстрировал способность к регенерации своей политической системы. С избранием Барака Обамы Америка в очередной раз «переизобрела сама себя». Самое главное — не то, что выбрали чернокожего, а в том, что это был выбор обыкновенных американцев, а не элит, кланов или политических машин. Для россиян, сохранивших способность размышлять и сопоставлять, сравнение выборов 2008 г. в России и США показательно и поучительно. Вообще лучше думать не о проблемах соперников, а о том, какие уроки следуют из их и собственного богатого опыта. Например, как реализовать на практике те ценности, о которых президент Медведев говорил в ноябрьском послании Федеральному собранию и затем в новогоднем обращении к гражданам страны.

Российская заявка на ревизию мировой системы, сложившейся после окончания «холодной войны», очевидна. У Москвы есть основания претендовать на более активную роль

в мировых делах, на более весомое участие в мироуправлении. Но что такое мировой порядок? Смена пресловутой однополярности олигархатом пяти-шести государств, включающим Россию? Получается, все дело в рассадке за столом: надо сесть «так». В Москве любят ООН, но в основном из-за права вето в Совете Безопасности. А Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе не любят по причине отсутствия аналогичного органа. Полезно задуматься над тем, что готова Россия принести остальному миру. За что принять на себя ответственность? Пока наиболее популярной и востребованной остается идея национальных интересов, но в ее основе очевидно лежит национальный эгоизм, а не производство общественных благ. Россиянам нужно понять, на каких направлениях они способны выполнять роль мировых или региональных лидеров. У России — до признания Абхазии и Южной Осетии — был шанс, например, выступить в качестве защитника международного права. Не осыпав от войны, под воздействием страхов и по соображениям целесообразности Москва этот шанс упустила. Предстоит искать новую «нишу». Пока же стоит трезвым взглядом посмотреть на перспективы такой умозрительно-экзотической конструкции, как БРИК (т. е. Бразилия, Россия, Индия и Китай), оценить потенциал и возможности Шанхайской организации сотрудничества и т. д. Пора осознать, что внешняя политика России зашла в тупик. Никогда еще в новейшей истории отношения страны с Европой, Америкой и ближайшими соседями (Украиной, Грузией, Эстонией) не были столь напряженными одновременно. Можно сколь угодно часто повторять максимум о вечных интересах и непостоянных друзьях, фразу о том, что «одиночество прекрасно», цитировать до дыр афоризм про армию и флот как единственных друзей России, но надо признаться себе: речь идет об опасности изоляции страны. Вряд ли Медведев, Путин или Лавров захотели бы поставить это себе в заслугу.

Конец 2008 г. и начало 2009-го проходят в условиях расширяющегося и углубляющегося экономического кризиса.

В реальной жизни «остров стабильности» может оказаться на деле уязвимее других. Российский фондовый рынок провалился глубже, чем в странах и БРИК, и Организации экономического сотрудничества и развития. Капиталы ушли, нефть падает и валит бюджет, рубль девальвируется. Можно, конечно, говорить об ответственности США, «заразивших» мир свои кризисом, но главное — как и куда выбираться из кризиса. Отдавая приоритет задаче модернизации страны, Россия должна будет идти по пути сближения с Европой, Северной Америкой, в целом с экономически *и политически* развитым миром. Ставя во главу угла восстановление доминирования в Евразии, Россия быстро истратит свои ресурсы в борьбе с объектами ее державных амбиций, с региональными державами и вступит в вязкое противостояние с Америкой и Европой. Такой курс наверняка приведет к кратковременной, но болезненной и разрушительной двойной изоляции страны — изнутри и снаружи — и заблокирует очередной модернизационный проект. Допустим, этого могли бы желать противники сильной России. Дружья России и сами россияне должны такой курс отвергнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лавров С. В. Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/itogi/BB6FD8CB9CE863B2C325752E0033DoF9.

² Там же.

³ Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» [12 сентября 2008 г.] // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/09/206408.shtml>.

⁴ Лавров С. В. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Краткая война на Кавказе, вызванная безрассудным и жестоким нападением Саакашвили на Южную Осетию, и последующий массивированный ответ Москвы вновь последовательного перерыва внезапно вывели Россию на экран американского радара. Многие стали опасаться вероятности возобновления конфронтации в духе «холодной войны». Но подобная аналогия неверна, и не только потому, что у большинства людей одна мысль об этом вызывает содрогание. Важнее то, что сейчас не существует никакого идеологического контекста, никакого «железного занавеса» с четкими разделительными линиями и никакой заикленности на отношениях между Москвой и Вашингтоном ни в одной из этих столиц, не говоря уже об остальном мире. Иными словами, Грузия — не Германия, а Россия — не Советский Союз. Более того, существует глобальная экономика с мировым рынком, Интернет вообще не знает границ, и все больше и больше людей ездят между странами. Однако отказываться проводить параллели с «холодной войной» не значит преуменьшать проблему. Отношения между Америкой и Россией действительно очень плохие, но они плохи, потенциально даже опасны, совсем по-иному, нежели тогда. Такой поворот событий заслуживает действительно серьезного внимания.

Основная опасность в контексте российско-американских отношений заключается в отсутствии правил игры.

Поскольку Россия вышла из того жалкого бессильного состояния, в котором пребывала в 1990-х годах, она по примеру Соединенных Штатов и их союзников стала пытаться применять силу в своих интересах. Военная кампания Москвы против Грузии копировала сценарий операции НАТО против Сербии 1999 г. с последующим признанием Косово Западом вопреки протестам Белграда. Парируя обвинения США в адрес Москвы, будто она хочет осуществить «смену режима» в Тбилиси, российский посол язвительно заметил, что концепция смены режима изобретена не в Москве. Кремль, конечно, хорошо изучил технологию «цветных революций» 2003—2005 гг. в Грузии, на Украине, в Киргизии, которые он рассматривал как геополитическое продвижение США в постсоветское пространство, и надеется со временем ответить любезностью на любезность.

Москва была особенно раздражена нежеланием США рассматривать постсоветское пространство как особую территорию, находящуюся в непосредственной близости от России. В 2007 г. в своей речи в Мюнхене Владимир Путин сетовал на то, что Америка не уважает границ и стремится распространить свой правопорядок на весь мир, и вот год спустя Россия сделала решительный шаг, признав независимость Абхазии и Южной Осетии от Грузии. С российских кораблей настороженно наблюдали, как американские военные суда выгружали гуманитарные грузы в грузинских портах. Вскоре после этого два тяжелых бомбардировщика Ту-160 российских ВВС осуществили перелет в Венесуэлу, чтобы испытать свои силы над Карибским морем. А осенью российский флот приплыл в Южную Америку. Расширяя свои связи, вовлекая в них Венесуэлу и Боливию, раздувая тлеющие головешки в Гаване и Манагуа, Москва посылает Вашингтону сигнал: остановите свои геополитические притеснения, иначе мы будем делать то же самое. Президент Дмитрий Медведев, вполне в духе доктрины Монро, объявил постсоветское Содружество сферой «привилегированных интересов России». Не он первый это придумал: даже

самый прозападный президент Борис Ельцин и его министр иностранных дел Андрей Козырев в 1993 г. требовали почти того же, только из-за очевидной слабости тогдашней России никто не обратил на это внимания. Теперь, реализуя свои региональные великодержавные амбиции, Россия бросает прямой вызов американской глобальной гегемонии. В отсутствие любых совместно согласованных правил каждая из сторон составила собственный перечень «красных линий», нарушение которых предполагает принятие ответных мер. С точки зрения России это нападение на ее вооруженные силы и граждан, появление американских военных баз в странах СНГ, расширение НАТО за счет вступления в него Украины и Грузии.

Новая ситуация имманентно нестабильна из-за очевидного неравенства соперников. Валовой внутренний продукт России во много раз меньше американского, а российские ассигнования на оборону составляют всего 4% американских. У Москвы фактически нет союзников: Китай не будет делать ничего, что могло бы помешать его неуклонному подъему, тогда как Вашингтон в значительной степени восстановил отношения с Европой и нашел новую дружественную державу в лице Индии. Мало кто в Соединенных Штатах склонен относиться к России как к достойному оппоненту — так, нефтяное государство с устаревшим арсеналом... Между тем русские, со своей стороны, считают, что время расцвета экономического, финансового и политического господства США в мире уже позади, и невысоко оценивают значимость рассеянного по миру военного потенциала США в эпоху асимметричности военных действий и продолжающегося ядерного сдерживания. Но когда каждая из сторон считает другую слабой, и притом не усиливающейся, у обеих появляется соблазн делать более смелые шаги, чем может позволить благоразумие.

На этом фоне главный фактор риска — это размывание договорной основы контроля над вооружениями. После выхода администрации Джорджа Буша из Договора по ПРО и ее

решения развернуть элементы системы ПРО в Польше и Чехии Россия приостановила свое участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), являвшемся со времени окончания «холодной войны» основой военной безопасности в Европе. Будущее Договора о ракетах средней дальности, запрещающего американские и российские системы определенных классов (как раз тогда, когда такие системы все больше распространяются в Азии и на Ближнем Востоке), тоже представляется туманным. В декабре 2009 г. истекает срок действия Договора СНВ, ограничивающего стратегические наступательные системы дальнего действия и включающего положения об инспекционных проверках. При этом исчезнет и возможность проверки соблюдения Договора о стратегических наступательных потенциалах (СНП), срок действия которого истекает лишь в 2012 г. Таким образом, получается, что соглашения с неограниченным сроком действия, такие как Договор по ПРО, аннулируются, тогда как у других истекает срок действия, а новые им на смену не принимаются.

Общие линии напряженности, обостряющие соперничество в российско-американских отношениях, сходятся на Украине — стране, имеющей важнейшее значение для российской и европейской безопасности. Там воинственно настроенный президент Виктор Ющенко, с большим подозрением относящийся к России, решительно выступает за присоединение Украины к НАТО, а его бывшая союзница, ставшая теперь яркой противницей, пользующаяся большой популярностью премьер-министр Юлия Тимошенко, в лучшем случае неоднозначно расценивает подобную перспективу, склоняясь скорее в пользу НАТО, в то время как их бывший оппонент, влиятельный лидер Партии регионов Виктор Янукович твердо выступает против вступления страны в НАТО. Ющенко надеется поднять свой упавший до однозначных чисел избирательный рейтинг, ставя во главу угла тезис об угрозе со стороны России. Но сейчас это не слишком прибавляет ему популярности, поскольку лишь

20% украинцев являются сторонниками членства Украины в НАТО, а 44% поддержали Россию в войне с Грузией.

Президент Украины издал указ, требующий, чтобы корабли базирующегося в Севастополе российского Черноморского флота уведомляли Киев о своих перемещениях из территориальных вод Украины и обратно, точно указывая при этом задачи, численность и характер вооружений и персонала. Пока Москва отказывается подчиняться этому указу, ссылаясь на то, что связана только соглашениями, заключенными между обеими сторонами. А что будет, если Киев решит все-таки провести в жизнь президентский указ, подчеркнув таким образом примат своих «суверенных прав»? Отступит Москва или будет сопротивляться попыткам ограничить действия ее флота? Попытаются ли тогда украинцы применить силу, чтобы заставить его подчиниться? Если прогремят выстрелы и какой-нибудь корабль будет потоплен, что случится в Севастопольской бухте, где в настоящее время базируются флоты двух стран? И что случится на суше при столкновении русских сепаратистов с украинскими националистами, да еще в присутствии третьей силы — крымских татар, являющихся неизменным фактором общественно-политической жизни в Крыму? Какие приказы получит в этом случае Шестой флот США? Станет ли крымский кризис подобием кубинского? Захотят и смогут ли Медведев или Путин отступить, как сделал Хрущев в 1962 г.? Или сейчас это было бы невозможно из-за реакции российского общественного мнения и близости Крыма к России? Такая перспектива сделала бы недавнюю войну в Грузии, несмотря на все связанные с ней трагические потери, похожей просто на детскую ссору в песочнице.

Чего хочет Россия?

Однако, скажут некоторые, разве устремления России состоят не в том, чтобы попытаться так или иначе вновь со-

брать потерянную империю? Разве сегодня бывший Советский Союз для Кремля не то же самое, чем была Восточная Европа для Сталина после Второй мировой войны? Разве авторитарной России не присущи неотъемлемо экспансионизм и агрессивность, и, таким образом, разве она не представляет постоянную угрозу для своих соседей? И разве не обязанность Америки противостоять запугиванию Россией других стран? Все это очень серьезные вопросы.

Спустя семнадцать лет после распада Советского Союза преобразования в России не завершились. Были подъемы и спады, но фундаментальные изменения продолжаются. Менее всего они заметны в той области, на которой как раз и сосредоточено внимание большинства наблюдателей, т. е. в политической системе, но следует заметить, что даже здесь российский авторитаризм процветает с согласия управляемых. Наиболее очевидны изменения в экономике включая сельское хозяйство, в сфере социальных отношений и методов, в постепенно восстанавливающихся городских центрах за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Сегодня нельзя утверждать, что Россия не авторитарна (хотя и умеренно), что власть и собственность в ней не идут рука об руку (их все еще трудно отделить друг от друга в верхних эшелонах) или что внешняя политика России не бросает вызов мировому господству Америки (см. выше). Горькая ирония состоит в том, что, становясь все более западной внутри, Россия одновременно становится все менее прозападной вовне.

Что касается происходящих в России изменений — здесь нет ничего predetermined или автоматического, даже в смысле направления. Реально в России противостоят друг другу не немногие прозападные либералы и неподвижный автократичный истеблишмент, но скорее сторонники обновления и консерваторы как в пределах истеблишмента, так и вне его. Обе группы хотят видеть Россию могущественной, но расходятся относительно методов. Иногда эти группы конфликтуют, чаще достигают компромиссов, а порою это просто одни и те же люди: понаблюдайте, напри-

мер, за Путиным, как он перемещается взад-вперед между этими двумя группами. Группы традиционалистов одобряют конфликты с соседями, конфронтацию с США и изоляцию от Запада. Но рост торговли и инвестиций, развитие и диверсификация экономики, необходимость внедрения инноваций и создания институтов — все это требует участия перспективно мыслящих и действующих людей, и это могут быть только сторонники модернизации. Поразительно, что война на Кавказе тут же привела к падению индекса российской фондовой биржи, который вскоре снизился еще больше, уже в рамках глобального кризиса, начавшегося на Уолл-стрите. Сигнал Москве очевиден. Будь то война или мир — рынок имеет значение, и глобальная взаимозависимость — не миф, а реальность.

Тем россиянам, которые хотели бы заменить программу модернизации программой мобилизации, следовало бы учитывать опасность повторения судьбы Советского Союза, только все может произойти быстрее и не обязательно закончится мягким приземлением. Как ни парадоксально, но именно тем, кто хочет конкурировать с Америкой, придется осознать, что только модернизированное государство (т. е. государство западного типа) может надеяться чего-то достигнуть в таком соревновании и что в отличие от времен Петра Великого и Сталина здесь недостаточно просто модернизации военных, административных и даже хозяйственно-производственных структур. Для успеха инновационной политики необходима свобода личности и подлинная открытость к миру. Те, кто считает необходимым усилить роль России на международной арене, не могут не заметить, что ни оголтелый антиамериканизм, ни грубый национальный эгоизм не годятся в качестве долгосрочных программ. Со временем России, если она хочет активно участвовать в формировании будущего, придется задуматься, что она может предложить, и формулировать привлекательные для мирового сообщества общие идеи, выходящие за рамки простых национальных интересов. Медведев, кажется, понимает это,

когда жалуется, что война на Кавказе отвлекла его от более важных проблем.

В общем и целом Россия хочет быть современной великой державой в рамках миропорядка, организованного вокруг нескольких региональных полюсов и поддерживаемого ими совместно. Отсюда следуют два вывода: на соседние с Россией страны — государства СНГ — распространяется сфера ее интересов, на которую не должны покушаться ни внешние военные союзы, ни другие великие державы, и, второе, Соединенные Штаты будут играть роль «обычной» великой державы, может быть, и первой, но среди равных, со своей собственной «сферой влияния», существенно меньшей, нежели весь земной шар.

Что США сделали неправильно?

Когда Путина недавно спросили, почему Россия не смогла выстроить прочных отношений с Западом, он ехидно ответил: а почему Запад не смог наладить отношения с Россией? И по крайней мере половина правды на его стороне. Последовательно сменявшие одна другую американские администрации не использовали появлявшиеся шансы, прежде всего, возникшие сразу после краха коммунизма, включить Россию в западную систему институционально, а позже, после 11 сентября 2001 г., сохранять альянс с ней, чтобы более эффективно противостоять новым факторам риска по всему миру, и в конечном счете смотреть на Россию как на такую же великую державу и партнера в регулировании мировых вопросов. Вместо этого Россию, напротив, рассматривали как лишившийся конечностей обрубок побежденной советской империи, как хилое государство и «международного нищего», как нефтяное государство, не заслуживающее своих свалившихся с неба прибылей, грозу-обидчика региона, выпущенного из заключения сначала условно, а затем подчистую.

Это кажется невероятным, но отслужившая свой срок администрация Буша, в составе которой было много преж-

них специалистов по СССР, практически игнорировала Россию. Личные отношения Путина и Буша использовались как оправдание недостаточного внимания к России. В отсутствие стратегии в отношении России она стала просто одним из аспектов американской политики наряду с нераспространением оружия массового уничтожения, войной с терроризмом и продвижением демократии, обоснования которых в том изложении, в каком они звучали в Москве, часто противоречили друг другу. Без консолидированного подхода к России различные силы в США стремились осуществлять по отношению к ней деятельность, направленную на реализацию своих узкокорыстных интересов. Россия в данном случае не является чем-то исключительным. Скорее это проявление более общего свойственного США подхода и, как результат, неспособности американского руководства, безразлично — республиканского или демократического, возвыситься до уровня беспрецедентно удачного для Америки исторического момента.

В случае России характерной особенностью американского подхода было убеждение, что легитимность правительства полностью зависит от качества политической системы. Иными словами, по этой логике получалось, что в нынешнем мире совершенно легитимными являются только демократические государства. Правда, это не относится к ключевым американским союзникам, таким как Саудовская Аравия и Египет, и к важнейшим торговым партнерам, таким как Китай, но ко всем прочим странам относится в полной мере. Поскольку Россия отказалась быть младшим партнером США, а ее торговые связи с Америкой относительно слабы, она не может и не должна ожидать терпимости со стороны Вашингтона. Россия также вынуждена была испытать на себе груз разочарования тех американцев, которые в 1990-х годах надеялись, что она относительно быстро пройдет переходный период за счет строительства демократических институтов, рыночной экономики и проведения прозападной внешней политики.

Практическим результатом этого нежелания признавать легитимность режима стало игнорирование целого ряда российских интересов под предлогом их нелегитимности или недостаточной обоснованности. Так, недовольство Москвы расширением НАТО рассматривалось как атавизм: в отсутствие советской угрозы НАТО нельзя было считать врагом России, и протесты Москвы против принятия туда новых членов (но не самой России!) интерпретировались как фантомные боли после ампутации частей бывшей империи. Протесты России против обвинений в адрес сербов как главных преступников в ходе балканских войн отклонялись как следствие этнического и религиозного родства среди православных славян, а беспомощный гнев Москвы во время 78-дневной воздушной войны НАТО против Сербии в 1999 г. из-за Косово был назван жалким. России дали понять, что она не в состоянии блокировать возглавляемые США военные действия на Балканах или в Ираке, используя право вето в Совете Безопасности ООН, поскольку ни Совету Безопасности, ни самой ООН не будет позволено противостоять «справедливым войнам».

Еще до 11 сентября Путин в качестве жеста доброй воли отдал распоряжение демонтировать находившуюся на Кубе российское станцию слежения и военно-морскую базу во Вьетнаме. США сочли это запоздалым признанием Кремлем постсоветских реалий, не стоящим никакой взаимности. Помощь России американцам в Афганистане после 11 сентября Соединенные Штаты одобрили как полезную, хотя и не имеющую решающего значения, а согласие Москвы с американским военным присутствием на бывших советских аэродромах в Центральной Азии было сочтено единственно возможным для России вариантом. Создание общего фронта против терроризма, подтвержденное осенью 2001 г. в Кроуфорде (штат Техас), не помешало администрации Буша через несколько недель официально известить Москву о решении выйти из Договора по ПРО. Единственным бонусом для России в это время стало снижение накала официальной

американской риторики против российской антитеррористической кампании в Чечне.

На фоне вдохновленного войной в Ираке стремления к повсеместному насаждению демократии «цветные революции» в бывших советских республиках Грузии, Украине и Киргизии приветствовались не только как победа простых граждан над коррумпированной бюрократией, но и как новые успехи в постсоветской деколонизации. Утверждалось, что Украина стала независимой только теперь, когда ориентированная на Запад «оранжевая коалиция» заменила русскоязычную восточную элиту. Для России, однако, проблемой была совсем не демократия (здесь были не очень высокого мнения о грузинской демократии и вскоре обнаружили возможности, открывавшиеся в связи с новым плюрализмом на Украине), а американская геополитическая экспансия в форме присутствия в этих странах американских военных (первоначально для обучения и маневров) и, что гораздо серьезнее, расширение НАТО.

Процесс расширения НАТО, начавшийся скромно, с решения о членстве в НАТО воссоединившейся в 1990 г. Германии, теперь охватил все бывшие страны Варшавского договора, три прибалтийских государства и половину стран, возникших на территории бывшей Югославии. Москва видела в этом «подминание под НАТО европейской безопасности», сводящее ее роль к минимуму, несмотря на подписание в 1997 г. Основопологающего акта Россия-НАТО и создание в 2002 г. Совета Россия-НАТО. Важнейшие решения о проведении военных кампаний в Европе, развертывании новых вооруженных сил и вооружений США на континенте, приеме в НАТО новых членов были явно и намеренно ограждены от российского вето. Члены НАТО отказались установить формальные связи с Организацией Договора о коллективной безопасности (где Россия играла лидирующую роль), чтобы тем самым не легитимировать региональное влияние Москвы в Центральной Азии, и не пошли на сотрудничество с Россией в сфере борьбы с наркотрафиком из боязни подорвать афган-

скую экономику и, таким образом, лишит поддержки правительство Хамида Карзая в Кабуле. В реальности партнерство Россия-НАТО свелось к техническому сотрудничеству.

Проблему расширения НАТО Москва воспринимает в нескольких плоскостях. Во-первых, со стороны Запада это нечестно: Горбачеву обещали, что после присоединения Восточной Германии никакого дальнейшего расширения НАТО не будет. Во-вторых, со стороны Запада это высокомерно: и Ельцину, и Путину отказали, когда они — каждый лично — пытались ставить вопрос о приеме России в НАТО. Наконец, новых, а тем более предполагаемых будущих членов НАТО Москва считает пешками в руках Вашингтона, согласными и готовыми превратить свои территории в платформы для использования Пентагоном. Видя, как быстро такие платформы возникают вблизи России как раз тогда, когда отвергаются предложения Москвы о создании единой системы безопасности вместе с США и их союзниками, в частности, обороны от ракет театра военных действий (ТВД) в Европе, российское руководство и военные круги делают мрачные выводы.

Конечно, в прошлом десятилетии Россию приняли в группу ведущих промышленно развитых стран, США и Евросоюз признали ее экономику рыночной, неоднократно и торжественно объявлялось о «стратегическом» партнерстве с Россией, регулярно проводились встречи на высшем уровне, наконец, что значительно более важно, люди, идеи и капиталы могли свободно пересекать границы. Ситуация действительно нисколько не напоминает 1948 г.; но если все-таки проводить параллели с прошлым, скорее следует вспомнить 1908 г. Сейчас в мире, где страны становятся более, чем когда-либо, взаимозависимыми, международное соперничество не подчиняется какому-то кодексу поведения, признаваемому всеми ключевыми субъектами. Резкое выступление Москвы против «однополярного мира» является симптоматичным, даже если другие, например, китайцы, проявляют намного больше терпения. Иными словами, аналогия с глобальной ситуацией

после Второй мировой войны неверна; более уместна аналогия с региональной ситуацией перед Первой мировой войной. Совершенно ненужный конфликт может возникнуть в недалеком будущем, прежде чем большинство людей осознают это.

КАК БЫТЬ СО ВСЕМ ЭТИМ?

Сейчас, когда внешняя политика Америки перестраивается, в ней России должно уделяться постоянное и всестороннее внимание, и новый политический курс США должен включать проработанную стратегию взаимоотношений с Россией. Это по определению означает, что Вашингтон должен мыслить о России стратегически, а не в идеологическом или теологическом контексте. Это не уступка России. Пришло время прекратить «ожидание Годо»: в Кремле не появится внезапно демократический царь. Нельзя ожидать проамериканской внешней политики от Москвы, где моральная репутация Америки упала чрезвычайно низко. Надежда на то, что какая-нибудь катастрофа снова ввергнет население России в нищету и, таким образом, приведет к падению нынешнего режима в Кремле и откроет дорогу демократической революции, которую возглавят сторонники Запада, и безнравственна, и по сути наивна.

Хорошо бы также признать, что российская политическая система сама по себе не представляет угрозы ни для США, ни для их союзников, ни для соседей России. Саакашвили получил жесткий отпор не потому, что Грузия следует по пути демократизации, а потому что он решил силой захватить анклавы, находящиеся под защитой России, и напал на российских военнослужащих. Проблема с Киевом у Москвы возникла из-за НАТО, а не из-за свободных выборов или перспектив интеграции Украины с ЕС. У России хорошие отношения с Германией и плохие с Эстонией (а они обе члены и ЕС, и НАТО), и в значительной степени потому, что Эстония предвзято относится к местным этническим русским и прославляет

местных сторонников нацистов, боровшихся против Советского Союза во время Второй мировой войны.

Внутреннюю политику России лучше всего оставить на усмотрение самих россиян, тем более что никакого иного варианта нет. Капитализм будет продолжать изменять Россию, но длительность этого процесса может измеряться поколениями, а не десятилетиями. Политическая система России тоже будет развиваться. Однако американцы должны понять, что, став более демократичной, Россия не обязательно станет более уступчивой. Скорее более передовое российское государство, обладая более современной экономикой, станет более равноправной, более требовательным партнером и более эффективным конкурентом. Идея, что все демократические государства в мире так или иначе являются естественными младшими партнерами и союзниками Соединенных Штатов, сформировалась в специфических условиях, сложившихся после Второй мировой войны, и неуместна в мире, где такие страны с сильным осознанием суверенитета и широко толкуемыми национальными интересами, как Россия и Китай, проходят процесс модернизации. Тем, кто хочет проверить это, полезно представить себе реакцию присягнувшей демократии Индии на гипотетическое вмешательство США в проблему Кашмира, в ее программу разработки ядерного оружия или в отношения с соседями.

Отношения Вашингтона с соседями России не должны строиться так, как будто ее не существует. Ведя себя таким образом, США неизбежно попали бы в ситуацию, когда им пришлось бы делать выбор между решением начать войну с Россией из-за таких мест, как Севастополь или Сухуми, и отказом от поддержки своих клиентов со всей горечью унижительного отступления. Администрация Буша только что столкнулась с умеренным вариантом такой ситуации во время грузинского конфликта. Новой администрации в Вашингтоне следует сделать вывод, что расширение НАТО достигло пределов безопасности и любые подвижки в направлении Украины и Грузии чреваты реальной угрозой.

Опасность при этом кроется отнюдь не в предполагаемом патологическом экспансионизме России, и компромиссное решение не будет подобием мюнхенского умиротворения. В случае Украины вопрос о ее членстве в НАТО затрагивает обнаженный нерв ее национальной идентичности. В то время как около 20% ее населения действительно видят в России давнего угнетателя, более половины ее жителей, напротив, смотрят на нее как на часть большой семьи, которую НАТО хочет расколоть. Если только не произойдет открытой и неспровоцированной российской агрессии, в обозримом будущем это соотношение вряд ли существенно изменится. Большинство украинцев хотят быть частью Европы, но при этом эмоционально не желают отделяться от России. И они явно предпочитает длинную и трудную дорогу в Европейский союз с виду более короткой дороге в НАТО. Вот путь, идя по которому, можно сохранить Украину единой и свободной. Демократический альянс, верный своим принципам, должен был бы принять во внимание желание большинства населения. И, конечно, удостовериться при этом, что Ющенко не последует примеру Саакашвили и не спровоцирует вооруженный ответ России.

В Грузии ситуация, конечно, иная, здесь большая часть элиты и населения в целом поддерживает вступление страны в НАТО. Проблема в том, что при вступлении в Альянс Грузии, по-прежнему претендующей на сохранение Абхазии и Южной Осетии, эти конфликты превратились бы в непосредственную проблему во взаимоотношениях между НАТО и Россией. Едва ли можно сомневаться, что и до недавней войны почти все абхазское и осетинское население отвергало и Грузию, и НАТО. Имеет ли право Атлантический союз в таких обстоятельствах вступать с Тбилиси в отношения, предусматривающие выполнение принципа «все за одного, один за всех»? Гораздо лучше было бы терпеливо участвовать в управлении кризисом, восстановлении и последующем разрешении конфликтов на Кавказе, где Европейский союз играл бы роль одного из лидеров.

Война в Грузии вернула в повестку дня долго остававшуюся в тени проблему европейской безопасности. Бесполезно повторять сейчас старую мантру, что конец «холодной войны» позволил списать проблему европейской безопасности в архив. И в самом деле, инстинктивно тянет обратиться к арсеналу времен «холодной войны»: начать перевооружение нервничающих соседей России, развернуть американские силы в Польше и, возможно, также в Грузии и прибалтийских государствах, предоставить Украине и Грузии План действий по членству в НАТО, прекратить сотрудничество НАТО с Россией и обмена военными между США и Россией. Если такой подход возобладает в реальной политике (а его элементы, наверное, будут осуществлены на практике), в Европе повысится уровень напряженности, но не уровень безопасности. Если же целью является безопасность для всей Европы, повестка дня должна быть иной.

Она должна включать: (1) разрешение замороженных конфликтов в Косово (где не только сербы не могут управлять албанцами, но и албанцы сербами: населенный сербами анклав Митровица к северу от реки Ибар фактически не управляется из Приштины), в Абхазии (нельзя ожидать, что она вернется в состав Грузии, также как Косово уже никогда не будет управляться из Белграда, но при этом ей вряд ли нужен Гальский район, в котором подавляющее большинство населения — этнические грузины), в Южной Осетии (которая раньше, возможно, развивалась по направлению к превращению в российско-грузинский кондоминиум, но в результате августовской войны стала серьезной проблемой для дипломатов), в Молдавии (где теперь имеются шансы на достижение при российском посредничестве соглашения о единстве), в Нагорном Карабахе (если он взорвется, возникнет угроза для каспийских трубопроводов); (2) контроль над обычными вооружениями: что делать с ДОВСЕ после того, как Запад отказался ратифицировать его адаптированную версию, которую Россия ратифицировала, но затем

вышла из первоначального Договора 1990 г., заключенного применительно к вооруженным силам НАТО и Варшавского договора; (3) системы ПРО (рассмотрят ли США повторно российское предложение о противоракетной обороне ТВД в масштабах всей Европы или решат возобновить развертывание своих систем в Польше и Чехии? И в последнем случае успокоит ли Россию надлежащая система постоянного мониторинга?).

Проблемы контроля над стратегическими вооружениями обсуждаются в другом кратком обзоре из этой серии Фонда Карнеги, написанном Роуз Геттемюллер. К нему можно только добавить, что, возможно, пришло время начать пробный трехсторонний диалог по проблемам стратегических вооружений между Америкой, Россией и Китаем.

Помимо европейской повестки дня стратегический подход к российско-американским отношениям должен охватывать проблемы Большого Ближнего Востока и терроризма. Поскольку действующие маршруты поставок в Афганистан становятся все более опасными из-за событий в Пакистане, пора снова рассмотреть возможность использования северного маршрута через Россию и Центральную Азию. Что касается Ирана и Северной Кореи, Соединенные Штаты, конечно, могут вести военные действия в одностороннем порядке, но дипломатические решения потребуют сотрудничества с Россией, а также с Китаем. И действительно, можно утверждать, что так называемая «неповоротливость» Москвы в отношении санкций сохранила возможности для политического решения проблемы Ирана. Однако решение относительно того, чтобы проявить лидерство и начать рассматривать Иран как крупную региональную державу, а не как гуляющего на воле преступника, остается за Вашингтоном.

Заслуживает внимания и вопрос о том, насколько энергетические ресурсы России могут быть энергетическим оружием. Ничто не указывает на то, что энергетическая зависимость между Россией и Европой может быть невзаимной.

Если энергоносители и были оружием, то до 2005 г., когда «Газпром» продавал углеводородное сырье с огромными скидками, и Кремль ожидал, что покупающие его страны пойдут на ответные уступки. С тех пор как Украина начала платить за потребляемый ею газ по ценам, как-то соотносящимся с международными, этот механизм воздействия исчез. Как метко говорят в Киеве, независимость означает, что за вас никто не платит. А что действительно нужно, так это прекратить войны трубопроводов (по типу «Набукко» против «Южного потока») и возобновить энергетический диалог на высоком уровне, чтобы попытаться решить конкретные проблемы, возникающие у производителей, потребителей и стран-транзитеров.

Конец «холодной войны» широко (и неправильно!) интерпретировался в Соединенных Штатах как победа Запада, ставшая следствием наращивания вооружений при президенте Рейгане, обращения папы римского Иоанна Павла II и истощения СССР, обусловленного действиями сил афганского сопротивления, поддерживаемого США. Не то чтобы эти факторы совсем не имели значения, но в действительности советский коммунизм рухнул под собственным весом, и его главными могильщиками были сами граждане СССР. Мысль о том, что для решения проблемы России могут понадобиться две «холодных войны», как потребовались две мировых войны, чтобы решить проблему Германии, возможно, вписывается в опыт Америки, но это заблуждение, притом опасное, и не в последнюю очередь для самих Соединенных Штатов. Успешная политика в отношении России должна опираться на факты, а не на мифы прошлого или мечты о будущем. Для этого необходима смелость, но недавние события на Кавказе и в других местах могут сформировать тот «момент истины», который в конце концов поможет США нормализовать свое представление о России и разработать наконец подход, который действительно был бы стратегическим.

АМЕРИКА: МЕНЬШЕ ИДЕОЛОГИИ

Сейчас, когда в Соединенных Штатах приближаются выборы сорок четвертого президента, в России присутствуют как живой интерес к исходу самой захватывающей в истории борьбы за Белый дом, так и несколько отрешенная позиция в том, что касается возможных последствий выборов для российско-американских отношений. Общее мнение состоит в том, что после восьми лет пребывания у власти Джорджа У. Буша Америку ждет период существенной корректировки внешнеполитического курса, но отношения с Россией не будут занимать в этом процессе центрального места. Никто всерьез не ожидает, что внешняя политика США волшебным образом преобразится, но есть надежда, что ситуация в мире придаст действиям следующей администрации меньшую идеологизированность и большую прагматичность.

С точки зрения России было бы идеально, чтобы следующая администрация руководствовалась американскими интересами, избегая сползания к «демократическому фундаментализму» или антиавторитарных «крестовых походов» нового поколения «хладовоинов». Москва, отвергнувшая любую идеологию как путы, сковывающие ее действия, и исповедующая прагматизм, считает, что разговоры Вашингтона о «ценностях» по сути неискренни, что они полностью скомпрометированы двойными стандартами и слу-

жат глобальному экспансионизму. Таким образом, обращенные к США призывы умерить идеологический пыл на деле означают призыв отказаться от притязаний на гегемонистское лидерство.

Это не означает, что Россия приветствовала бы ситуацию, при которой Америка «уйдет в себя», что, впрочем, в любом случае нереально. Москва даже в какой-то степени согласна с лидерской ролью Вашингтона, но это должно быть просвещенное лидерство. В этой идеальной ситуации США ни в коей мере не должны играть роль гегемона. Они не должны настаивать на собственном нравственном превосходстве и универсальности своих ценностей. Им следует потесниться, освободив место для других крупных игроков, и смириться с плюрализмом ценностных систем, существовать по принципу «живи и дай жить другим». Россия, не представляющая какой-либо конкурирующей идеологии, не стремится заменить американскую политико-экономическую систему какой-либо другой, она хочет лишь гарантий, чтобы США не перешагивали своих границ и уважали легитимность других режимов.

Действуя на основе собственных интересов, США одновременно должны признавать и интересы других. В идеале Соединенные Штаты должны вести себя на мировой арене более демократично, придерживаясь в отношениях с другими государствами тех же принципов, что действуют во внутривнутриполитической жизни Америки, а Россия должна во внутренней политике исповедовать ту же демократию, за которую она выступает в международных отношениях. Если большинство американцев, вероятно, выступает за перемены во внутренней политике России и уже как следствие — в ее внешнеполитическом курсе, то Россию заботит почти исключительно внешняя политика и политика безопасности США, особенно там, где они соприкасаются с российскими интересами.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О РОССИИ!

Российские официальные круги утверждают, что они выступают за демократический миропорядок, но это не совсем так. Их идеал скорее напоминает просвещенную «мировую олигархию», основанную на совместных действиях и сотрудничестве нескольких великих держав. Москва последовательно отдает предпочтение этой идее «мирового совета директоров» — начиная с «большой тройки» в годы Второй мировой войны и вплоть до «большой восьмерки» в период после окончания войны «холодной». Подобная система в восприятии России представляет собой фундамент международной легитимности. Не являясь более сверхдержавой, полномочным сюзереном на своей половине планеты, Москва преподносит себя в качестве сторонницы международного права. Когда она поднимает на щит Организацию Объединенных Наций, следует понимать, что больше всего она здесь дорожит своим местом постоянного члена Совета Безопасности с правом вето. Санкции, вторжения, оккупация и расчленение суверенных государств возможны, но только с общего согласия великих держав, закрепленного резолюцией Совета Безопасности. Россия не возражает против того, чтобы де-факто место председателя этого «совета директоров» — первого среди равных — досталось Соединенным Штатам, она лишь хочет тоже входить в его состав, и чтобы с ее позицией считались.

Главное, что заботит Москву во внешней политике Вашингтона, — это игнорирование российских интересов. Перспектива «мира без России», считавшаяся в конце 1990-х годов почти само собой разумеющейся, и навязчивые советы относительно преобразования России в конфедерацию — вот что заставило Москву говорить об американском заговоре против нее. Две акции, которые чаще всего называются в качестве причин охлаждения российско-американских отношений при клинтоновской администрации, — присоединение к НАТО стран Центральной и Восточной Европы,

а также война против Югославии из-за Косово — не носили явно антироссийского характера, однако в каждом из этих случаев протесты Москвы полностью игнорировались.

Администрация Буша, по мнению России, продолжала действовать в том же духе, когда она вышла из договора по ПРО, не желала вести с Москвой серьезных переговоров по контролю над вооружениями и решила разместить элементы системы противоракетной обороны в Польше и Чехии. Кремль хотел бы, чтобы следующая администрация США приступила вместе с ним к разработке нового соглашения по контролю над стратегическими вооружениями для замены договора СНВ-1, срок действия которого истекает в 2009 г. В идеале России и США следовало бы также совместно заняться созданием системы ПРО театра военных действий, обеспечивающей защиту Европы от угроз из ближневосточного региона и призванной заменить объекты, которые предполагается развернуть в Польше и Чехии (так называемый третий позиционный район). Кроме того, Россия приветствовала бы ратификацию Соединенными Штатами Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), их активное участие в разработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ) и обязательство Вашингтона об отказе от милитаризации космоса.

В сфере контроля над обычными вооружениями (напомним: именно Россия приостановила участие в Договоре по обычным вооруженным силам в Европе) Москва хотела бы, чтобы США ратифицировали адаптированный вариант этого соглашения, что сама Россия уже сделала, невзирая на ситуацию в Молдавии и Грузии, где до сих пор находятся некоторые российские воинские контингенты из тех, что она обещала вывести. В целом следует отметить, что постсоветские государства, граничащие с Россией, стали одним из основных «раздражителей» в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Если и можно выделить какое-нибудь главное препятствие, помешавшее России и США превратить

сближение, последовавшее за терактами 11 сентября, в прочный альянс, то это именно резкие разногласия относительно положения бывших советских республик.

Если называть вещи своими именами, то Москва хочет, чтобы Вашингтон признал приоритет российских интересов на всем постсоветском пространстве за исключением прибалтийских государств, уже вступивших в ЕС и НАТО. Россия, несомненно, не стремится восстановить Советский Союз или царскую империю. Она, однако, хочет создать такую международную систему, в рамках которой ее интересы в этом регионе пользовались бы первенством по сравнению с интересами любой другой страны. Прежде всего это относится к сфере безопасности. В частности, Россия хочет, чтобы США отказались от планов включения Украины и Грузии в Атлантический альянс. Москва также выступает против американского военного присутствия в странах — участницах Содружества Независимых Государств (СНГ). Она приветствовала решение Узбекистана о ликвидации американской военной базы на аэродроме Ханабад, и присоединилась к призыву Китая о выводе американских войск из всей Центральной Азии — в настоящее время они остаются в Киргизии.

Вопреки распространенному, но ошибочному мнению Кремль не стремится превратить СНГ, которое официально включает все республики бывшего СССР за исключением прибалтийских государств, в бастион авторитаризма. Идеологическая мотивация в принципе не характерна для российского руководства. Демократический характер «цветных революций» в Грузии и на Украине как таковой Москву несколько не пугал. В состоянии, близкое к панике, ее ввергло опасение, что эти революции, особенно украинская, представляют собой «генеральную репетицию» спланированной, финансируемой и организованной Вашингтоном попытки смены режима в самой России. Когда приступ паранойи прошел, эти события стали расцениваться как акции, призванные усилить американское влияние в Евразии с целью окон-

чательного и бесповоротного ослабления позиций России, особенно на Украине, и получения доступа в богатые энергоносителями прикаспийские государства, а также к транзитным маршрутам транспортировки нефти и газа на Запад, например, через Грузию. В результате Россия начала призывать Соединенные Штаты уважать традиции и модели межгосударственных отношений в регионе, т. е. по сути не вмешиваться в его дела и признать приоритет российских интересов.

ПЕРЕСМОТР ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Кремль называет страны СНГ своей сферой интересов, чтобы избежать дискредитированной формулировки «сфера влияния». Впрочем, речь идет не только о перестановке слов, но и о менее жестком, более «либеральном» характере самой концепции. Проиллюстрируем это такой аналогией: Россия желает, чтобы ее окружало кольцо «Финляндий», а не стран Варшавского пакта. За пределами этой сферы Москва хочет от Вашингтона, чтобы тот действовал не столь радикально в вопросах международной безопасности. Отнюдь не приветствуя распространение ядерного оружия, она, однако, ничуть не меньше, чем его последствий, опасается превентивных силовых акций США. Россия крайне скептически относится к возможности добиться успеха в вопросе о ядерных программах стран-«изгоев» исключительно с помощью «кнута», не дополненного увесистым «пряником». Она также считает, что по проблемам нераспространения ядерного оружия, как и по другим вопросам, США должны консультироваться с другими крупными державами и действовать с ними «в связке».

Примером такого подхода могут служить шестисторонние переговоры по Северной Корее. Россия хочет, чтобы та же стратегия осуществлялась и в отношении Ирана, и полагает,

что Соединенным Штатам следует отказаться от любых разговоров о смене режима в Тегеране и быть готовыми предоставить иранской стороне гарантии безопасности. В Афганистане россияне предпочли бы традиционные методы — договоренности с различными полевыми командирами и племенами, а не масштабные проекты демократизации. Что касается Ближнего Востока, то Москва предпочитает, чтобы Вашингтон отказался от «черно-белого» представления о ситуации в этом регионе и был готов сотрудничать со всеми влиятельными политическими силами включая ХАМАС и «Хизбаллу». Процессы модернизации в мусульманском мире, по мнению России, следует стимулировать осторожно — с помощью разнообразных проектов в сфере экономики, образования и торговли, которые местные жители воспринимали бы как свои собственные, а не навязанные Западом. Главное, считает она, необходимо воздерживаться от применения силы — за исключением самых крайних случаев.

Россия полагает, что в мире происходит освободительный процесс: страны не желают мириться с единоличной гегемонией любой державы или альянса. В кремлевской концепции суверенной демократии акцент делается в первую очередь на независимости от любого «полюса» — Европы, Китая и, главное, Соединенных Штатов. Далее провозглашается равенство России со всеми этими полюсами. Слово «демократия» в этой формулировке означает, среди прочего, неприятие внешнего вмешательства в процесс преобразований в России — будь то в виде проповедей и нравоучений или в виде поддержки радикальной оппозиции и сепаратистов.

Условия, на которых бывший президент Владимир Путин готов сотрудничать с США и Западом в целом, изложенные в его Мюнхенской речи 2007 г., можно подытожить следующим образом: принимайте нас такими как есть, относитесь к нам как к равным, стройте отношения на основе взаимных уступок и не ожидайте, что Россия и дальше будет следовать в вашем фарватере. Ставить России подножки по вопросам, важным для нее, и стремиться заручиться ее под-

держкой по вопросам, важным для Вашингтона, — такая политика просто абсурдна. Сотрудничество — вещь всеобъемлющая: любишь кататься, люби и саночки возить.

Россия все больше стремится принимать участие в процессе принятия решений по экономическим и финансовым вопросам. Ей не нравится существование «финансовой большой семерки», где она не пользуется полноправным статусом. Хотя страна пока остается за бортом Всемирной торговой организации (ВТО), она не готова вступить в нее «любой ценой». Российские аграрии особенно активно выступают против «чрезмерных и несправедливых» требований торговых партнеров Москвы. Эта позиция не равнозначна изоляционизму: Россия жаждет стать членом такого престижного «клуба», как Организация экономического сотрудничества и развития. В то же время она выражает озабоченность гегемонией США и Европы в международных финансовых институтах, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Она хочет, чтобы Соединенные Штаты признали: так называемый «Вашингтонский консенсус» уже не соответствует проблемам, с которыми сталкивается мировая экономика. Она убеждена, что преобладание американского доллара неизбежно ослабнет, и даже полагает, что российский рубль может превратиться в региональную резервную валюту.

В том, что касается американо-российских экономических отношений, Москва недовольна протекционистской, по ее мнению, политикой США, созданием на американском рынке барьеров для инвестиций стран с развивающейся рыночной экономикой включая Россию. Для России сигналом о том, что Соединенные Штаты готовы вести дела на современных «глобализованных» началах, стали бы позитивное отношение к капиталовложениям государственных «фондов благосостояния» и приобретению американских активов частными компаниями, отказ от привязки торговых соглашений к внешнеполитическим соображениям и попыток распространять нормы своего законодательства на международ-

ные экономические отношения, а также отмена введенной в 1974 г. поправки Джексона-Вэника. Она запрещала предоставлять СССР статус наибольшего благоприятствования в знак протеста против ограничений эмиграции и продолжает действовать в отношении России даже сегодня, когда некоторые евреи, выехавшие в свое время из Советского Союза, возвращаются в Россию. Кроме того, россияне хотели бы, чтобы Америка установила более либеральный визовый режим.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
НИЧТО НЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО

Мало кто из россиян ожидает, что в ближайшем будущем они будут иметь дело с такой «идеальной» Америкой. Что же касается кандидатов в президенты США, то каждый из них по своему вызывает в России настороженность. В ушах Кремля звучит эхо призывов сенатора-республиканца от Аризоны Джона Маккейна исключить Россию из «большой восьмерки», и некоторые считают его вторым Рональдом Рейганом образца его первого срока, сочетавшим жесткую риторику в адрес СССР с мощным наращиванием вооружений. Впрочем, это предложение вряд ли внушает Москве страх: считается, что союзники США его никогда не поддержат. Поэтому ожидается, что Маккейну, если он будет избран, волей-неволей придется на практике отказаться от своих наиболее экстремистских заявлений в адрес России. Кроме того, позиция этого кандидата в вопросе сокращения ядерных вооружений выглядит на удивление многообещающей.

Немало россиян считает сенатора-демократа от штата Иллинойс Барака Обаму наилучшим кандидатом для самих США, способным возглавить столь необходимый процесс корректировки курса страны по широкому кругу внутри- и внешнеполитических вопросов. Тем не менее эти люди с настороженностью относятся к последствиям победы Обамы для американо-российских отношений. Российская

элита зачастую отдает предпочтение республиканским администрациям — не столько потому, что они, как считается, придают меньшее значение правам человека и распространению демократии (после прихода в Белый дом Джорджа У. Буша этот тезис уже не соответствует действительности), сколько потому, что, по их мнению, республиканцев в вопросах внешней политики и безопасности меньше сковывают по рукам и ногам внутривластные соображения. Россия — бывший противник США, даже после окончания «холодной войны» зачастую считающийся «проблемным» государством, — находится в ином положении по сравнению с союзниками США. Хотя Обама «завоевал» поддержку общественности и элит как в Европе, так и в России, это различие в положении отчасти объясняет, почему в последней его преимущество куда меньше. Тем не менее россияне вполне готовы узнать, проявит ли себя Обама в случае избрания демократом «нового типа».

В целом же немало россиян как среди общественности, так и в кругах элит придерживаются довольно детерминистской убежденности, что апогей могущества и влияния США уже позади, и страна охвачена пусть медленным, но упадком. Недавно ощутив на себе неожиданное и чрезвычайно жестокое падение собственной страны со сверхдержавной «вершины», после которого она сумела оправиться, кое-кто в Москве считает, что может поделиться новообретенным опытом с бывшим главным соперником — Америкой. Многим американцам подобная идея наверняка покажется абсурдной: они рассматривают Россию, несмотря на ее нефтяные доходы, как страну, по-прежнему находящуюся в упадке и преодолеваемую множеством проблем.

Москва явно не стремится к возобновлению конфронтации с Соединенными Штатами. Она хотела бы, чтобы Вашингтон не воспринимал возрождение России как угрозу для себя, требующую некоего нового варианта политики сдерживания, хотя некоторые весьма резкие заявления, звучащие из определенных московских кругов, провоцируют

именно такую реакцию. Во взглядах россиян на США отражается как сама американская внешняя политика, так и особенности далеко не законченного периода преобразований в России, прежние и новые фобии, давно подавлявшиеся желания, универсалистские амбиции, а порой и просто злорадство. Тем не менее Россия — это страна, которую Соединенные Штаты не могут игнорировать.

Россия вряд ли будет союзником США, как европейские государства и Япония, но столь же мала вероятность, что она станет прямым конкурентом Америки, стремящимся сбросить ее с пьедестала. Вероятнее всего, Россия в XXI в. сыграет роль «поворотной» страны, от чьей ориентации будет отчасти зависеть характер будущей международной системы. Ее идеи и стремления следует воспринимать с некоторой долей скепсиса, но их ни в коей мере нельзя считать маловажными. Если Соединенные Штаты возьмут на себя труд «подстроиться» под некоторых других крупных независимых игроков на международной арене, они, возможно, не станут в одночасье выглядеть совершенством в собственных глазах, но в результате вполне могут превратиться в более уважаемого и эффективного мирового лидера.

К НОВОЙ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ В СФЕРЕ «ЖЕСТКОЙ» БЕЗОПАСНОСТИ

Перспективы трехстороннего сотрудничества:
США-ЕС-Россия

Новые лидеры, приходящие сейчас к власти в Москве, Вашингтоне и многих европейских столицах, получают в наследство ряд проблем в сфере безопасности Евроатлантического региона, накопившихся и выкристаллизовавшихся со времен провала последней попытки формирования стратегического партнерства между бывшими противниками в «холодной войне», имевшей место сразу после терактов 11 сентября 2001 г. Эти проблемы, и без того непростые, могут осложниться еще больше и даже привести к политическим конфликтам. Чтобы избежать сползания к конфронтации, не отвечающей основополагающим интересам всех сторон, России, Америке и Европе следует проанализировать общий контекст своих взаимоотношений, выделить главные приоритеты и приступить к поиску практических решений.

К середине первого десятилетия XXI в. Россия покинула геополитическую орбиту Запада. С тех пор ее отношения с Соединенными Штатами и Европейским союзом напоминают слоеный торт. Покрывающая его глазурь (т. е. воинственная риторика, особенно характерная для прессы, но время от времени фигурирующая и в официальных заявлениях) настолько холодна, что некоторые публицисты уже говорят о новой «холодной войне». На публичном и по-

Перевод доклада «Toward a New Euro-Atlantic 'Hard' Security Agenda: Prospects for Trilateral U.S.-EU-Russia Cooperation» (Washington, D.C.: CSIS, July 2008).

© 2008 by the Center for Strategic and International Studies and the Institut Français des Relations Internationales.

литическом уровне мы наблюдаем глубокое недоверие между Россией, с одной стороны, и США и многими их союзниками — с другой. Однако непосредственно под ледяной коркой скрываются несколько прохладные, но преимущественно корректные и прочные политические отношения между Россией и ее основными западными партнерами. Где-то в середине располагается еще один слой — динамичное экономическое взаимодействие, в том числе и в сфере трансграничных инвестиций. И наконец, нижний слой составляют многочисленные контакты между людьми, которые происходят фактически сами по себе. Одним словом, аналогия с «холодной войной», пожалуй, неверна, но некоторые элементы ситуации 1914 г. в нынешних отношениях присутствуют, и это не может не вызывать озабоченность.

Проблемы «жесткой» безопасности — тема данного доклада — относятся к «политическому слою», широко обсуждаются в рамках «риторического слоя», но практически полностью игнорируются на двух других уровнях, что расположено ниже. Сразу по окончании противостояния Запада и Востока их, как и само понятие «европейской безопасности», сочли было темой, представляющей интерес лишь для историков, но уже через несколько лет они вновь обрели актуальность. На деле вопросы безопасности распадаются на две категории. К первой относятся проблемы, существующие между Россией и ее номинальными партнерами в Северной Америке и Европе, а ко второй — вызовы, общие для Запада и России. Таким образом, повестка дня в сфере евроатлантической безопасности по определению носит сложный и в некоторых элементах противоречивый характер.

Контекст отношений

Прежде чем перейти к обсуждению самих проблем и способов их решения, необходимо отметить ряд специфических характеристик трех главных действующих лиц. Запад, в свое

время выступавший единым фронтом против СССР, уже не проявляет такой сплоченности в отношении России, но межатлантические союзнические отношения сохраняются, а солидарность в рамках Европейского союза не только активно провозглашается, но и осуществляется на практике, пусть и символически. Внимание США, сосредоточенное на «Большом Ближнем Востоке», по сути все еще отвлечено от Европы. На Россию Вашингтон обращает взор лишь от случая к случаю. Европа вяло движется по пути интеграции, которая постепенно распространится и на элементы общей внешней политики и обороны. А Россия с ее новообретенным богатством и кажущейся уверенностью вырвалась из-под опеки Запада и в стратегической сфере предпочитает «двигаться в одиночку».

Какими бы ни оказались форма и содержание дальнейшего участия США в делах Ирака, центральное место в общем внешнеполитическом курсе Америки скорее всего и дальше будет занимать «Большой Ближний Восток». Иран, Пакистан и Афганистан, Сирия и Ливан останутся основными объектами озабоченности Вашингтона, нельзя будет забывать и о Саудовской Аравии с Египтом. Китай, который события 11 сентября избавили от слишком пристального внимания США, вероятно, займет более важное место среди приоритетов следующей американской администрации. Важность союзнических отношений с Японией, нарождающаяся дружба с Индией, а также неоконченные ядерные дела с Северной Кореей — из-за всех этих факторов Азия в долгосрочной перспективе будет играть первостепенную роль как главная стратегическая зона планеты и основной объект внимания США в стратегической сфере с точки зрения традиционной безопасности. Таким образом, на Европу остается довольно мало времени.

Одно важное решение, которое США активно проталкивали в последнее время, — о независимости Косово — свидетельствовало об их стремлении закрыть последнюю страницу своего участия в решении проблем на Балканах. Другое

решение администрации Буша — о развертывании системы противоракетной обороны в Польше и Чехии — было принято в связи с иранской проблемой, вне рамок НАТО и практически без учета возможной реакции России. Конечно, Вашингтон поддерживал продолжающееся расширение НАТО на востоке и юго-востоке Европы, а также в целом оказывал содействие «цветным революциям» в Сербии, Грузии и на Украине, но все это, похоже, было для Соединенных Штатов второстепенным направлением, не связанным с основным вектором их внешней политики.

Сегодня ушли в прошлое серьезные разногласия между США, с одной стороны, и Германией и Францией — с другой. При президенте Николя Саркози Париж поддерживает внешнеполитические цели США куда больше, чем когда-либо за последние десятилетия. В 2009 г. Франция возвращается в военную организацию НАТО, из которой она вышла при Шарле де Голле. С момента ухода Герхарда Шрёдера с поста канцлера в 2005 г. Берлин стал более сговорчивым на межатлантическом направлении и более осторожным в отношении Кремля. Разногласия в самой Европе по поводу вторжения США в Ирак и проекта Евроконституции постепенно сглаживаются. Перед Европой, конечно, по-прежнему стоит основополагающая дилемма ее собственной стратегической идентичности: будь то в рамках ЕС с полномасштабной компетенцией, Евросоюза как альянса в сфере «мягкой безопасности», работающего в тандеме с НАТО — «специалистом по жесткой безопасности», или в формате нескольких союзников США по эту сторону Атлантики.

Лет десять после падения Берлинской стены НАТО находилось в поисках новых задач, поддерживая себя на плаву сначала расширением в Центральной Европе, а потом военной миссией на Балканах. После 11 сентября, однако, вновь возникло ощущение, что Альянс утратил актуальность; кроме того, накануне и сразу после американского вторжения в Ирак в его рядах произошел серьезнейший раскол по линии «Венера против Марса» и «старая Европа» против «но-

вой»». Однако поскольку ресурсы США задействуются для оккупации Ирака и стабилизации обстановки в этой стране, возникла необходимость в участии НАТО в операции в Афганистане. Альянс, много лет сосредоточенный на обороне Фюльдского коридора, обрел второе дыхание в горах Гиндукуша. Однако от исхода этой миссии в значительной мере зависит роль — да и сама судьба — НАТО в XXI в.

Россия тем временем, отказавшись от курса на интеграцию с Западом, обратилась к традиционной великодержавной политике. Стремительный рост цен на энергоносители помог ей вновь обрести уверенность в себе, но отношение Запада к России как к малозначительному игроку не прошло бесследно для московского руководства. Прагматичная до мозга костей, занимающая жесткую позицию неприсоединения, вполне самодостаточная и финансово независимая Москва отвергла положение младшего партнера США и сопротивляется притяжению «нормативной империи» ЕС. Если когда-то ее главными союзниками на мировой арене были армия и флот, то теперь ими считаются нефть и газ. Утратив прозападную ориентацию, но и не придерживаясь последовательно антизападной политики, Россия стала настаивать на «равноправных» отношениях с другими центрами влияния в мире, обретающем, к ее удовлетворению, многополярность.

Хотя, как упоминалось выше, разговоры о новой «холодной войне» парадоксальным образом сосуществуют с ростом торговли и взаимных инвестиций, информационной транспарентностью и постоянным нарастанием потока визитов граждан в обе стороны, речь идет не просто о разговорах. Тот факт, что в России так и не был успешно завершён внутриполитический «переход к демократии», что она отвергает интеграцию с Западом на правах младшего партнера и активно не приемлет миропорядок, сложившийся после окончания «холодной войны» (т. е. мировую гегемонию США), вызывает у Соединенных Штатов и Европы вполне реальное беспокойство. Первоначальные надежды, давно

развевшиеся и сменившиеся презрительным равнодушием, теперь уступают место исторически обусловленным опасениям Запада относительно появления на мировой арене очередного авторитарного «громилы». Новообетенная боевитость и напористость России свидетельствует о ее ревизионистских — по крайней мере, с точки зрения мироустройства — намерениях, в связи с чем встал вопрос о сплочении Запада для противостояния подпитываемому энергоносителями натиску Москвы. Лозунгами дня по обе стороны Атлантики становятся обеспечение энергетической безопасности Европы и создание всемирной «лиги демократий», призванной дать отпор «авторитарному Интернационалу».

Конечно, отнюдь не все убеждены, что пришла пора готовиться к новому, возможно, более мягкому противостоянию. Разброс мнений на этот счет в США велик. В рамках Европейского союза громкие голоса «русоскептиков» зачастую вызывают раздражение у крупных государств из Западной и Южной Европы, связанных с Россией долгосрочными экономическими и стратегическими интересами. Если бы внешняя политика Москвы была не столь бесцеремонной, более просвещенной, если бы она полнее задействовала свое «мягкое влияние», соотношение сил в Европе, вполне возможно, сложилось бы в пользу углубления сотрудничества с Россией, а не нарастающего отчуждения. Аналогичным образом можно утверждать: если бы США более чутко относились к законным интересам безопасности России, а Европа активнее приглашала бы ее к сотрудничеству и меньше поучала, изоляционизм, вероятно, не пользовался бы такой популярностью в Москве.

На момент написания этих строк перечисленные пожелания — скорее из области мечтаний. За последние два десятилетия дважды возникала возможность радикального улучшения отношений между Россией и Западом, но оба раза она была упущена: в первый раз — после распада Советского Союза, а во второй — ровно десять лет спустя, сразу после 11 сентября. Третьего шанса пока не предвидится. Контекст

отношений между Соединенными Штатами, Европой и Россией на обозримое будущее уже определился, но данный факт не находит отражения ни в нынешней структуре этих взаимоотношений, ни в преобладающем (главным образом на Западе) образе мышления. Если во внутривосточной ситуации в России парадигма перехода к демократии уступила место менее внятной и детерминированной модели «трансформации», важным элементом которой является «авторитарный капитализм», то модель международного партнерства, подразумевавшая присоединение России к Западу в качестве второстепенного игрока, должна быть радикальным образом пересмотрена. Россия — одинокая великая держава, обидчивая и амбициозная, и обращаться с ней нужно с осторожностью.

Темой этого доклада является повестка дня в сфере «жесткой» безопасности. Она неизменно входила в меню американских, советских и европейских дипломатов и ученых во время «холодной войны», была благополучно забыта по окончании оной и заново открыта в начале 2000-х годов. Даже перестав быть центральным элементом системы международных отношений в целом, эта сфера сохраняет достаточно большое значение. В ситуации, когда отношения России с Западом утратили характер «полусоюзнических», но и не вернулись к состоянию конфронтации, требуется новая модель взаимодействия. Речь идет об отношениях между конкурентами, но не совсем противниками, о модели, лишенной иерархического характера, но с участием игроков из весьма различных международных «весовых категорий», имеющих некоторые общие основополагающие цели, но резко расходящихся во взглядах на внутривосточные ценности и правила поведения на международной арене. В такой ситуации некоторые проблемы могут спровоцировать реальное столкновение.

ПРОБЛЕМЫ

Повестка дня в сфере «жесткой» безопасности в отношениях США, Европы и России очень широка. Она включает такие проблемы, как архитектура безопасности Европы и еще не разрешенные конфликты на ее территории; распространение ядерного оружия; контроль над ядерными и обычными вооружениями; конкуренция в пересекающихся зонах интересов — «новой Восточной Европе», на Южном Кавказе, в Прикаспии и Центральной Азии; конфликты в соседних с Европой регионах, от Ливана до Афганистана; терроризм; воздействие «взлета» Азии, особенно Китая, на систему евроатлантической безопасности.

АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ

Поскольку единое пространство безопасности от Ванкувера до Владивостока так и не материализовалось, перспектива создания архитектуры безопасности, охватывающей его целиком, оказалась иллюзорной. Еще в середине 1990-х годов стало понятно, что Москве не удалось превратить Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в основную структуру обеспечения безопасности на всем евроатлантическом пространстве. Со временем ОБСЕ превратилась в надзорный орган, специализирующийся прежде всего на правах человека и демократических институтах, причем почти исключительно на постсоветском пространстве. В результате Москва перестала симпатизировать своему бывшему фавориту. Напротив, Россия столкнулась с возрастающей «натоизацией» архитектуры европейской безопасности: все больше ее прежних сателлитов по Варшавскому договору и даже бывших советских республик присоединяются к Альянсу или изъявляют желание присоединиться. Расширение НАТО и «отступление» России — две стороны развития архитектуры европейской безопасности после «холодной войны».

Новые государства, возникшие после распада Советского Союза, стали главным камнем преткновения в отношениях России с США и Евросоюзом. В 2002 г. возможность установления партнерских отношений между США и Россией сорвалась из-за фундаментальных разногласий относительно новых независимых государств. Эти расхождения резко усугубились после 2003—2004 гг. Интересы России и Запада схлестнулись во время выборов в Грузии и на Украине. Кремль видел в «революции роз», «оранжевой революции» и «революции тюльпанов» не торжество демократии, а посягательства США на свою территорию с целью как минимум умалить роль и влияние России в непосредственно граничащих с нею странах, где Москва обладает несравнимо более важными и жизненными интересами, чем Вашингтон. Согласно иной, более скептической точке зрения, также существовавшей в Кремле, эти потрясения в соседних регионах представляли собой генеральную репетицию смены режима в Москве.

С 2004 г. появление общего «ближнего зарубежья» стало тяжелым бременем для российско-европейских отношений. После расширения Евросоюз граничит с Украиной, Беларусией, Молдавией, на другом побережье Черного моря его влияние распространилось на Грузию, Южный Кавказ и даже Центральную Азию. Отношения с этими странами строятся на основе европейской политики добрососедства. Польша и страны Балтии, особенно Литва и Эстония, стали одновременно экспертами, локомотивами и «надзирателями» за европейской политикой по отношению к России. Конфликты 2006—2007 гг. из-за цен на газ и трубопроводов породили опасения относительно использования Россией «энергетического оружия» против своих соседей. Москва, со своей стороны, пришла к выводу, что отношение к ней Запада предвзято и с этим ничего не поделаешь. В такой ситуации любая общая стратегия ЕС может быть основана только на принципе наименьшего общего знаменателя. Тем не менее Москва не ставит расширение Евросоюза на одну

доску с расширением НАТО. Даже членство Украины в Евросоюзе проблем не создаст, официально заявил Владимир Путин в 2008 г. Россия стремится не загнать соседние страны в свой лагерь, а помешать им вступить в военный альянс, в котором ей самой не будет места.

По сути Россия рассматривает расширение Североатлантического альянса не только как распространение сферы влияния Запада, а значит, и американской гегемонии, но и как проявление вероломства, поскольку, по мнению Москвы, она в свое время получила заверения, что от Западной Европы Россию будет отделять достаточно широкая буферная зона из государств, не входящих в какие-либо блоки. Неудача попыток Москвы, предпринимавшихся — на высшем уровне, но весьма осторожно — сначала при Ельцине, а потом при Путине вступить в Альянс в качестве его фактического вице-председателя придавала «натовскому вопросу» особенно болезненный характер. Еще больше усиливало недовольство Кремля бытующее на Западе представление, что неприятие Москвой «вербовки» новых членов Альянса среди ее бывших сателлитов и вассалов лишь свидетельствует о сохранившейся у России жажде гегемонии в регионе и ее извечной агрессивности.

Неприятие расширения НАТО остается константой российской политики начиная с 1993 г., однако тактика Москвы менялась. Если в 1990-е годы она громогласно, но бессильно протестовала против присоединения к блоку Польши, Чехии и Венгрии и в конце концов подписала документ о партнерских отношениях с НАТО, в котором также содержались гарантии безопасности России, то в начале 2000-х годов она спокойно наблюдала за вступлением в Альянс государств Балтии, Болгарии и Румынии в надежде, что между Россией и НАТО установятся новые, куда более прочные отношения. Принятие в Альянс Хорватии и Албании на Бухарестском саммите 2008 г. оставило Москву совершенно равнодушной. Однако по вопросу предоставления Грузии и Украине планов действий по подготовке к членству

в НАТО (ПДЧ) она не ограничилась протестами, а прибегла к контрмерам.

По украинскому вопросу Россия внушает Западу: баланс политических сил внутри страны настолько непрочен, что попытка Киева форсировать четкое решение по НАТО может привести к расколу в обществе и долгосрочной дестабилизации обстановки, чреватой драматическими последствиями с точки зрения территориальной целостности Украины. Обращенное к Киеву «послание» Москвы внушает еще больше беспокойства. Любая попытка развернуть на Украине западные базы сделает ее целью для российских ракет; вступление Украины в НАТО аннулирует ее договор с Россией, заключенный в 1997 г., в котором признается независимость страны в границах Украинской ССР по состоянию на 1991 г. В свете «косовского прецедента» (навязанного извне отделения региона) судьба Крыма превратится в открытый вопрос, и в любом случае Севастополь, главная база Черноморского флота, «останется русским», и флот будет базироваться в этом порту и после окончания установленного срока аренды — 2017 г.

Попытки Москвы предотвратить вступление Украины в НАТО такими серьезными угрозами на деле могут привести к противоположным результатам: на Украине распространится страх перед Россией и стремление искать защиты в союзе с Западом. Однако это не отменяет того ключевого факта, что ситуация на Украине отличается от той, что существует практически во всех странах НАТО из Центральной и Восточной Европы: подавляющее большинство ее населения не считает Россию давним угнетателем и агрессором (в отличие от хорошо организованного меньшинства). Вопрос здесь в национальной идентичности, а не в отсутствии информации о НАТО. Несмотря на все разговоры о том, что образцом для деятельности НАТО в XXI столетии станет операция в Афганистане, к востоку от Берлина НАТО все равно продолжают воспринимать как альянс «относительно России». Именно так его расценивают и Варшава, и Москва,

сколь бы различным ни было их отношение к Североатлантическому альянсу.

Проблема России со вступлением Украины и Грузии в НАТО связана с тем, что Москва считает НАТО стратегическим инструментом США. Конечно, в России понимают, что давние члены союза не являются американскими сателлитами. Германия, объединению которой в рамках НАТО Москва сначала яростно противилась, стала истинным другом, а иногда и защитником России. Берлин и Париж вместе с Москвой выступали против вторжения США в Ирак. Турция, в свою очередь, не позволила США использовать свою территорию для нападения на Ирак — а это по любым меркам серьезное решение. Однако вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО в России воспринимается попросту как их превращение в «плацдармы» США для любых действий, которые Вашингтон пожелает предпринять. Тот факт, что новые члены НАТО расположены столь близко от российских границ, лишь усиливает беспокойство Москвы. К тому же в политическом плане «переход Украины к американцам» чреват катастрофическими последствиями для любой команды кремлевских лидеров, на чьей «вахте» произойдет это событие.

Аргументы России о дестабилизации и расколе на Украине в случае, если киевское правительство навяжет населению неоднозначно воспринимаемое решение, не лишены оснований, хотя отчасти проблема связана с вмешательством внешних сил, в том числе самой Москвы. Особая специфика Бухарестского саммита заключалась в том, что, хотя США и попытались в последнюю минуту пролоббировать ПДЧ, обоим соискателям было отказано в их предоставлении из-за возражений нескольких европейских членов НАТО во главе с Германией и Францией. Тем не менее, дабы подсластить пилюлю для Украины и Грузии и не создать у России впечатление, что она одержала победу над НАТО, на саммите им было в принципе обещано членство в Альянсе — даже без принятия решения об их подключении к ПДЧ. Это,

естественно, не оставило у России сомнений в том, что политическая битва за Украину и Грузию продолжается.

По вопросу членства Грузии в НАТО, который в самой этой стране политических противоречий не вызывает, Россия дает понять Западу: приглашение Тбилиси присоединиться к Альянсу означает и «приобретение» двух неразрешенных межэтнических конфликтов, грозящих потенциально обернуться вооруженным столкновением с Россией. Ведь Грузия, отмечает Москва, считает, что фактически находится в состоянии войны с Россией, которая «оккупирует» часть ее территории (т. е. Абхазию и Южную Осетию). В том, что касается самой грузинской стороны, «послание» Москвы содержит контуры возможной сделки. Если Грузия откажется от вступления в НАТО, Россия поможет ей сохранить по крайней мере видимость территориальной целостности с неким конфедеративным статусом для Абхазии и Южной Осетии. Судя по действиям, предпринимаемым Москвой в Молдавии, можно предположить, что это вполне реальное предложение. Проблема для России заключается в том, что в Тбилиси в нем никто не заинтересован. Таким образом, ситуация в этой части Кавказа становится нестабильной и грозит обернуться прямым военным столкновением между Грузией и Россией с очевидными негативными последствиями для отношений между Москвой и Западом.

Отношения между самой Россией и НАТО перешли в рутинное русло. Преувеличенных надежд на то, чего можно было бы достичь за счет партнерства между Москвой и Альянсом, осуществляемого теперь в рамках Совета Россия-НАТО, никто больше не питает, но на техническом уровне сотрудничество проходит вполне профессионально и в целом гладко. Зона, где Россия предпринимает шаги к взаимодействию более «стратегического» характера, — это Афганистан. Она ратифицировала Соглашение о статусе сил в рамках программы «Партнерство ради мира» с Альянсом и открыла возможность для снабжения контингентов европейских стран НАТО по суше через свою территорию. И хотя реальное со-

трудничество России и НАТО по транзиту военных грузов, борьбе с наркотрафиком и обмену разведанными либо крайне незначительно, либо вовсе отсутствует, Москва не заинтересована в провале натовской операции в Афганистане, поскольку в этом случае в стране, граничащей с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией, снова придет к власти движение «Талибан». Тем не менее в целом отношения России с НАТО очень во многом зависят от решения вопроса о заявках Украины и Грузии на вступление в Альянс.

В то же время против вступления своих соседей в Евросоюз Россия не возражает. Контакты между ЕС и Россией по проблемам безопасности находятся в «дремлющем» состоянии, поскольку само направление безопасности в деятельности ЕС формируется крайне вяло. В более широком смысле с тех пор, как Европейский союз расширился на восток, включив в себя десять стран, которые входили в зону влияния Советского Союза или в сам Советский Союз (а до того в Российскую империю), отношения между Брюсселем и Москвой стали более напряженными. Элиты новых членов ЕС в целом воспринимают Россию как традиционного угнетателя, агрессора или захватчика, а иногда и во всех этих трех ипостасях одновременно. Мнение новых членов и сохраняющееся у них остаточное чувство незащищенности оказывают все больше влияния на попытки Евросоюза занять единую позицию по отношению к России, в конечном счете усиливая его подозрительность по отношению к побуждениям Москвы.

Идея президента России Дмитрия Медведева о панъевропейском соглашении в сфере безопасности, впервые озвученная в Берлине в мае 2008 г., спустя два месяца была более подробно представлена постоянным представителем России в НАТО. Мотивация Москвы вполне прозрачна. Россия стремится положить конец ситуации, в которой она является единственным государством, не включенным в европейский ландшафт безопасности. Почти все остальные страны либо являются членами Атлантического альянса или

Евросоюза, либо стремятся в них вступить. ОБСЕ превратилась в организацию, специализирующуюся на правозащитных вопросах и мониторинге выборов в странах бывшего коммунистического Востока. Адаптированный Договор по обычным вооруженным силам в Европе до сих пор не ратифицирован государствами НАТО, и страны Балтии находятся вне действия его ограничений. Да и сами отношения между Россией и НАТО не соответствуют первоначальным ожиданиям стратегического партнерства. Дабы исправить ситуацию, Кремль предлагает всеобъемлющую формулу, которая объединит США, Европу и Россию в качестве трех равных столпов «открытой» евроатлантической архитектуры безопасности. Кроме того, предусматривается перебросить мостик между евроатлантической системой и Азией за счет налаживания контактов с Китаем и Индией.

Внешне инициатива Медведева напоминает перефразированную формулу времен Ельцина и Клинтона («от Ванкувера до Владивостока») или даже горбачевский «общеевропейский дом». Некоторые комментаторы обращаются к еще более далекому прошлому — вплоть до первых советских инициатив по европейской безопасности. В действительности же речь идет о развитии гораздо менее давних предложений — в частности, министра иностранных дел Сергея Лаврова — о трехстороннем пакте безопасности США, ЕС и России для евроатлантической зоны. Новым элементом является связь с Азией. Возможно, предложение Медведева слишком глобально, чтобы стать предметом дипломатических переговоров. Тем не менее российский президент указал на важную проблему. Его шаг предоставляет возможность обсудить способы включения России в евроатлантическую систему безопасности или, если сформулировать по-иному, расширения — и адаптации — этой системы таким образом, чтобы в нее могла войти и Россия. Если это не удастся, Москва, вероятно, еще сильнее «замкнется в себе» и займет еще более «оборонительную» позицию в отношениях с Западом. Прежде всего это скажется на странах,

находящихся между Россией и НАТО, таких как Украина, Грузия и Молдавия. Хотя после падения Берлинской стены прошло уже двадцать лет, безопасность Европы не следует воспринимать как аксиому.

Конфликты: от Косово до Кавказа

Отсутствие действующей архитектуры безопасности затрудняет разрешение конфликтов, возникших после распада Югославии и Советского Союза. Дважды за последнее десятилетие, в 1999 и 2008 гг., события в Косово акцентировали фундаментальные расхождения между Россией и Западом в подходе к проблемам безопасности после окончания «холодной войны». Россия продолжает настаивать на приоритетной роли Совета Безопасности ООН (в котором она обладает правом вето) в вопросах войны и мира, на строгом соблюдении суверенитета государств и нерушимости границ, на соблюдении государствами международного права на мировой арене.

Осудив признание независимости Косово Соединенными Штатами и их союзниками, Россия решила предоставить Западу расхлебывать кашу с последствиями этого признания, а сама демонстрирует поддержку международного права, позиционирует себя как единственного подлинного друга сербского народа и заключает выгодные энергетические сделки с Белградом. Москва отказалась санкционировать деятельность миссии ЕС в Косово после объявления независимости и пообещала заблокировать вступление этого «новожденного» государства в ООН. Однако она не воспользовалась, вопреки распространенным опасениям, «косовским прецедентом» как предлогом, чтобы признать сепаратистские анклавы — Приднестровье, Абхазию и Южную Осетию, которые не первый год пользуются протекцией России. Вместо этого Москва проводит крайне нюансированную политику.

По вопросу о Нагорном Карабахе она по сути занимает солидарную позицию с двумя другими сопредседателями

Минской группы — Вашингтоном и Парижем, что не пришлось по душе Баку. В Приднестровье Москва прилагает реальные усилия к тому, чтобы стороны продолжили поиск решения на основе «общего государства», которое связало бы страну воедино в форме фактической федерации; все это, однако, обуславливается обязательством о неприсоединении Молдавии к НАТО, которое Кишинев готов дать.

Однако в том, что касается Абхазии и Северной Осетии, Россия предприняла шаги по их фактической интеграции в свою экономическую, финансовую и социальную систему. Несмотря на то что формально Москва заявляет о поддержке территориальной целостности Грузии, на деле она относится к правительству в Тбилиси и сепаратистским властям в Сухуми и Цхинвали как к равным «сторонам конфликта» и поддерживает официальные контакты с ними в рамках своей миротворческой миссии в регионе. В то же время Москва выдает населению этих анклавов российские паспорта и пенсии и продолжает их интеграцию с Российской Федерацией, не аннексируя их официально и не признавая дипломатически.

Эта тактика России, которая стала ответом на решение по Косово и обещания стран НАТО на Бухарестском саммите, привела к тому, что Тбилиси активно пытается изобразить Россию агрессором-империалистом и спровоцировать ее на военные действия, чтобы и мировое сообщество разделило подобный взгляд на Москву. Российская сторона отвечает на это демонстрацией силы, наращивая воинские контингенты в зоне конфликта, ремонтируя железнодорожные ветки, ведущие к ее границам, сбивая грузинские беспилотные летательные аппараты и направляя свои боевые самолеты в воздушное пространство Грузии, но отказывается «проглотить наживку», осуществив нападение на Грузию. Кроме того, Москва, в свою очередь, старается изобразить грузинских лидеров безответственными сорвиголовами, которые не могут быть членами уважаемого западного клуба. Подобная тактика взаимных провокаций, рассчитанных главным

образом на американскую и европейскую аудиторию, может привести к просчетам и обернуться серьезной вспышкой насилия, что выведет конфликт на новый уровень.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Если для России на повестке дня прежде всего стоят вопросы архитектуры безопасности и «взрывоопасные» конфликты, то Запад в первую очередь интересуется проблема нераспространения ядерного оружия. При этом, что особенно важно для отношений между Россией и Западом по проблемам безопасности, в этом вопросе первостепенной важности Москва разделяет основные цели нераспространения со своими американскими и европейскими партнерами. В ее подходе акцент делается на переговоры и компромиссы, совместное принятие решений в Совете Безопасности ООН и надзорную деятельность Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Россия не приемлет военных «решений», которые она считает контрпродуктивными, отвергает «смену режимов», поскольку это идет вразрез с фундаментальными принципами суверенитета, и скептически относится к эффективности санкций в качестве инструмента давления на решительно настроенное руководство крупных государств. По всем этим вопросам подход России достаточно близок к позиции, последовательно занимаемой большинством европейских государств и находящей сторонников во влиятельных кругах в США.

На шестисторонних переговорах по Северной Корее Россия проявляет себя командным игроком, а не ставит другим палки в колеса: она поддерживает роль Китая в качестве основного посредника и приветствует прагматический подход США, стремящихся к прямому диалогу с Пхеньяном. По Ирану Москва пытается взять на себя роль основного посредника, а также одного из участников формата «ЕС + 3», но добиться цели здесь гораздо труднее, принимая

во внимание размеры и историю страны, природу тегеранского режима и особенно ресурсы, которыми он располагает. Сотрудничество самой России с Ираном в ядерной энергетике выстроено таким образом, чтобы обеспечить гарантии нераспространения ядерного оружия и создать стимулы для сотрудничества Ирана с международным сообществом.

Россия, подобно США и Европе, достаточно спокойно относится к ядерному потенциалу Израиля, который она, вероятно, в целом рассматривает как стабилизирующий фактор; кроме того, Москва даже раньше, чем США, по сути признала ядерные амбиции Индии естественными для страны такого размера и значения. Однако Москву всегда больше, чем Запад, беспокоила ядерная программа Пакистана, ее результаты и (еще до того, как история с А. К. Ханом выплыла наружу) ее потенциальные последствия в плане распространения. Эта достаточно негативная оценка базируется на неуправляемости и пресловутой политической нестабильности Пакистана, тесных контактах пакистанских военных с радикалами-исламистами и, несомненно, на прежней роли Пакистана как главной базы сопротивления советским войскам в Афганистане.

Основой стратегии России в сфере обороны и безопасности является ядерный потенциал сдерживания. Более того, в условиях ослабления и упадка обычных вооруженных сил постсоветской России значение ядерного сдерживания только возросло. Однако в отношении контроля над ядерными вооружениями Москва является последовательным сторонником официальных соглашений о сокращении ядерных арсеналов. Осознавая несопоставимость экономических возможностей России и Соединенных Штатов, Москва стремится зафиксировать примерное равенство ядерных потенциалов двух стран, чтобы обеспечить предсказуемость стратегической обстановки и сохранить уникальный паритет России и США в сфере ядерных вооружений.

Тем не менее Москва все чаще ищет способы включить в соглашения по контролю над стратегическими вооруже-

ниями и другие ядерные державы: Великобританию, Францию и особенно Китай. Поскольку Россия обладает весьма скромными и сильно устаревшими силами и средствами в плане обычных наступательных вооружений, перспектива появления новых ядерных держав вызывает у нее куда больший дискомфорт, чем у США. Если не будет найден способ расширить формат контроля над стратегическими вооружениями, Россия может решить, что у нее нет другого выбора, кроме наращивания тактических ядерных сил и выхода из договора с США по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), который никак не ограничивает ракетные программы третьих стран.

Москва также обеспокоена соотношением оборонительных и наступательных стратегических сил и средств. Неясно, какова конечная цель программы США по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО). Предполагается ли, что она лишь обеспечит ограниченную защиту против нескольких ракет, выпущенных страной-«изгоем» вроде Северной Кореи или Ирана, или ее целью является создание возможностей для превентивного удара по крупным державам с небольшим (Китай) или сокращающимся (Россия) ядерным арсеналом? Сомнения и подозрения относительно мотивов Вашингтона усиливаются неопределенностью относительно планов США, связанных с использованием космического пространства в военных целях. Кроме того, Россия внимательно изучает заявления, исходящие из американских кругов, связанных с обороной, безопасностью и разведкой, стараясь определить, не рассматривают ли ее снова как противника.

Именно эти общие соображения стали источником озабоченности Москвы по поводу планов администрации Буша относительно размещения объектов ПРО в Центральной Европе. Москва отказывается верить, что основная причина развертывания системы связана с пока еще весьма отдаленной потенциальной угрозой США и их союзникам со стороны иранских ракет. Российские военные аналитики и специ-

алисты по военно-стратегическому планированию в своих заключениях исходят из наихудших сценариев относительно возможностей расширения и «реконфигурации» планируемых объектов. Тот факт, что разместить систему планируется в Польше и Чехии, правительства которых принадлежат к числу наибольших «русоскептиков» Европы, только усугубляет эту озабоченность. Наконец, отнюдь не успокаивал Россию тот факт, что поначалу эти планы осуществлялись полностью вне рамок НАТО, а первые «консультации» США с Москвой скорее напоминали брифинги в Пентагоне.

Основная проблема Москвы с размещением американского позиционного района ПРО в Центральной Европе состоит в том, что Россия воспринимает его как элемент глобальной системы противоракетной обороны, причем в обстановке, когда отсутствует полная ясность относительно долгосрочной военно-политической стратегии США по отношению к России. Фактический отказ США от создания совместно с Россией системы противоракетной обороны театра военных действий для защиты Европы рассматривается в качестве тревожного симптома, как и предполагаемый отход Вашингтона от его обещаний по мерам укрепления доверия в отношении объектов в Польше и Чехии. Размещенная в российских СМИ в июле 2008 г. информация о том, что Москва рассматривает использование кубинских аэродромов своими стратегическими бомбардировщиками, возобновившими далее патрулирование, явно была сигналом Вашингтону: Россия воспринимает развертывание системы ПРО, надежный мониторинг которой ей недоступен, как стратегическую угрозу.

Попытка Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. в крайне резкой форме обратить внимание США и Запада в целом на озабоченность России проблемами безопасности принесла определенные плоды: диалог между США и Россией по ПРО стал более содержательным, хотя никакого соглашения и не было достигнуто. Декларация о стратегических рамках двусторонних отно-

шений, принятая на «прощальном» саммите Путина и Буша в Сочи в апреле 2008 г., представляет собой наследие восьми последних лет взаимодействия США и России. Даже если новая администрация США не будет считать себя связанной политикой своих предшественников, состояние дел, отраженное в этом документе, будет тяготеть над любым новым подходом США к России.

Официальная Россия, конечно, не откликнулась на общественную кампанию США за полную ликвидацию ядерного оружия. Параллельная общественная дискуссия на эту тему в России еще не началась. Россияне, конечно, ощущают угрозу со стороны нацеленных на их страну ядерных боеголовок США и других государств, ничуть не меньше, чем американцы — угрозу со стороны российских боеголовок. Однако обеспокоенность России связана с явным и непреодолимым неравенством возможностей двух стран в плане обычных вооруженных сил. Многие российские эксперты рассматривают полную ликвидацию ядерного оружия как ситуацию, закрепляющую превосходство США в обычных вооружениях. А это противоречит стратегической концепции России, согласно которой политическая самостоятельность и суверенитет страны на международной арене основываются в первую очередь на способности Москвы эффективно обеспечивать сдерживание более мощных держав, таких как США и (все в большей степени) Китай. Теоретически Россия могла бы задуматься о переходе к принципу минимальной достаточности в сфере ядерного сдерживания при условии, что к этой договоренности присоединятся не только США, но и Китай.

Что касается контроля над обычными вооружениями, то в мюнхенской речи президент Путин объявил о приостановке действия ДОВСЕ. В значительной степени это был символический жест, сродни аннулированию Российской империей Парижского договора 1856 г., который положил конец унижительной Крымской войне. Сейчас, как и тогда, Россия дала понять, что оправилась от поражения и не считает себя

связанной дискриминационными соглашениями, заключенными в период ее слабости. Москва больше не могла мириться с тем, что только Россия и другие бывшие советские республики — Украина, Белоруссия и Казахстан — ратифицировали договор, а страны НАТО этого не сделали; что к нему не присоединились страны Балтии, оставив тем самым лазейку для гипотетического наращивания натовских сил; что новые базы США появились в Румынии и Болгарии и могут появиться в Польше; что ей навязываются фланговые ограничения, сковывающие передвижение войск по ее собственной территории. Россия, конечно, отрицала какую бы то ни было юридическую связь между ДОВСЕ и сохранением своих (немногочисленных) воинских контингентов в Молдавии (Приднестровье) и Грузии (Абхазии и Южной Осетии). Россия не оставила без внимания попытки США и Европы выработать компромисс, но сочла предложения Запада по ДОВСЕ, как и США по ПРО, недостаточно отвечающими ее потребностям.

Ближний Восток, Западная и Центральная Азия

«Большой Ближний Восток» стал главной темой внешней политики США и предметом возрастающей озабоченности Евросоюза. Россия, со своей стороны, вернулась в регион после кратковременного перерыва в первые постсоветские годы. В мусульманском мире цели Москвы и Вашингтона или европейцев не всегда противоположны, но интересы их в значительной степени расходятся. Парадоксальным образом у России и Запада больше всего точек соприкосновения по основной проблеме региона времен «холодной войны» — арабско-израильскому конфликту. Россия является членом «ближневосточного квартета», поддерживает разработанный им план урегулирования — «Дорожную карту» и в целом молчаливо соглашается и с политическим курсом, и с главной ролью США в этом процессе. Она поддержала проведение мирной конфе-

ренции в Аннаполисе в 2007 г. В преддверии следующей конференции в Москве Россия стремится представить себя как беспристрастного посредника и сохраняет хорошие отношения со всеми игроками без исключения: Израилем, Сирией, палестинской администрацией в Рамалле и правительством ХАМАС в Газе. Она поддерживает арабский план мирного урегулирования, выдвигаемый Саудовской Аравией, и усилия по созданию правительства национального единства в Палестине. Возможно, ресурсы, которые Россия готова задействовать для обеспечения мира между арабами и израильянами, ограничены, а ее амбиции могут показаться чрезмерными, но, по крайней мере в рамках ближневосточного мирного процесса, Россия занимает конструктивную, а не obstructивную позицию.

По Ливану Россия не так тесно сотрудничает с Западом, но и не выступает в роли его противника. Конечно, у нее не вызвала восторга «кедровая революция», — параллели с недавними переворотами в сопредельных с Россией государствах (Украине и Грузии) были более чем очевидны, — но в конце концов Ливан вообще находится вне сферы интересов России. Россия в целом поддерживает правительство премьер-министра Фуада Синьоры, но благоразумно воздерживается и от бойкота «Хизбаллы». Она не осудила Сирию за убийство Рафика Харири или Иран за косвенное вмешательство в ливанские дела, рекомендуя всем сторонам компромисс и урегулирование противоречий. Россия не присоединилась к миротворческой операции Евросоюза, но отправила в Ливан собственный батальон. Тот факт, что это оказалась военно-инженерная часть, а не миротворческая, и укомплектована она была этническими чеченцами, а не славянами, свидетельствует о том, что Россия извлекла нужные уроки из своего афганского и чеченского опыта. Скептически относясь к фракционным предпочтениям Запада, особенно США, Россия тем не менее сохраняет заинтересованность в предотвращении крупномасштабной гражданской войны в Ливане.

По Ираку Россия давно смирилась с реальностью военного и политического присутствия США в стране. Поддерживая в принципе постепенную передачу власти иракскому правительству и переход ответственности к национальным силам безопасности, Россия не выступает за ускоренный вывод американских войск из Ирака, опасаясь падения местной власти, начала полномасштабной религиозной и межэтнической войны в стране, а также резкого усиления исламского радикализма и террористической деятельности в регионе. Москва также приглядывается к Багдаду как к потенциальному партнеру по нефтяному бизнесу. Первоначальные призывы России к интернационализации урегулирования в Ираке (в частности, созыву конференции сопредельных государств) в конечном счете были воплощены в жизнь Соединенными Штатами, хотя, конечно, не потому, что за них выступала Москва.

По Афганистану Россия с самого начала поддерживала военную операцию США по свержению талибов и оказала американцам помощь через поддерживаемый Москвой Северный альянс. Впоследствии Москва не поддалась искушению отправить для участия в операции в Афганистане собственный воинский контингент и не пыталась соперничать с созданной американцами администрацией Карзая, продвигая своих сателлитов из Северного альянса, или подорвать позиции Хамида Карзая, когда он урезал полномочия друзей России. О готовности России оказать помощь НАТО в снабжении частей в Афганистане уже упоминалось. Необходимо также отметить, что Россия заинтересована в сотрудничестве с Западом для борьбы с наркоторговлей и стремится добиться от НАТО признания своей роли в качестве лидера Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В обоих случаях позитивной реакции Запада пока не наблюдается.

Вокруг Ирана сложилась более сложная ситуация. Ядерный аспект ее рассматривался выше. Россия воспринимает Иран как важную силу и все более значительный фактор на

региональной арене. Опыт отношений Москвы с революционным Ираном за минувшие тридцать лет был неоднозначным, но, безусловно, не только негативным. Персы, утверждает Россия, — зачастую трудные партнеры по диалогу, но с ними надо поддерживать контакт, а не демонизировать их или пытаться изолировать. Москва недвусмысленно дает понять, что не поддержит любые военные акции США против Ирана, и активно налаживает с ним экономическое сотрудничество. Тем не менее по объему товарооборота с Ираном Россия сильно отстает от Евросоюза, и особенно от Германии. С точки зрения Москвы, замораживание контактов между Западом и Ираном по ряду направлений дает России шанс сохранить свою нишу на иранском рынке.

ТЕРРОРИЗМ

Антитеррористическое сотрудничество между Россией, Европой и США пережило пору краткого расцвета сразу после 11 сентября, но потом активность на этом направлении снизилась. Талибы были быстро изгнаны из Кабула. Операция в Чечне, которую Соединенные Штаты и Европа никогда не считали подлинно антитеррористической, постепенно, за счет сочетания беспощадных военных действий и искусной политики чеченизации, привела к «замирению» региона. Терракт в московском театре в 2002 г., взрыв двух гражданских самолетов террористами-смертниками и особенно трагедия в бесланской школе в 2004 г. побудили президента Путина выдвинуть обвинения против Запада, изображая его силой, стоящей за террористами. Москве не удалось добиться экстрадиции олигарха с чеченскими связями Бориса Березовского и Ахмеда Закаева, которого Россия обвиняет в терроризме, из Великобритании, а также «министра иностранных дел» Чечни Ильяса Ахмедова из США. Предоставление им убежища было воспринято Кремлем как свидетельство неизменной заинтересованности США и Вели-

кобритании в поощрении антироссийского сепаратизма на Северном Кавказе. Это представление стало одним из факторов ухудшения отношений, особенно с Великобританией. Британская общественность, в свою очередь, огульно демонизирует «гэбэшников» и лично Путина, особенно после отравления Александра Литвиненко полонием. Последующий отказ Великобритании от сотрудничества с российской Федеральной службой безопасности из-за отказа России экстрадировать человека, обвиняемого в отравлении Литвиненко, привел к репрессивным действиям ФСБ в отношении Британского совета и кратковременному возобновлению «шпионской войны» между Британией и Россией. Конечно, не все сотрудничество в области антитеррора было приостановлено, но его масштабы заметно сократились, и взаимодействие на этом направлении перестало быть основой «стратегического партнерства». Парадоксальным образом все учения, проходившие на Кавказе в июле 2008 г. (российские на севере и американо-грузинские на юге) официально назывались антитеррористическими. В действительности, однако, каждая из сторон стремилась сдержать другую в условиях нарастающей напряженности вокруг Абхазии и Южной Осетии.

Азия

Взлет Китая затрагивает Россию даже больше, чем США и Европу. Эти две страны полностью поменялись ролями: Россия всегда ощущала свое превосходство, а теперь столкнулась с тем, что у ее границ нарождается новая сверхдержава. Да и сама граница уже давно оспаривается Китаем. Владимир Путин считает окончательную демаркацию всей 4350-километровой границы, завершившуюся через два месяца после его ухода с поста, своим величайшим внешнеполитическим достижением — одно это очень многое говорит об отношениях двух стран. Добавим к этому демографическое превосходство Китая, а также неопределенность относительно его

будущей внешней и оборонной политики в целом и стратегии в отношении России в частности. Российские лидеры слишком хорошо знают по собственному опыту, что если коммунизм не сменяет интеграция в западное общество, это ведет к национализму.

И тем не менее на смену заинтересованности, которую по крайней мере некоторые высокопоставленные российские чиновники прежде испытывали к сотрудничеству с Вашингтоном, чтобы контролировать взлет Китая, пришло все более тесное взаимодействие Москвы с Пекином в сфере безопасности. Пока в Китае у власти находится Политбюро, возможности для этого открыты. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная по инициативе Китая, стала крупнейшим региональным форумом в сфере безопасности, демонстративно отказывающим США в статусе наблюдателя. ШОС под предводительством Пекина и Москвы обратился к США с официальным призывом свернуть свое присутствие в Центральной Азии. В 2005 г. Китай и Россия впервые провели совместные военные учения в провинции Шаньдун и на Желтом море (отрабатывалась «антитеррористическая» высадка десанта), и повторили этот опыт (как «освобождение города, захваченного мятежниками») в 2007 г. в Челябинской области, на южном Урале. Хотя усиливающееся сотрудничество России с Китаем и не свободно от проблем, Москва придает отношениям с Пекином все большее значение. Президент Медведев избрал Китай для своей первой поездки за пределы СНГ, через две недели после инаугурации.

По Северной Корее Россия поддерживает политику США, направленную на достижение компромиссного соглашения по ядерному вопросу. По мнению России, шестисторонние переговоры и параллельный двусторонний диалог между США и «страной, вызывающей озабоченность» — это образец, который нужно использовать и в других случаях, особенно в отношении Ирана.

Вывод, который следует из нашего анализа, заключается в том, что отношения между Россией и Западом в вопросах

безопасности непросты и порой напряженны, но, вопреки распространенному мнению, далеки от антагонизма. Между сторонами существуют острые разногласия, например, в связи с дальнейшим расширением НАТО, разворачиванием американской системы ПРО, косовской проблемой, политикой России в конфликтных зонах на Кавказе и ее действиями в отношении Украины. По вопросам нераспространения ядерного оружия, напротив, существует принципиальное согласие относительно целей, которых следует добиваться, при явных расхождениях относительно оптимальных методов достижения этих целей. По Ирану позиции России и «европейской тройки», особенно Германии, ближе друг к другу, чем к жесткому подходу, одно время проповедовавшемуся США. По Северной Корее особой разницы между позициями России и США нет.

Наконец, антитеррористическое сотрудничество, уже не занимая центрального места в повестке дня в сфере безопасности, по-прежнему отвечает интересам обеих сторон. Взаимодействие между Россией и Западом по Афганистану могло бы укрепиться, если бы одним из приоритетов для США и НАТО стала борьба с наркотрафиком.

Источником существующих проблем в отношениях России и Запада является не сумма разногласий по конкретным вопросам, а общие представления о характере взаимоотношений, сформировавшиеся в Москве, Вашингтоне и ряде европейских столиц. Именно их и надо менять.

ПОЧЕМУ ПЕРЕМЕНИ НЕОБХОДИМЫ

Россия и ее западные партнеры должны извлечь уроки из недавней истории своих отношений. Внутренняя политика имеет большое значение. То же можно сказать и о политике внешней. На изменениях внутри страны сказывается развитие событий за ее пределами, но решающими являются внутренние, а не внешние факторы. В международных от-

ношениях, хотя конкуренция между великими державами неизбежна и может даже играть позитивную роль, в новой конфронтации никакой необходимости нет. Интеграция России в западное сообщество невозможна и нежелательна, по крайней мере на нынешнем этапе, но их взаимозависимость вполне реальна и постоянно возрастает. Необходимо признать существующие реалии и научиться действовать в соответствии с ними, конструктивно и прагматично.

Акцент на ценностях имеет идеологический или даже теологический характер. Если эти ценности не навязываются жесткой, даже тоталитарной идеологией (а это не тот случай), они меняются по мере развития общества. В отношениях Запада с современной Россией взаимные интересы — более надежный ориентир, чем ценности, которые совпадают только отчасти, открыты для разных толкований и могут обернуться обвинениями в лицемерии, двойных стандартах и т. п. Россию, США и Европу объединяет важнейшая общая заинтересованность в обеспечении безопасности в Евроатлантическом регионе и — совместно с другими игроками — во всем мире. Именно на этом должна делать акцент ответственная внешняя политика. Такие темы, как распространение оружия массового уничтожения, ядерная безопасность и контроль над вооружениями, вопросы, связанные с баллистическими ракетами и космосом, не должны сбрасываться со счетов как анахронизмы из минувшей эпохи: их следует рассматривать как очень серьезные проблемы, которые стоят перед обществом и в XXI столетии. Обуздание нестабильности в регионах с особым акцентом на Ближнем Востоке, также является одним из главных пунктов повестки дня.

Сотрудничая на основе общих интересов, три стороны, о которых идет речь в данной статье, должны достичь стратегической договоренности. Конечно, их нынешние разногласия невелики по сравнению с временами «холодной войны», тем не менее они вполне реальны. России необходимо учесть тот факт, что США постоянно занимаются и будут заниматься поощрением демократии, что для их политики

традиционно характерен интервенционизм, что на нее воздействуют «клиенты» Америки за рубежом и влиятельные лобби внутри страны. Партнеры России должны принять в расчет издержки, вызванные нынешним, пусть и преходящим чувством обиды от потерь, понесенных в XX в., мощную изоляционистскую традицию и наличие в стране групп, разыгрывающих антизападную карту в целях мобилизации общества. Наконец, и Соединенным Штатам, и России необходимо признать уникальность Евросоюза как международного игрока и попытаться понять зачастую загадочные внутренние механизмы его деятельности.

Очевидна и необходимость в стратегических концепциях. Ни Россия, ни Запад, ни даже отдельно взятые США и Евросоюз пока не выработали стратегии отношений друг с другом. Цели западных стран в отношении России представляют собой широкий набор явно не связанных между собой задач от политической либерализации внутри страны или ослабления остаточных интересов России в новых независимых государствах до вовлечения России в попытки положить конец распространению ядерного оружия, особенно в иранском вопросе. Не вполне понятно, как западные страны надеются достичь этих целей, учитывая общую невосприимчивость России к давлению извне и отсутствие привлекательных для Москвы стимулов.

Разработка скоординированной политики Запада в отношении Москвы, не предусматривающей однозначно враждебной позиции, как это было в отношении Советского Союза в разгар «холодной войны», — дело непростое, если принять во внимание весьма различные интересы и расхождение во мнениях о России не только у Европы и США, но и в самой Европе. Тем не менее если принцип еэсовской солидарности дополнить взаимной ответственностью, Европа, возможно, будет восприниматься как более последовательный и эффективный игрок.

России, в свою очередь, следует отойти от внешнеполитической программы, основанной преимущественно на

реакции на действия других, а значит, строящейся «от противного». Ей нужно понять не только то, чего она не хочет (к примеру, дальнейшего расширения НАТО или размещения американских объектов ПРО в Центральной Европе), но и то, чего она хочет. Она должна развивать свой значительный, но не используемый потенциал «мягкого влияния» и прекратить подрывать собственные в целом легитимные внешнеполитические цели выбором негодных средств их реализации. В какой-то момент ей придется преодолеть свою чуть ли не подростковую обидчивость и вновь в полной мере обрести уверенность в себе, которую она демонстрирует, но не всегда ощущает. В этом отношении важно, как будет проходить ее взаимодействие с США и Европой по выработке новой структуры безопасности в Евроатлантическом регионе.

Следует самым тщательным образом продумать и механизмы взаимоотношений между сторонами. Каким образом принципы права и демократии согласуются с понятием легитимности? Каковы основы базового равноправия между отнюдь не равными игроками? Как нам научиться принимать совместные решения по вопросам «жесткой» безопасности вне контекста альянсов? Ответы на эти общие вопросы следует искать параллельно с решениями по конкретным проблемам, грозящим еще больше увеличить политическую дистанцию между США и Россией и вызывающим разноречивые мнения внутри объединенной Европы: ПДЧ для Украины и Грузии, ПРО в Польше и Чехии и конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Существует зловещий парадокс: чем больше политическая дистанция между сторонами, тем вероятнее их лобовое столкновение.

С приходом к власти новых людей всегда появляется возможность начать все заново, удачнее, чем прежде. Эта возможность не всегда реализуется, но если ничего не делать, ситуация уж точно не улучшится. Лидерам по обе стороны Атлантики необходимо по крайней мере одно — преодолеть чувство усталости, которое выработалось у их предшествен-

ников по отношению друг к другу. Они должны отвергнуть распространенную точку зрения о том, что шаг навстречу другой стороне — верный способ потерять внутривнутриполитические очки. Им необходимо взять на себя инициативу. По ряду причин наилучшим первым шагом к прорыву стал бы визит президента США в Россию уже на первом этапе пребывания в должности, в ходе которого он бы недвусмысленно озвучил идею о равном партнерстве двух стран для обеспечения безопасности в Евроатлантическом регионе и во всем мире и проявил готовность всерьез заняться решением конкретных вопросов, например, проблем ПРО и ядерного оружия. Аналогичным образом поездка российского президента в Брюссель для более детального изложения своего плана панъевропейской безопасности, а затем в Страсбург, где он заявил бы, что его администрация вновь готова следовать принципам Совета Европы, не развеет всех сомнений, но по крайней мере поможет сломать лед. Кроме того, важнейшим шагом по укреплению стабильности на континенте стало бы решение Евросоюза принять на себя ведущую роль в модернизации Украины и ее интеграции с Западом, а также его участие в разрешении конфликтов на территории Грузии. Включение России в евроатлантическую систему безопасности в качестве ее третьей опоры — задача отнюдь не из легких. Однако оставить ее за бортом или, что вероятнее, допустить, чтобы она сама предпочла остаться вне рамок этой системы, было бы крайне безрассудно.

В ЧЕМ СОВПАДАЮТ ИНТЕРЕСЫ США и России

Среди формирующихся новых приоритетов внешнеполитического курса США мы вряд ли обнаружим Россию. Возврат к «холодной войне» крайне маловероятен — такое может произойти только в результате колоссальных политических просчетов как в Вашингтоне, так и в Москве. Вероятность внезапного возобновления «стратегического партнерства» — в рамках которого Россия будет следовать в фарватере США — еще меньше.

Когда в разговорах за океаном всплывает российская тема, явно ощущается раздражение Вашингтона по отношению к Москве. Россию называют второстепенной, маловлиятельной страной, «петрогосударством», несостоявшейся демократией и лучшим другом всех авторитарных режимов. Но эта точка зрения страдает узколобостью и близорукостью. Хотя Россия как таковая сегодня вряд ли представляет проблему для Америки (что само по себе уже неплохо), помощь Москвы может сыграть решающую роль в решении международных проблем, с которыми новый президент США столкнется после вступления в должность в 2009 г.

Перевод статьи «Where US and Russian Interests Overlap», опубликованной в журнале «Current History» за май 2008 г. © 2009 Current History, Inc., <http://www.currenthistory.com>. Публикуется с любезного разрешения «Current History».

Стоит ли пытаться изменить Россию?

Чтобы, так сказать, воспользоваться «российским ресурсом», новой администрации США необходимо изменить взгляд Америки на Россию. В последние годы внимание Вашингтона было в основном сосредоточено на ее внутривнутриполитической эволюции. Причины, по которым акцент делался именно на этом, очевидны: поведение страны на международной арене, естественно, обусловлено ее экономическим строем, политической структурой и системой ценностей. Российской Федерации, преемнице СССР и царской империи, досталось в этом плане особенно непростое наследие. И установление в России жесткого авторитарного режима, распоряжающегося подпитываемой нефтью и газом мобилизационной экономикой, вдохновляемого некоей антизападной псевдоидеологией и проводящего реваншистскую политику, без сомнения, представляло бы угрозу для соседних стран и остального мира, в том числе для Соединенных Штатов.

Но происходит ли нечто подобное сегодня? Режим в России, несомненно, авторитарный, но этим дело далеко не исчерпывается. Не менее важен и тот факт, что в стране динамично развивается капиталистическая экономика, коренным образом преобразующая общество.

В чем-то нынешняя российская ситуация напоминает события столетней давности, когда ее лидеры подавляли революционное движение, заявляя, что им нужно двадцать лет без потрясений, чтобы модернизировать страну. В начале XX в. России так и не удалось довести до конца модернизацию экономики, общества и политической сферы, начатую после первой русской революции 1905 г. В то время успешным результатом этой политики следовало считать осуществление аграрной реформы, создание несословного гражданского общества, основанного на индивидуальных правах, переход к конституционной форме правления и верховенству закона. Сегодня, сто лет спустя, вместо аграрной реформы перед страной стоит задача построения диверси-

фицированной, интегрированной в мировую хозяйство экономики. Два других элемента остаются прежними.

На сей раз, конечно, успех тоже не гарантирован. Но шансы на то, что дело удастся довести до конца, сегодня гораздо выше, чем сто лет назад. Все великие державы — заплатив гигантскую цену в виде двух мировых войн и сорока послевоенных лет, когда ядерного конфликта удавалось избежать только за счет «равновесия страха», — утратили интерес к войне в качестве корректирующего механизма, служащего поддержанию баланса сил на мировой арене. Кроме того, заплатив не меньшую цену в виде классовых революционных войн, репрессивных тоталитарных режимов и ГУЛАГов под разными названиями, ряд обществ, включая и российское, более не пылают страстью к насильственным социальным изменениям в качестве кратчайшей дороги в Утопию. Наконец, процесс глобализации в начале XXI в. набрал куда большую силу, чем на пороге XX. Сегодня на авансцену выходят люди, а не государство.

Некоторые наблюдатели полагают, что на смену прежней борьбе демократии с тоталитаризмом приходит конфликт между демократией и авторитаризмом. Однако этот новый конфликт никоим образом не занимает центрального места в нынешних международных отношениях. За «авторитарными режимами», расположенными на одном полюсе этой шкалы, не стоит никакой идеологии. Да и статичными их не назовешь. За очень редкими исключениями они эволюционируют, причем в некоторых случаях очень быстро. Недемократические капиталистические государства находятся перед выбором. Они могут формировать либеральные институты (верховенство закона, права собственности, конституционную передачу и разделение власти), одновременно стараясь держать в узде общественное недовольство. В противном случае их экономическое развитие пойдет в тупик, а в политической сфере они скатятся к нестабильности. Такие лидеры, как председатель КНР Ху Цзиньтао, российский президент Владимир Путин и избранный президент Дмитрий Медведев, судя по всему, это осознают.

С другой стороны, демократию необходимо избавить от мистического ореола, воспринимать не как религию, каковой она не является, а как форму правления, также подверженную эволюции. Речь идет о том, что в плане практической политики ставки в игре отнюдь не ограничиваются построением в России либеральных институтов. Соединенным Штатам необходимо перейти от пассивного наблюдения за происходящим в России, вызывающего лишь все большее разочарование, к взаимодействию с этой страной там, где их интересы совпадают. Вместо того чтобы пытаться делать то, что они считают наилучшим для самой России, американцам следует заняться тем, что, по их мнению, наиболее отвечает интересам Соединенных Штатов. Очень важно, конечно, чтобы Россия изменилась, но лучше оставить эту задачу самим россиянам.

Взаимодействие с Россией и вовлечение России во взаимодействие — вещи разные. Второй подход означает, что Америка лидирует, а Россия следует за ней. Такое вряд ли возможно. Садясь за конкретные переговоры с россиянами, американцы должны быть готовы учитывать их «повестку дня», если хотят, чтобы те, в свою очередь, серьезно отнеслись к их собственной повестке. То же самое, естественно, относится и к Москве, если она стремится обеспечить себе поддержку, благожелательное отношение и уступки со стороны Вашингтона. Пытаться привести программы двух стран в полную гармонию, не говоря уже об их «слиянии», — дело безнадежное. Но работать в соответствии с обеими необходимо.

Что же следует предпринять следующему президенту США в сфере отношений с Россией? Главное — поставить на первый план международные вопросы и отвести им центральное место.

УГРОЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Вряд ли в начале XXI в. существует более актуальная проблема в сфере безопасности, чем распространение военных ядерных технологий. Россия разделяет озабоченность Америки по этому вопросу. В качестве участника шестисторонних переговоров по северокорейской военной ядерной программе Россия проявила себя прекрасным «актером второго плана» — не завидуя более важной роли, которую играет Китай, и даже высоко оценивая позицию, которую в последнее время занимают США в этом процессе. Если же говорить об Иране, то Россия не заинтересована в том, чтобы ее сосед с другого берега Каспия обзавелся ядерными боеголовками для своих ракет средней дальности. В то же время Москва не желает, чтобы Соединенные Штаты и Израиль, пытаясь положить конец иранским ядерным амбициям, разожгли новый пожар на Ближнем Востоке, что еще больше усилило бы радикализм мусульман и дестабилизировало обстановку в регионе.

По иранскому вопросу, как и в отношении Северной Кореи, следующая администрация США должна взять на себя инициативу в выработке дипломатического решения. Кроме того — опять же, как это происходит в Северо-Восточной Азии, — Вашингтону необходимо действовать сразу на двух уровнях: двустороннем и многостороннем. И на многостороннем уровне Россия может стать для США самым полезным партнером. Конечная цель дипломатических усилий должна состоять в учете легитимных потребностей Ирана в сфере безопасности, а также его национальных интересов в целом в обмен на официальный, поддающийся проверке отказ Тегерана от создания ядерного оружия. Тесно взаимодействуя с Россией, а также Евросоюзом и Китаем, Соединенные Штаты могут обеспечить соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия, повысить эффективность деятельности Международного агентства по атомной энергии и укрепить авторитет Совета Безопасности ООН.

По вопросу об иранских баллистических ракетах — а это отдельная тема — новому президенту США стоило бы продолжить зондаж, связанный с реальной заинтересованностью Москвы в сотрудничестве по созданию системы противоракетной обороны театра военных действий. Конечно, появление совместной российско-американской системы ПРО ТВД с общими персоналом и управлением вряд ли возможно. Однако, как отмечает директор Института США и Канады Российской академии наук Сергей Рогов, можно сравнительно быстро добиться совместимости и оперативного взаимодействия американских систем «Пэтриот» и «Эйджис» с российскими комплексами ПВО С-400, а также радиолокационными станциями, расположенными в Армавире и в азербайджанской Габале.

Это, вероятно, будет означать приостановку планов по размещению американской радиолокационной станции в Чехии и ракет-перехватчиков в Польше, но подобная цена представляется не слишком обременительной для Соединенных Штатов. Во-первых, ракеты дальнего радиуса действия появятся у Ирана лет через десять, не раньше. Во-вторых, Конгресс США уже наложил ограничения на финансирование планов по созданию ПВО ТВД в Центральной Европе. В-третьих, налаживание в короткие сроки сотрудничества с Россией по вопросам противоракетной обороны создаст хотя бы минимум взаимного доверия между двумя странами.

Впрочем, если Иран представляет собой потенциальную проблему в плане распространения ядерного оружия, то такие вооружения, уже имеющиеся у Пакистана, — предмет вполне явной и реальной озабоченности. Ядерный потенциал Пакистана — вопрос, конечно, чувствительный, но Вашингтону необходимо проявить инициативу и обсудить с Москвой различные варианты на случай дестабилизации обстановки в этой стране с целью координации курса и конкретных действий, если такое развитие событий станет реальностью.

ЧЕМ РОССИЯ МОЖЕТ ПОМОЧЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Взаимодействие России и США по Ирану и обмен мнениями по пакистанской проблеме следовало бы подкрепить возобновлением антитеррористического сотрудничества в Афганистане и Центральной Азии. Геополитические проблемы, возникшие в последние годы, привели к резкому сокращению масштабов такого сотрудничества. После того как в 2001 г. талибам было нанесено поражение при помощи поддерживаемого Россией Северного альянса, США и НАТО ввели в Афганистан войска, а Москва «отошла в сторону». В то же время до 2005 г. Россия не пыталась противодействовать американскому военному присутствию в бывших советских республиках Центральной Азии. Ситуация, однако, изменилась из-за поддержки Вашингтоном демократизации в странах бывшего СССР, которую Москва рассматривает как попытку американцев вытеснить Россию из важнейшей сферы ее интересов.

От ситуации в горном регионе Гиндукуш между Афганистаном и Пакистаном зависит многое — не только судьба правительства Хамида Карзая, но и реализация общих политических целей США в Афганистане и даже будущее НАТО. Конечно, не следует ожидать, что Россия направит войска для борьбы с талибами, чтобы помочь Соединенным Штатам в реализации их задач в регионе. Воспоминания о последней — проигранной — войне СССР еще свежи, да и выделить достаточный контингент для этой цели России будет трудно. Однако Москву можно побудить к более активной роли на афганской политической арене, что могло бы способствовать укреплению власти антиталибской администрации и остановить поток наркотиков из Афганистана.

В обмен на помощь России Соединенным Штатам и их союзникам необходимо будет установить официальные контакты между НАТО и возглавляемой Москвой Организацией Договора о коллективной безопасности — альянсом, состоящим из бывших советских республик и сосредоточивающим

внимание в основном на проблемах Центральной Азии. Пока что Запад отказывается от налаживания таких отношений, не желая признавать гегемонию России в этом регионе бывшего СССР. Однако российская гегемония в любом случае вряд ли продлится вечно: по мере того как новые независимые государства вроде Казахстана и Афганистана будут укрепляться, а их элиты — обретать уверенность в себе, она неизбежно сойдет на нет. Сегодня такая гегемония, возможно, и не отвечает интересам США, однако в плане обеспечения безопасности региона Москва незаменима, и это следует только приветствовать. Установление контактов между НАТО и ОДКБ можно привязать к предоставлению Соединенным Штатам статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества — региональном блоке, где преобладающую роль играют Китай и Россия. Взаимодействие между НАТО, ОДКБ и ШОС улучшает шансы на успех в Афганистане.

Что же касается других регионов Большого Ближнего Востока, то США могли бы совместно с Россией работать над урегулированием израильско-палестинского конфликта. Москва неизменно поддерживает деятельность так называемого квартета (ООН, Евросоюза, США и России) и в целом позитивно относится к миротворческим усилиям Америки в регионе; последний тому пример — конференция в Аннаполисе (штат Мэриленд) в ноябре 2007 г. Более того, помощь России незаменима для продвижения к мирному соглашению между Сирией и Израилем; Москва также может принести большую пользу в попытках стабилизировать обстановку в Ливане.

Россия способна сыграть определенную роль и в обеспечении стабильности в Ираке после окончания войны и американской оккупации. Хотя Россия отказалась поддержать вторжение в эту страну коалиции во главе с США в 2003 г., на деле она не стремилась торпедировать американские интересы в Ираке и вряд ли будет делать это в дальнейшем. Наконец, поскольку энергетические вопросы играют пре-

обладающую роль во внешнеполитической программе России, Москва налаживает отношения с такими странами, как Саудовская Аравия, Катар и Объединенные Арабские Эмираты; в прошлом консервативных правящих режимов этих государств СССР чурался или рассматривал их как врагов. В результате создаются предпосылки для взаимодействия России и США по широкому кругу проблем Ближневосточного региона.

Китай и мировой порядок

В связи со «взлетом» Китая возникает необходимость его включения в международную систему. О том, что пока эта интеграция не состоялась полностью, свидетельствует практически постоянный раскол в Совете Безопасности ООН: с одной стороны — США и их европейские союзники, с другой — Китай и Россия. Подобное размежевание не отвечает интересам Америки на мировой арене.

Конечно, в обозримом будущем образование «оси» Пекин — Москва невозможно. Основные интересы обеих стран связаны с Западом, полного взаимного доверия между ними нет, и, наконец, Россия ни в коем случае не признает за Китаем пальму первенства в таком альянсе. Периодические угрозы Москвы «броситься в объятия» Китая, если ее оттолкнет Вашингтон, не следует воспринимать всерьез. Тем не менее если Соединенные Штаты целенаправленно займутся созданием «лиги демократий» в качестве замены разладившейся международной системы под эгидой ООН, они рискуют превратить своих соперников в противников. Любой американский президент, избравший этот путь, по сути создаст ситуацию, о которой радикальные сторонники «многopleярности» страстно мечтают, но не могут воплотить в реальность.

Россия — одна из самых богатых сырьевыми ресурсами стран. При этом значительная часть ее ресурсной базы расположена между Уралом и тихоокеанским побережьем.

Эта огромная, слабо заселенная территория на юге граничит с Китаем, и в России она считается уязвимой — если не заняться ее развитием и интеграцией как с другими районами страны, так и с Азиатско-Тихоокеанским регионом в целом. Поощряя инвестиции и обмены с российским Дальним Востоком, США могли бы помочь России стать европейско-тихоокеанской страной, спокойной за оба свои «фланга». Это способствовало бы стабильности как в Восточной Европе, так и в Северо-Восточной Азии.

Россия решительно настроена против американской «гегемонии» и громко требует создания многополярного миропорядка. Одновременно Москва намеками дает понять Вашингтону, что она не против его «просвещенного лидерства». Она не стремится сбросить Америку с престола. Москва скорее хотела бы быть членом мирового «совета директоров», оставляя за США роль его «демократического» (т. е. умеющего консультироваться с другими) председателя. Со стороны Америки и ее союзников было бы неразумно возвращаться к временам «большой семерки», тем самым провоцируя Россию на создание параллельной и конкурирующей структуры «международного управления» вместе с Китаем, Индией и другими странами, не принадлежащими к западному миру. И напротив, весьма целесообразным представляется расширение «большой восьмерки» за счет азиатских держав. Подобный шаг — при помощи России — мог бы обеспечить подлинно глобальную форму американского лидерства в XXI столетии.

Вопрос о климатических изменениях в период пребывания у власти следующей администрации несомненно станет проверкой на прочность и для американского лидерства, и для мировой «системы управления» в целом. Москва подписала и ратифицировала Киотский протокол — это стало одним из элементов кампании по получению санкции Евросоюза на вступление России во Всемирную торговую организацию. Пойти на этот шаг ей было сравнительно нетрудно: спад промышленного производства в постсоветский

период привел к значительному сокращению выбросов двуокиси углерода на территории страны. Однако после начала экономического подъема Москва стала лучше осознавать, что экономические и экологические соображения порой вступают в противоречие. Сегодня, когда Вашингтон готовится активизировать свое участие в решении проблемы климатических изменений, ему следует учесть, что в этом плане Россия станет более важной составляющей общемирового мирового «уравнения».

На деле главной заботой для России является поддержание мирового порядка, что потенциально создает почву для ее сотрудничества с Вашингтоном по целому ряду направлений. Если целью Соединенных Штатов будет установление консенсуса между крупными державами, если они будут опираться на существующие международные институты (большинство которых, кстати, создавалось по инициативе США) и относиться к Москве с уважением, их внешнеполитические шаги вполне могут получить поддержку России. Шестисторонние переговоры по Северной Корее, деятельность ближневосточного «квартета», операция против талибов в Афганистане — все это свидетельствует о готовности России поддерживать международные инициативы. Существуют и противоположные примеры: натовские авианалеты на Югославию в 1999 г., признание Западом независимости Косово в 2008 г., война в Ираке. Однако действия, не получившие поддержки Москвы, имеют одну общую черту: они осуществлялись без санкции Совета Безопасности ООН.

Кремль действительно стремится «переиграть» эпилог «холодной войны», превративший Россию в немощного, беспомощного великана, фактически «бывшую» великую державу, «подмандатную территорию» Запада. Однако его цель — возвращение прежнего статуса и влияния, а не утраченных территорий. Российское руководство хочет, чтобы США признали его легитимность, его статус «равного среди равных» в высшем эшелоне международной системы.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И НАТО

Аналогичного признания Россия добивается и в отношении своих интересов в сфере безопасности, и следующей американской администрации стоило бы отнестись к ним с уважением. Оскорбленная отказом НАТО (по инициативе США) ратифицировать адаптированный вариант Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Москва приостановила участие в первоначальном соглашении, заключенном еще в 1990 г., и пригрозила полным выходом из договора. Если она подкрепит угрозу делом, это негативно отразится на европейской безопасности. В любом случае Америке и ее союзникам следует ратифицировать адаптированный ДОВСЕ — как это уже сделали Россия, Белоруссия и Казахстан. В ответ на такую ратификацию Москва, возможно, будет готова всерьез добиваться политического урегулирования в Молдавии — в сепаратистском регионе этой республики, Приднестровье, расположены ее войска и склады боеприпасов. Кроме того, она может активизировать переговорный процесс относительно будущего статуса грузинских регионов Абхазии и Южной Осетии.

Проблему, связанную с американскими планами расширения системы обороны от баллистических ракет в глобальном масштабе, можно решить в рамках сотрудничества США и России по созданию системы ПРО для европейского театра военных действий. Однако Соединенным Штатам необходимо — как минимум — предоставить Москве убедительные заверения относительно того, что размещение планируемых объектов в Восточной Европе не обернется реальным сокращением потенциала сдерживания, которым обладают российские стратегические ядерные силы. Если же Соединенные Штаты начнут развертывание объектов ПРО без согласия России, Вашингтону следует обеспечить полную прозрачность этого процесса, чтобы не спровоцировать дестабилизирующие обстановку ответные меры.

Россия, сталкивающаяся с множеством новых рисков к югу, а в потенциале и к юго-востоку от своих границ,

дает понять, что не сможет далее связывать себя условиями заключенного в 1987 г. Договора о ракетах средней и меньшей дальности (Договора о РСМД), если другие страны, имеющие такие ракеты (Россия и США уничтожили их в соответствии с соглашением), не присоединятся к запрету на подобные вооружения. Хотя Вашингтон и Москва обратились к этим государствам — от Китая до Ирана — с призывом последовать их примеру, они вряд ли захотят разоружаться. В этих условиях целесообразнее было бы не позволять Договору о РСМД «тихо скончаться» как еще одному реликту «холодной войны», а внести в него поправки, позволяющие США и России иметь ограниченное количество ракет средней и меньшей дальности с неядерными боеголовками. Еще лучше будет попытаться добиться присоединения Пекина к новому варианту соглашения.

Внимания требует и вопрос о контроле над стратегическими вооружениями. В 2009 г. истекает срок действия заключенного в 1991 г. договора СНВ-1, а ничем не регулируемое развитие американского и российского ядерных арсеналов — вариант не из лучших. Необходимо новое соглашение, предусматривающее дальнейшее сокращение стратегических сил обоих государств и открывающее практический путь для присоединения Китая, Франции и Великобритании к многосторонней системе контроля над ядерными вооружениями. Несомненно, прогресс на этом направлении тесно связан и с двумя другими важными вопросами — о стратегической обороне и милитаризации космоса. Если следующий президент США поставит целью освободить мир от ядерного оружия, Вашингтону придется иметь дело с целым списком вопросов, вызывающих беспокойство у других стран. Среди них будет и Россия: скорее всего она расценит предложение о полной ликвидации ядерного оружия как попытку закрепить превосходство США по обычным вооружениям.

Что же касается расширения НАТО, то новому президенту США необходимо четко понимать, что именно здесь

поставлено на карту. Москва категорически настаивает, что вступление в Альянс Украины приведет к фундаментальному изменению стратегических приоритетов России вплоть до перенацеливания ракет. Очевидно, что речь идет о тактике сдерживания путем устрашения, и в таком качестве эти заявления следует воспринимать всерьез. Проблема для Запада, однако, заключается не только в выборе: проявить решимость по отношению к Кремлю или пойти на уступки. На востоке Европы членство в НАТО, несомненно, рассматривается и как защита от усиливающейся России, и как способ интеграции с Западом.

Кроме того, на Украине, в отличие от Польши, Румынии и прибалтийских государств, Россию не воспринимают как традиционного врага или недавнего угнетателя. Поэтому, когда вопрос о членстве страны в НАТО перейдет в практическую плоскость, на Украине скорее всего произойдет раскол. Возникновение резких политических разногласий и серьезной нестабильности на Украине чревато вовлечением в конфликт посторонних, в том числе России. Результатом может стать затяжной кризис. Если следующая американская администрация не намерена создавать на российских границах кризисы, втягивающие в свою орбиту соседние государства, Белому дому следовало бы отказаться от поддержки натовских амбиций Киева — по крайней мере, до тех пор, пока вступление в Альянс не будет пользоваться твердой поддержкой украинских элит и общественности. В любом случае «запретная черта», которую проводит Россия, касается присутствия иностранных войск или баз (независимо от их блоковой принадлежности) на территории Украины.

Грузия — иной случай. Ее элита в целом ориентируется на Запад и с энтузиазмом относится к членству страны в НАТО. Общество также поддерживает вступление в Альянс. Но пока неурегулированные конфликты в Абхазии и Южной Осетии остаются в «замороженном состоянии» — и пока Грузия рассматривает российских миротворцев как оккупационные войска, — присоединение страны к НАТО может спро-

воцировать открытый конфликт между Россией и Западом. Вряд ли Соединенные Штаты захотят оказаться вовлеченными в подобный конфликт из-за двух маленьких анклавов на Кавказе. Элементами эвентуального решения проблемы могут стать особый статус Южной Осетии в составе Грузии, предоставление Абхазии независимости в пределах ее нынешних этнических границ и последующее вступление Грузии в НАТО — в сочетании с официальным юридическим обязательством Тбилиси не размещать на своей территории иностранные войска и базы.

Благоприятные возможности в экономической сфере

Никогда еще со времен крушения СССР действия России на международной арене не обуславливались до такой степени ее экономическими интересами. Может быть, утверждать, что Москва руководствуется принципом «бизнес прежде всего», будет преувеличением — но преувеличением небольшим. Даже на фоне негативного развития политических отношений российско-американские экономические связи укрепляются — в частности, многообещающе выглядит сотрудничество двух стран в ядерной энергетике. Следующей администрации США следует воспользоваться этой тенденцией.

Кремлевские лидеры настаивают, что не стремятся к вступлению во Всемирную торговую организацию любой ценой, тем не менее это остается для них важной политической целью. Присоединение России к ВТО отвечает американским интересам. Но при этом необходимо, чтобы Вашингтон распространил на Россию статус «постоянных нормальных торговых отношений». При обсуждении этого вопроса торгово-экономические соображения скорее всего окажутся в тени обеспокоенности состоянием демократии и прав человека в России. Если российская сторона не сумеет подобрать к Вашингтону (и особенно к Конгрессу

США) «ключ», позволяющий добиться желаемых результатов, этот статус для нее, возможно, останется делом отдаленного будущего.

Впрочем, даже такая задержка не приведет к серьезному замедлению экономической интеграции России с остальным миром. Качественного скачка в экономической сфере Россия добьется тогда, когда станет подлинно правовым государством, где суд будет независим от властей и групповых интересов. Без действенного верховенства закона ее вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития — еще один этапный момент в процессе экономической интеграции России — будет по-прежнему исключено.

В энергетической сфере Россия пытается добиться максимальных преимуществ в качестве одной из крупнейших нефте- и газодобывающих стран в условиях нарастающего дефицита на рынке. Цели, которые она преследует, по сути носят коммерческий характер, но косвенно связаны и со стратегическими соображениями. Любые попытки построить систему энергетической безопасности Европы, направленную против России — ее основного поставщика, — просто нелепы. Куда разумнее было бы способствовать усилению взаимозависимости поставщика и потребителей, увеличению взаимных инвестиций, транспарентности, предсказуемости. Энергетические отношения привязывают ЕС к России, но верно и обратное: взаимная заинтересованность привязывает и Россию к Западу.

Еще одним связующим звеном становятся российские государственные «фонды благосостояния»: они уже готовы приступить к вложению своих средств за рубежом. Фонды подобного типа представляют собой важную попытку нарождающихся великих держав — или возрождающихся, если речь идет о России, — интегрироваться с остальным миром экономически, не стремясь к политической гегемонии. Необходимыми предпосылками их деятельности является транспарентность и неполитизированность. Обычная осто-

рожность здесь, конечно, не помешает, но блокирование таких инвестиций протекционистскими мерами было бы крайне неудачной реакцией на «вызов» со стороны государственных фондов.

Активизация России на мировых финансовых рынках происходит в тот момент, когда международная финансовая система переживает жестокие структурные потрясения, и ее перестройка явно назрела. В интересах самих США и всего международного сообщества Вашингтону снова, как в 1940-х годах, стоило бы взять на себя инициативу и предложить другим ответственным заинтересованным сторонам совместными усилиями реформировать международные финансовые институты. Это означает, что к таким усилиям следует подключить не только Европу и Японию, но также Бразилию, Индию, Китай — и Россию.

Начать заново?

К счастью, американо-российские отношения не исчерпываются межгосударственными проблемами в сфере безопасности и даже экономической выгодой. Простые граждане обеих стран уже создали разветвленную сеть личных контактов, подкрепляемую тем, что в Соединенные Штаты из бывшего СССР иммигрировало около миллиона людей. И политическое руководство в Вашингтоне и Москве, а также организации деловых кругов, стремящиеся улучшить атмосферу двусторонних отношений, просто обязаны способствовать расширению этих контактов. Стипендии для студентов и ученых, стажировка в государственных и негосударственных организациях и иные формы обменов позволят углубить еще недостаточное взаимопонимание между двумя странами и сблизить американское и российское общества.

Когда сорок четвертый президент США возьмет в руки «досье по России», ему или ей стоило бы задаться вопросом: почему в последние годы все российские лидеры поначалу

были друзьями Соединенных Штатов, хотели стать их союзниками, но через какое-то время начинали испытывать разочарование и недовольство американской внешней политикой? Новому президенту следует распорядиться провести углубленный анализ отношений с Россией и определить соответствующие приоритеты Америки. Если следующий глава государства будет судить о России на основании ее собственной истории, а не примеривать к ней лекало американского опыта, ему удастся определить, с каким партнером/конкурентом он имеет дело в Москве.

«Тестирование» нового кремлевского лидера по методикам «холодной войны» — дело весьма контрпродуктивное, как и попытки сравнить Медведева с Путиным. Американскому президенту было бы куда целесообразнее попытаться наладить сотрудничество с Россией по Ирану, рассматривая это как «пилотный проект» в плане формирования более зрелых отношений между двумя противниками в годы «холодной войны», так и не ставшими пока полномасштабными партнерами. И в Москве, и в Вашингтоне происходит смена руководства. К этому следует относиться как к возможности начать все заново — или как минимум остановить опасное скольжение по наклонной плоскости, характерное для американо-российских отношений в последние несколько лет.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПАРТНЕРСТВУ

Принято считать, что мюнхенская речь Владимира Путина открыла новый этап российской внешней политики. В действительности она завершила поворот, обозначившийся тремя-четырьмя годами раньше. Смысл поворота — в возвращении России в положение самостоятельного, не связанного никакими «сложноподчиненными» отношениями с Западом игрока на международной арене. Мюнхен в этом контексте — драматическое изменение тональности общения, резкая смена тактики, но не стратегии.

Материальная основа российской внешнеполитической самостоятельности России очевидна. Это — практически выплаченный внешний долг, резко возросшие валютные резервы, многократно увеличившиеся размеры экономики (ВВП составил 1,25 трлн долл. против 200 млрд в 2000 г., восьмое место в мире). Эти показатели основываются на устойчивом экономическом росте последних девяти лет. То, что рост достигнут во многом (по некоторым оценкам, на 50%) благодаря высоким ценам на энергосырье, — факт, не отменяющий самой реальности этого роста. В 1970-е годы, как известно, советское руководство не сумело грамотно распорядиться нефтяными доходами, и спустя десятилетие столкнулось с жесточайшим валютным кризисом.

С точки зрения Кремля международная политическая конъюнктура так же благоприятствует России, как и конъю-

юнктура цен на энергоносители. Начиная с 2005 г. мировая сверхдержава США испытывает возрастающие трудности в Ираке, а также в Афганистане, куда переместился центр тяжести практической деятельности НАТО.

Разговоры об общем кризисе американской внешней политики и беспрецедентном падении престижа Соединенных Штатов в мире стали общим местом. «Цветные революции» на постсоветском пространстве, которых Кремль не на шутку пугался в 2004—2005 гг., заметно поблекли. Притягательность примера Украины, Грузии, не говоря уже о Киргизии, снизилась. Расширившийся Европейский союз по-прежнему поглощен проблемой интеграции. Китай продолжает неуклонное возвышение, но его отношения с Россией остаются устойчиво дружественными. Возрастает международный вес других развивающихся стран — Индии, Бразилии, ЮАР. «Многополярный мир», который уже больше десяти лет не устают возвещать в Кремле и на Смоленской площади, принимает реальные очертания.

«Тыл» российской внешней политики также выглядит крепким. Кремль ощущает себя стопроцентным победителем. Власть собрана в кулак. Думские выборы превратились в плебисцит поддержки популярного главы государства. Президентские выборы фактически окончились еще до официального старта предвыборной кампании. От олигархата остались смутные воспоминания, бизнес усвоил урок послушания, коммунисты, оставшиеся единственной оппозиционной силой, втиснуты в компактную «нишу», либералы рассеяны, унижены и объявлены апатридами. *Народ безмолвствует*: кто-то вкушает плоды «просперити», кто-то привычно занят выживанием. Лишь отдельные сохранившиеся интеллигенты, как в достопамятные годы, говорят что-то об «эстетических разногласиях» с властью. Территориальная целостность страны между тем восстановлена: «чеченизация» сработала успешно. На территории России уже три-четыре года не ведутся боевые действия и (чур-чур-чур!) не осуществляются крупные теракты.

Политтехнологам из президентской администрации в основном удалось направить постимперскую волну национализма в русло консервативного государственного патриотизма. Благодаря тесному сотрудничеству Кремля с Русской православной церковью православие становится ценностной основой общественной жизни. Школьные учителя получили «национально-ориентированный» учебник истории. В этих условиях не просто самостоятельная, а наступательная внешняя политика Москвы получает широкую поддержку в элитах и в большинстве слоев общества. Едва уловимый в прошлом внешнеполитический «консенсус» трансформировался в почти автоматическое одобрение любых дипломатических шагов Кремля — чем жестче и хлеще, тем лучше. Время бессильной «обиды за державу» сменилось временем чувствительных ответных ударов.

Под новую внешнюю политику Кремль подвел теоретическую базу. Тезис о «суверенной демократии» — при всей его сомнительной, но совершенно необязательной «научности» — крайне важен для понимания исходной точки и пункта назначения политики Кремля. «Суверенность» России означает ее формальную и фактическую независимость от Запада — США и Евросоюза. Это главная часть формулы. «Демократия» содержит претензию на качественное равенство с Западом, переставшим восприниматься в качестве «учителя жизни». Российская демократия опирается не столько на институты, сколько, как подчеркивает президент Путин, на доверие народа своим руководителям. Таким образом, формула «суверенной демократии» посылает сигнал Западу: мы не ниже вас и не хуже вас. А что до ролевой модели, то в мире, по методологии Кремля, существует (помимо России) только одна настоящая суверенная демократия — США. Остальные либо недостаточно суверенны, либо недостаточно демократичны.

Мюнхен в этих условиях означал прежде всего смену *тактики* российской внешней политики. От глухого выражения недовольства действиями Соединенных Штатов

тов — к публичному оппонированию им. От жалоб на неучет российских интересов — к односторонним действиям по обеспечению этих интересов. От возмущения западной критикой действий российских властей — к язвительным, иногда на грани оскорблений («третий рейх», «сопливый нос» и т. д.) выпадам в адрес обидчиков, к «зачистке» инструментов их влияния на территории России и переносу дискуссий на поле оппонента. Мюнхен и все, что за ним последовало, — это попытка *принуждения к партнерству* на условиях Кремля. В сжатом виде эти условия сводятся к следующему. Принимайте нас такими, как есть, и не вмешивайтесь в наши внутренние дела; признайте нас равными себе; там, где наши интересы пересекаются, решение может быть только компромиссным. Мы уступим, только если уступите вы.

Прошел год. Что сделано? Москва резко обозначила пункты расхождений с Западом. Как в годы «холодной войны», в центре российско-американских отношений и отчасти российско-европейских оказались проблемы контроля над вооружениями. Затронуты едва ли не все уровни: стратегическая оборона (как быть с элементами системы ПРО в Европе) и стратегические наступательные вооружения (что значит Договор СНВ-1, срок действия которого истекает в 2009 г.), средние ракеты (судьба Договора о ракетах средней и меньшей дальности) и обычные вооружения в Европе (Договор об обычных вооруженных силах в Европе). Москва перешла в дипломатическое наступление. Путин сделал Бушу важное предложение по ПРО, направленное на превращение американского проекта в американско-российский. По РСМД Москва обозначила перспективу: «глобализация» договора или выход из него. Наиболее драматический шаг был сделан в отношении ДОВСЕ: чтобы заставить страны НАТО ратифицировать адаптированный договор, Москва приостановила свое участие в действующем соглашении как в «безнадежно устаревшем».

Не останавливаясь на этом, Россия перешла к демонстрации военной силы в воздухе и на море. Стратегические бомбардировщики вновь, как двадцать лет назад, проверяют

надежность систем ПВО США и их союзников по НАТО, а тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» с небольшим отрядом кораблей возвращает Андреевский флаг в Средиземное море. Помимо очевидной необходимости для летчиков летать, а для моряков — ходить в дальние походы в обоих случаях речь идет о глобальном пиаре: в мире *есть* держава наряду с США, способная к глобальному проецированию если не силы, то во всяком случае флага. Другая эффективная демонстрация была организована на суше в центре России — в ходе «антитеррористических» учений Шанхайской организации сотрудничества, в которой наряду с хозяевами участвовал довольно многочисленный контингент Народно-освободительной армии Китая.

На уровне вопросов региональной безопасности Россия, к удивлению многих, отказалась «разменять» косовскую проблему на ряд текущих уступок со стороны Запада, поставив США и Евросоюз в неприятное положение: либо принять российский подход (не ограниченные во времени переговоры до тех пор, пока диаметрально противоположные позиции не сойдутся в какой-то неопределенной точке), либо идти на нелегитимные действия (признание односторонне провозглашенной независимости). В последнем случае Косово вдобавок рискует приобрести прецедентное значение для «сепаратистской стороны» в «замороженных конфликтах» на постсоветском пространстве и в других регионах.

Наконец, Кремль недвусмысленно дал понять США и Европе, что не желает более подвергаться унижительной процедуре «выставления отметок за демократию» со стороны инспекторов из Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Наблюдение за думскими выборами 2007 г. было организовано так, чтобы ясно дать понять: все происходящее есть внутреннее дело России. Москва не считает необходимым или интересным для себя инспектировать других и не допустит, чтобы другие проверяли ее.

Что достигнуто? На Россию стали обращать больше внимания. Отчасти благодаря своей внешнеполитической

активности Владимир Путин стал «человеком года» по версии журнала «Тайм». Что более существенно, произошли подвижки на направлениях ДОВСЕ и ПРО, которые, правда, не позволили пока выйти на взаимоприемлемые решения. В политико-академическом сообществе США и Европы начинаются серьезные дебаты на тему политики в отношении России. С одной стороны, те, кто давно считает режим Путина могильщиком свободы и демократии в России и одним из столпов «авторитарного интернационала», доказывают, что новый внешнеполитический курс Москвы делает Россию потенциальной угрозой безопасности соседей и растущей проблемой для Запада в целом. Таким образом, внутренняя политика «отката» трансформируется во внешнюю политику «наезда».

С другой стороны, часть комментаторов, убедившись на опыте последних лет в невозможности для Запада направлять внутреннее развитие России, предлагают сосредоточиться на внешнеполитических сюжетах. Исходя из логики Realpolitik и принципа геополитических «разменов», они призывают Соединенные Штаты и ЕС учитывать законные интересы России на международной арене и на этой основе добиваться решения проблем (например, ядерной программы Ирана), с которыми страны Запада не могут справиться без привлечения других крупных игроков включая Россию. Исход дебатов непредсказуем, равно как и то, какое влияние они окажут на политику следующей администрации США. Новым стало то, что впервые с начала 1990-х годов «русские чтения» на Западе утрачивают однозначную внутривнутриполитическую ориентацию. В отношениях России со странами Запада наряду с проблемами демократии открылся «второй фронт» — дипломатический.

Вряд ли США удастся, «простив» Россию, превратить ее в удобного для себя партнера. Нынешняя внешнеполитическая стратегия Кремля по сути своей — это ревизионизм. Если говорить коротко, Москва стремится переиграть «концовку» «холодной войны». Речь не идет, конечно, о стремле-

нии восстановить Советский Союз, расставить гарнизоны по Эльбе и Висле и тем более вновь войти в Афганистан. Москва стремится встать вровень со всеми своими основными партнерами на Западе и Востоке и создать центр силы и влияния на пространстве от Евросоюза до Китая в меридиональном отношении и от Северного полюса до «традиционного» Ближнего и Среднего Востока — в широтном.

В отличие от периода «холодной войны» «сумма игры» в новом раунде российско-западных отношений не обязательно будет нулевой (когда выигрыш одного означает проигрыш другого), но в отличие от периода «стратегического партнерства» она и не обязательно будет положительной для всех (пресловутый «win-win»). Начинающийся третий раунд ближе всего к модели отношений второй половины XIX столетия, когда крупные державы были одновременно и партнерами, и противниками, не доводя дело до полномасштабного столкновения. Такое развитие соответствует глобальному тренду становления новых центров силы, прежде всего в Азии. Глобализация меняет геополитику, но не отменяет ее. Ставки в «больших» и «малых» играх вновь поднялись, и опять возросло значение не только стратегического планирования и дипломатического искусства, но и военной силы.

На этом фоне особенность российского «принуждения к партнерству» заключается в использовании силовой дипломатии не для возрождения классического противостояния, а для обеспечения выгодных условий сотрудничества. Раньше Москва играла с «позиции слабости», теперь пробует себя в «позиции силы». Здесь есть проблема. Задиристую тактику вполне можно принять за конфронтационную стратегию. В прошлом СССР много терял, когда оборонительные с точки зрения Кремля шаги (начиная с блокады Берлина и вплоть до вторжения в Афганистан) воспринимались Западом как агрессивные и провоцировали реакцию, ухудшавшую международное положение Советского Союза. Традиционно слабая сторона российской внешней полити-

ки — неумение достоверно объяснить с Америкой и Европой. Милые, по Фрейду, оговорки российских военных на счет «вероятных партнеров», хороши ровно до тех пор, пока «противники-партнеры» не готовы принимать их всерьез. После чего ситуация может резко измениться.

Речь, однако, не только о стилевом оформлении высказываний официальных лиц. В сфере военной безопасности выход России из системы договоров, все еще определяющих военно-политические отношения в Евроатлантическом регионе, может создать новую, уже ничем не регулируемую ситуацию. Действительно, первоначальный договор ДОВСЕ устарел, а адаптированный не ратифицирован и содержит ограничения для России и лазейки для партнеров. Да, есть соблазн «вскрыть» договор по средним ракетам, чтобы под прикрытием угроз в адрес «партнеров» на Западе укрепить потенциал применения силы на юге и потенциал сдерживания на Востоке. Тем не менее без системы договоров по контролю над вооружениями стратегическое положение России в обозримой перспективе становится более уязвимым.

Даже согласившись с тезисом о неконфронтационности внешней политики России, нельзя не замечать, что ее военная политика, оставаясь в принципе оборонительной, рассматривает США в качестве вероятного противника. Совместная борьба с терроризмом отошла на третий план. Облик войн будущего вновь приблизился к классическим образцам XX в. Уже не только система вооружений, но и военная доктрина и практика боевой и оперативной подготовки Вооруженных сил Российской Федерации нацелена на сдерживание США в готовности дать отпор их действиям. Логика сдерживания такова, что подобная установка неизбежно генерирует враждебность и восстанавливает инфраструктуру конфронтации.

Сосредотачиваясь на США как вероятном противнике, политика России рикошетом бьет по Европе. Москва предупредила Варшаву и Прагу о том, что размещение на их территории элементов американской глобальной системы ПРО

вынудит Россию нацелить на эти объекты российские ракеты. Говорилось также о возможности размещения российских ракетных систем и ядерного оружия в Калининградской области и Белоруссии. Пока речь идет о психологической работе с «геополитическими перебежчиками», но если такая линия продолжится, то Москва может спровоцировать реакцию, обратную желаемой: европейцы — не только центральные, но и западные — не отшатнутся от Соединенных Штатов, а теснее прислонятся к ним для защиты от «новой русской угрозы».

Здесь коренится главная проблема современной российской внешней политики. Если Москве удастся договориться с Западом о новых правилах игры, она, вероятно, сможет повысить свой статус и укрепить безопасность. Если же договоренности на этих условиях достичь не удастся, то инерция силовой дипломатии и накал антизападной риторики будут толкать Россию туда, куда ей вовсе не нужно, — к конфронтации, которую решительно отвергают в своих выступлениях президент Путин и министр иностранных дел Лавров. Собственно, и тот и другой говорят об опасности противостояния, но видят ее корни исключительно в политике США. Будущие историки могут с такой трактовкой не согласиться.

В последние годы российское руководство совершало серьезные внешнеполитические просчеты, будь то в ходе выборов 2004 г. на Украине или во время «газового кризиса» 2006 г. Антигрузинская и антиэстонская кампании 2006—2007 гг. не добавили авторитета российской внешней политике, и причина этого кроется совсем не в ангажированности западных СМИ. Она состоит в неумении тщательно калибровать свои внешнеполитические акции, неспособности объяснять свои намерения внешнему миру, широком использовании антизападной и националистической риторики для достижения внутривнутриполитических целей. Российские официальные лица и структуры не раз демонстрировали, что могут провалить дело даже тогда, когда у России изна-

чально сильные позиции. Провалы же легко списываются на счет злокозненного Запада.

Это опасная тенденция, ведущая к деградации внешней политики. Чтобы затормозить ее, необходимо подвести итоги «мюнхенского года» без вновь входящих в моду придыханий и оваций. В этой связи полезно обратить внимание на следующее.

В российской внешней политике наблюдается явный дисбаланс «позитива» и «негатива». Последний очевидно перевешивает. Москва твердо знает, чего она не хочет, но не очень знает, что именно нужно делать и как этого достичь. Создается впечатление, что российская дипломатия «сидит на заборе» и критикует других – вместо того, чтобы предлагать серьезные альтернативные проекты. Имеются в виду Косово и «замороженные конфликты», о которых речь ниже, но не только.

По проблеме ПРО нужно продолжать диалог, стремясь как минимум к обеспечению прозрачности и доверия, а как максимум — к созданию механизма взаимодействия в рамках совместной системы ПРО в Европе или между соответствующими системами России и США. Ни в коем случае не проводить дезориентирующие аналогии с Карибским ракетным кризисом 1960-х годов и не сдаваться в плен ядерной метафизике. Из эпохи глобального противостояния Россия и США выбрались окончательно.

По РСМД должно быть ясно: односторонний выход России из договора может повредить ее собственным интересам. Перспективные военные потребности могут быть удовлетворены альтернативными способами (авиацией, ракетами с дальностью пуска до 500 км), а если добиваться глобального запрета ракет дальностью от 500 до 5000 км, то путем переговоров с Китаем, Индией и другими странами. США уже выступили в поддержку российской инициативы глобального запрета, хотя ясно, что добиться этого будет трудно, если вообще возможно. Как бы то ни было, расширение формата российско-американского диалога по военно-

стратегическим вопросам с подключением к нему КНР — назревшая необходимость, и в интересах России активно способствовать этому.

По Косово «простой» защиты принципов международного права и переговоров как способа достижения договоренности недостаточно. Не в интересах Москвы быть бесконечно используемой сербскими политиками в качестве «козыря для торга» в переговорах с Европой и США. Нужны конкретные российские соображения и готовность к совместной (прежде всего с Европейским союзом, поскольку Балканы — это его будущая «территория») работе по решению косовской проблемы не в отдаленном, а в уже близком будущем. Косово — оселок, на котором проверяется не только способность ЕС к стратегическому мышлению и соответствующим шагам, но и компетентность России в качестве одного из несущих элементов системы европейской безопасности.

Ратификация адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе — проблема прежде всего Запада, который не меньше Москвы должен быть заинтересован в укреплении материальной основы безопасности и стабильности в Европе. Этот вопрос нужно решать без увязок с другими проблемами, и поскорее — настолько он важен.

Возвращаясь к российской политике, нельзя не заметить, что сейчас для Москвы самое время активизировать работу по урегулированию другого застарелого конфликта — приднестровского. С учетом неудачи 2003 г. России потребуется сотрудничество с Украиной, ЕС и США. При условии такого сотрудничества успех реален, а с ним — укрепление региональной безопасности и повышение престижа российской дипломатии. Объединение Молдавии на условиях, удовлетворяющих оба берега Днестра, стало бы хорошим почином для разрешения других конфликтных ситуаций. Вот это был бы правильный ответ на «вызов Косово».

По отношению к ОБСЕ и Совету Европы пора «выйти из позы» и начать использовать эти структуры по прямому назначению — для помощи становлению демократических ин-

ституты и гражданского общества в России. Сейчас, когда российская власть располагает кредитом общественного доверия внутри страны, но страдает от дефицита доверия вовне, для этого самое время. Чтобы Россию воспринимали на Западе как равную, требуется равенство не по боеголовкам и даже не по ВВП, а по качеству национальных институтов. Именно достижение такого равенства поставит российскую внешнюю политику на действительно прочную основу.

Итак, выход из некомфортной ситуации «сложного подчинения» России Западу состоит не в самострельной попытке заменить незадавшееся стратегическое партнерство новым соперничеством и враждебностью, а в создании работающей модели «сложносочиненных» отношений. Разработка и реализация этой модели требует интеллектуального мужества и способности к лидерству, чего можно только пожелать будущей команде третьего российского президента. Цена вопроса достаточно велика, а риски слишком реальны, чтобы простодушно радоваться тому, как Россия «нагибает» Запад.

ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА для России

Речь президента Путина в Мюнхене, его обращение к парламенту, обзор внешней политики российского Министерства иностранных дел и практические следствия, вытекающие из всех этих заявлений, определяют базис для более подробного анализа роли России в сегодняшнем мире и выводов, которые следует сделать Западу.

Наверное, любой человек, слушающий выступления официальных представителей России, не может не отметить звучащую в них уверенность и даже торжество. С точки зрения россиян, страна сейчас на подъеме, Соединенные Штаты переживают спад, а Европа стоит в стороне. Понять причины этого ликования легко. Слишком долго российская элита ощущала себя униженной, отвергнутой, предметом насмешек. Всего десять лет назад всерьез обсуждались перспективы существования мира без России. Сегодня Россия крепнет, и в этом огромная разница по сравнению с прошлым.

Видимый успех

Нет сомнений, Россия наконец-то встала на ноги. Постсоветский экономический спад — уже почти история: в 2007 г., после восьми лет непрерывного роста, ВВП Рос-

сии должен достичь уровня 1990 г. Макроэкономические показатели просто блестящие. Москва больше не является просителем у дверей Международного валютного фонда (МВФ), она вот-вот вступит во Всемирную торговую организацию и стремится также стать членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Запад потерял многие рычаги влияния на Россию, и она укрепила свою территориальную целостность. «Чеченизация» пока оправдывает себя. Соединенные Штаты стали объектом резкой официальной критики, а некоторые соседи России, в частности, Грузия и Эстония, подверглись жесткому воздействию. «Мы очень большие и богатые»¹, — сказал Владимир Путин, отвечая на вопрос журналиста, почему другие страны опять начинают испытывать беспокойство в связи с Россией. Он отметил также, что защита национальных интересов, как правило, вызывает недовольство других государств. Одобрение получают лишь односторонние уступки.

Как и большинство других процессов в современной России, ее внешняя политика формируется исходя из явно материальных интересов. Москва ищет любые новые возможности, где бы они ни представлялись, и готова вступать в отчаянную конкуренцию за то, чего она желает. В этом суть того, что министр иностранных дел Сергей Лавров назвал здравым смыслом, который теперь заменил идеологические, идеалистические, а на самом деле вообще любые нематериальные компоненты внешней политики России.

Конечной целью России является обретение статуса одной из ведущих мировых держав наряду с США и Китаем. Сейчас, когда Россия вновь обрела суверенитет (а Кремль пользуется полным суверенитетом внутри страны), следующим шагом является размежевание со всеми договоренностями, достигнутыми в то время, когда влияние Москвы было минимально. Восстановившись после длительного ослабления, Россия жаждет их пересмотра. В этом нет ничего удивительного: с середины 1990-х годов российские

министры иностранных дел в качестве образца для подражания избрали князя Александра Горчакова, талантливого главы российской дипломатии во времена Александра II. Горчакову потребовалось 14 лет, чтобы аннулировать Парижский договор, подписанный после унижительного поражения России в Крымской войне. Идя по стопам Горчакова, Путин угрожает выйти из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) менее чем через 17 лет после его подписания.

Вряд ли это можно считать отдельным случаем. Россия неожиданно резко изменила правила игры в отношении проекта «Сахалин-2». Ее намерение выйти из Договора о ракетах средней и меньшей дальности — тоже не пустая угроза. Российские военные рассматривают его как наследие «холодной войны», в принципе не соответствующее стратегическим реалиям XXI в., и как неравноправный договор, дискриминирующий одну из сторон (Россию) по отношению к другой (США). Поэтому в интересах национальной безопасности России следует от него отказаться — слово в слово повторяется аргументация администрации Буша, которой объясняли выход США из Договора по ПРО. Как и США, теперь Россия предпочитает иметь свободу рук.

А ЕСЛИ ЕЩЕ РАЗ ПОДУМАТЬ

Критики утверждают, что этот пьянящий триумфализм есть проявление близорукости и что ему скоро придет конец. Ведь не столько поднялась Россия, сколько поднялись цены на энергоносители. Но цены как поднялись, так и опустятся. И даже если спрос в странах-потребителях и цены на энергоносители останутся высокими, существуют достаточно обоснованные сомнения в способности России удовлетворить этот спрос. Инвестиции, технологии, инфраструктура, эффективность — все это оставляет желать лучшего. Конечно, Россия и впредь останется источником энергоносителей

для стран с развитой и развивающейся индустрией, но не превратится в глобального министра энергетики. И на мировом рынке ей, кроме разве что оружия и металлов, предложить почти нечего.

Многое в поведении России по-прежнему остается реакцией на действия и высказывания со стороны. Россия ощущает свою силу, но в то же время проявляет странную раздражительность, свидетельствующую о глубоко спрятанном чувстве незащищенности. В полную противоположность тому, как это делалось в советские времена, официальные российские пропагандисты прямо-таки мазохистски выискивают критические высказывания по поводу политики Москвы (чем более негативные, тем лучше!) и транслируют их на домашнюю аудиторию, вероятно, чтобы раздуть общественное негодование по поводу «зарубежной русофобии». Проходные комментарии официальных представителей США, малозначимые статьи в американских газетах и скучные документы, выпускаемые правительственными учреждениями Соединенных Штатов, вообще не упоминаемые в американских СМИ, в России становятся предметом жарких дискуссий, и их цитируют в качестве доказательств скрытых намерений США, которые только и думают о России.

Россия противодействует американским попыткам «внедрения именно этой концепции в мировые дела — концепции однополярного мира»², как сказал Путин в своей речи в Мюнхене, расширению НАТО, развертыванию элементов американской ПРО в Центральной Европе и американской политике насаждения демократии. Примечательно, что все это Москва представляет как прямые угрозы для себя или по крайней мере как серьезные проблемы, даже если сама же вслух объявляет, что они по сути ничего не значат: однополярный мир — это химера; расширение НАТО не укрепляет, а ослабляет этот альянс; десять ракет-перехватчиков в Польше, направляемых радаром из Чехии, не могут нейтрализовать российский потенциал сдерживания; «цветные революции» выдохлись, а «оранжевая» Украина — более

сговорчивый партнер для России, чем когда-либо было правительство Леонида Кучмы и уж безусловно, чем сегодняшняя Белоруссия Александра Лукашенко.

Разочарованная Россия

Наедине с собой российские официальные лица все еще не могут пережить того, что были отвергнуты их прошлые инициативы. Пробные сигналы Москвы о возможности ее вступления в НАТО никогда не рассматривались всерьез, ликвидация российской станции сбора разведывательной информации на Кубе была воспринята как поступок само собой разумеющийся, ее согласие на размещение военного контингента США в Центральной Азии и присутствие американских военных инструкторов в Грузии было расценено как вынужденное примирение с реальностью, ее мягкая реакция на вступление стран Балтии в НАТО и на выход США из Договора по ПРО считали следствием общего бессилия российской внешней политики. Безусловно, Запад не проявил должной чуткости к России, и она разочарована. Однако при этом российское руководство никак не может понять, что бесконечное повторение упреков не добавляет Западу сочувствия к России и уж тем более не побуждает ее к самокритичному анализу.

В речи Путина в Мюнхене это разочарование было публично озвучено. Он также отказался от двух предыдущих моделей отношений между Россией и Западом, как он их понимает: от партнерства по-горбачевски — с односторонними уступками, и партнерства по-ельцински — с подчинением.

Вместо этого Путин попытался утвердить собственные условия — партнерство на основе признания силы, на основе взаимного уважения и равенства. Теперь остается посмотреть, приведет ли эта вновь обретенная твердость к большему пониманию и участию или просто, в свою очередь, натолкнется на еще большую твердость.

Если подойти к внешней политике России с положительной стороны

В отличие от того, что представляется дерзостями и жесткими жестами, позитивные моменты во внешней политике России недооцениваются. Москва не смогла должным образом использовать реальные шансы на лидерство в сфере энергетики во время своего председательства в «большой восьмерке». Ее неуклюжее поведение в период споров о ценах на газ с Украиной, а позже с Белоруссией заметно сузило ее возможности в первый год ее пребывания в роли председателя. Ко времени окончания срока председательства России доверие к ней заметно снизилось. В рамках договоренностей о согласии ЕС на вступление России в ВТО она ратифицировала Киотский протокол, но ее позиция в отношении глобального потепления пока остается неясной. Россия поддержала партнеров из «большой восьмерки» в вопросе списания долгов бедным странам, но для нее это были главным образом долги, связанные с продажей оружия режимам, которые уже прекратили существование. Некоторое время Россия, сама борющаяся с бедностью, пыталась выступать в поддержку государств Центральной Азии, но когда эти попытки окончились неудачей, утратила к этому интерес.

Беда в том, что, как и внутри страны, высокие и престижные должности у Москвы ассоциируются не с ответственностью, а со статусом и привилегиями. Похоже, Кремль представляет себе «большую восьмерку» как аналог глобального Политбюро, а Совет Безопасности ООН — как своего рода Центральный Комитет. Борьба за статус между государствами — процесс естественный, но необходимо соразмерять амбиции с возможностями. В XXI в. держава может называться великой лишь при условии, что в ней великолепно живется и она привлекательна с точки зрения собственного населения. Энергетическая супердержава — это миф, причем миф опасный. Быть единственной крупной страной, способной открыто бросить вызов Соединенным

Штатам, — это знак отличия, сопряженный с проблемами. Москва как неофициальный представитель крупных развивающихся экономических систем (БРИК, т. е. Бразилия, Россия, Индия, Китай) имеет немного сторонников в Пекине, Бразилиа и Дели. Шанхайская организация сотрудничества действительно объединяет более трети населения планеты, но доля России в «общей сумме» ШОС составляет всего 5%. Несмотря на огромный потенциал, России не удается эффективно использовать «мягкую силу». А тот факт, что туда приехали работать миллионы людей из соседних стран, бывших республик в составе СССР, нельзя отнести к достижениям российской внешней политики. Когда Москва чувствовала потребность что-то сделать, чтобы реализовать или защитить свои интересы в новых государствах, будь то Белоруссия, Грузия, Молдавия или Украина, она всегда действовала так, что теряла часть своего морального авторитета. Обращение к санкциям на ранних стадиях конфликтов едва ли можно считать инструментом «мягкой силы». России на редкость не удалось добиться того, чтобы другие хотели того же, что и она, и видели ситуацию так же, как она сама ее видит. Особенно уродливо выглядела кампания против грузинских иммигрантов, развязанная в России в 2006 г. В кампании 2007 г. против Эстонии Москва также осталась в изоляции. Даже когда Россия, вообще говоря, права, как при отмене субсидий на энергоносители, в борьбе с незаконной иммиграцией, при проверке качества импортируемых товаров или в деле защиты памяти погибших солдат Второй мировой войны, своими практическими действиями она лишь продолжает разрушать имидж, который хотела бы создать. Это указывает на наличие серьезных ошибок в программном обеспечении внешней политики. Прагматизм внешней политики живителен, но он не может существовать без ценностной базы. Иначе прагматизм приравнивается просто к денежной выгоде, и чем больше денег предлагается, тем более прагматичной оказывается позиция. Какие ценности отстаивает Россия? По-видимому, те самые, что

записаны в ее Конституции: верховенство закона, права человека, демократию. Недавно один из высших кремлевских чиновников вспомнил также четыре свободы по Франклину Рузвельту: свобода слова, свобода вероисповедания, свобода от бедности, свобода от страха. Почему же тогда Россия чаще всего встает на сторону явно менее демократичных режимов? Что это — геополитика, материальные интересы, отвращение к западной (и прежде всего американской) политике либо все вместе взятое? Или Россия строит демократию иного типа, которая будет ближе к китайской модели, нежели к европейской? Это не праздный вопрос.

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

То, что сегодняшняя Россия ищет какие-то опорные моменты во внешней политике, — нормально. Она только что выиграла битву за выживание, отбросила подпорки и костыли, обрела роскошь планировать на будущее, но с ней и необходимость мыслить перспективно. Между тем даже дружественные Кремлю комментаторы отмечают, что его внешней политике недостает приоритетов. Россия движется сама, одна, но по течению. К чему приведет этот дрейф? Если дипломатическое наследие Горбачева высмеяно и отброшено, а в качестве образца выбран князь Горчаков эпохи «Большой игры», то что впереди — возвращение Андрея Громыко? Пока не поздно, Кремлю необходимо восстановить баланс между «да» и «нет» в дипломатии, изменить соотношение между сотрудничеством и принуждением и найти ответы на многие критически важные, стратегические вопросы, которые так или иначе необходимо решать.

Каковы цели России в отношении ее ближайших соседей? Хочет она просто оказывать влияние, используя свою «мягкую силу», или стремится к господству в этом регионе? По сути это выбор между постимпериализмом и неоимпериализмом.

Как быть с «европейским выбором» России, о котором так громко объявлялось в начале десятилетия? Действительно ли Москва серьезно относится к созданию общих с ЕС пространств, которые действительно превратили бы Россию и Европу в два смежных здания? Или ЕС для России просто один из многих других партнеров, наряду с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Объединенным рынком стран Южного конуса (Меркосур), Африканским союзом? Это выбор между постановкой на якорь и дрейфом.

Нефть и газ — это экспортные товары или энергетическое оружие? Намерены российские лидеры налаживать с остальными членами «большой восьмерки» отношения «поставщик — потребитель» или они будут строить эти отношения как по сути конфликтные и попытаются продвигать свои позиции, создав коалицию поставщиков, чтобы спровоцировать среди потребителей острую конкуренцию за скудные ресурсы?

НАТО — это партнер или проблема? Является ли Совет Россия-НАТО прежде всего инструментом для получения информации об этом союзе из первых рук или все-таки инструментом для создания общей системы безопасности и организации стратегического взаимодействия? Жаждет ли Россия неизбежного поражения НАТО в Афганистане и готова ли она свести к минимуму отношения с «Талибаном», когда исламисты вновь возьмут Кабул? Намерена ли она бороться с терроризмом или предпочтет играть в новую «Большую игру» в Центральной Азии? И разумно ли в нынешней ситуации угрожать европейским странам НАТО новой версией ракет средней дальности СС-20? Эта недавняя угроза — что это: балансирование на грани войны, незрелая реакция или «тоска по более простому миру»? Считает ли Россия, что кроме Договора о ракетах средней и меньшей дальности ей было бы полезно выйти и из Договора об обычных вооруженных силах в Европе? Короче говоря, считает ли Россия Запад в XXI столетии потенциальным военным противником?

Может быть, Китай действительно является альтернативой стратегического партнера или даже, в будущем, союзника? Несомненно, дружба с Китаем — важный актив, который нельзя терять. Но верно также и то, что мощь Китая за последние двадцать лет выросла в несколько раз, в то самое время как Советский Союз распался, а Россия пережила весьма болезненный переходный период. Предполагает ли реальная политика Москвы стратегию уравнивания мощи Китая относительно России или, напротив, мощь западных демократических государств должна быть уравновешена за счет неравного союза России с Китаем? Какой должна быть реалистическая стратегия развития российского Дальнего Востока и Сибири, чтобы и через пятьдесят лет они остались российскими? 2007 г. Россия официально объявила годом Китая, и, наверное, это должно способствовать концентрации мыслительных усилий.

Может ли поворот Москвы в сторону другого быстро развивающегося азиатского гиганта — Индии — дать ей мощного и совершенно непроблематичного союзника? Но как в этом случае Россия планирует строить отношения с самой влиятельной силой в сегодняшней Индии — ее предпринимателями? Или российские руководители готовы довольствоваться фикцией стратегического партнерства — тонкослойного как лист бумаги, даже если на этой бумаге стоят все необходимые подписи?

Наконец, России следует определиться и с отношением к Соединенным Штатам. Как ни странно, неистовая критика американской политики со стороны России раздается как раз в то время, когда основные направления политики администрации Буша без шума пересматриваются. Неужто возглавляемое США активное продвижение демократии, теперь явно выдыхающееся, действительно представляет собой большую угрозу миру во всем мире, чем распространение оружия массового уничтожения и терроризм? И действительно ли враги, подстегиваемые и направляемые Вашингтоном, постепенно окружают Россию, готовые объ-

единиться с внутренними врагами? Неужели это те самые недоброжелатели, стремящиеся заблокировать Россию в ее нефтяной нише, но на публике громко и лицемерно выражающие обеспокоенность именно тем, что Россия движется в этом направлении? Стремится ли руководство России развязать что-то вроде новой «холодной войны» с Соединенными Штатами, или намерено избежать ее, или просто собирается плыть по течению?

МОСКВА НА ПОТОМАКЕ

Соединенные Штаты, может быть, сейчас находятся в низкой точке вследствие неудач и трудностей их политики в Ираке и в других местах на Ближнем Востоке, но отнюдь не так низко, как хотелось бы кое-кому в России. Создание многополярного мира потребует времени, и даже когда он станет реальностью, Соединенные Штаты, вероятно, останутся первыми среди равных. К сожалению, направление мысли и риторики России в отношении США сегодня ограничивается в основном внешней политикой. При этом остается в тени тот важнейший и непреложный факт, что нормальные и прочные отношения с Соединенными Штатами — необходимое условие достижения Россией ее главных национальных целей в плане модернизации, экономической интеграции и безопасности. Было ли серьезно проанализировано, как строить эти отношения, чтобы они шли на пользу России? Без серьезных сдвигов в американском обществе у «Газпрома» не будет шансов реализовать свою мечту выйти на энергетический рынок США, сколько бы он ни заплатил PR-компаниям. Кремль должен вернуться к своей установке начала 2000-х годов: не делать пакостей Соединенным Штатам. Эти отношения слишком важны, и здесь лучше обойтись без резких выходов и демонстративных поз. Москве необходимо решительно улучшить свое общение с Вашингтоном. Речь Путина в Мюнхене свидетель-

ствуется об отсутствии должного диалога. Чтобы наладить его, Москве придется опереться на более серьезных, глубоко и перспективно мыслящих людей. И обращаться придется к Конгрессу, а не к одной лишь администрации. И нужно будет научиться активно вовлекать американцев в диалог, а не только сидеть и наблюдать за ними как будто из какого-то бункера. Посольство в Вашингтоне должно быть не просто местом для сбора информации, но центром для контактов и связей с общественностью в самом широком смысле слова. Чтобы добиться успеха, России следует поступать по отношению к Соединенным Штатам так, как она хочет, чтобы они поступали по отношению к ней.

Москва добьется гораздо большего, если вместо того чтобы жаловаться на правила игры и всегда предубежденных судей, она научится приспособливаться и преуспевать в рамках существующих правил и, таким образом, обретет право и способность в дальнейшем участвовать в разработке новых правил. По отдельности россияне, кажется, понимают это. Они замечательно приспособляются и добиваются больших успехов за границей, и более всего — в Соединенных Штатах. Так что правительству самое время учиться у своих граждан.

Что же касается американской внешней политики, то она поправится сама собой. У этой страны большой потенциал самокоррекции. И США — не главная угроза безопасности в мире. В мире, «свободном от Соединенных Штатов», Усама бен Ладен все еще свободно бродил бы, борясь «с евреями и крестоносцами». Кому-то все равно пришлось бы принимать меры, чтобы не допустить попадания ядерного оружия в руки «плохих парней», которые угрожали бы другим странам, или использовали бы его для получения выкупа, или просто были озлоблены прошлыми неудачами. И Афганистан занимал бы гораздо большее место на радаре российского Генерального штаба. Другие крупные государства в условиях такой «свободы», возможно, быстрее наращивали бы свою мощь, тем самым в перспективе, воз-

можно, порождая и большие разрушения: история учит, что в многополярном мире державы периодически меряются силами. Однако не следует оценивать внешнюю политику России, завышая для нее стандарты по сравнению с другими странами. Подходы Запада в отношении Москвы, конечно, нельзя считать безупречными. Существует опасность, что в 2007—2008 гг. из-за наложения циклов выборов в Соединенных Штатах и России их отношения могут стать еще хуже. Атмосфера и так отравлена. Однако сама эта проблема содержит в себе и возможности для решения. Россия и США ведут переговоры о соглашении по сотрудничеству в области мирного атома, которое, если оно будет заключено, расширит возможности бизнеса для обеих стран и повысит уровень безопасности во всем мире. Кроме того, поскольку Соединенные Штаты в ноябре 2006 г. согласились на вступление России в ВТО, вопрос о предоставлении ей режима наибольшего благоприятствования в торговле должен быть представлен на рассмотрение Конгресса США. И дебаты на Капитолийском холме, вероятно, затронут не только собственно вопросы торговли с Россией, но и другие основные аспекты российской внутренней и внешней политики.

Вот несколько мыслей, которыми хотелось бы поделиться накануне этих дебатов.

Россия уже не находится в состоянии упадка. Сейчас она переживает болезнь роста — самоосмысление и самообновление. Сегодняшняя Россия — это не воссозданная копия Советского Союза: достаточно вспомнить о частной собственности и капитале, открытии границ и полном отсутствии идеологии. Это не извечная «империя зла». Да, пока это не демократия, но уже капитализм, а капитализм в конечном счете приводит нацию к демократии через становление верховенства закона и развитие среднего класса. Ключевым фактором в отношениях с Россией являются интересы. Существует много точек соприкосновения по таким проблемам как Иран, Северная Корея, нераспространение оружия массового уничтожения и ракет и поддержание глобального

ядерного баланса, потому что ядерная многополярность уже существует. Борьба с терроризмом нужно будет и после того, как уйдут со своих постов Буш и Путин. Стабильность в Афганистане — тоже общая забота. Что касается энергоносителей, несмотря на раздающиеся из Москвы призывы к энергетическому суверенитету (резонирующие с американскими призывами к обеспечению энергетической независимости и с европейскими — о необходимости энергетической диверсификации), российская сторона признает, что нуждается в западных технологиях и еще больше — в западных рынках. Согласование точных параметров этой взаимозависимости — дело нелегкое, но диалог необходимо возобновить. Там, где интересы партнеров противостоят друг другу, необходимо предусмотреть меры, чтобы ни одной из заинтересованных сторон не был нанесен ущерб. Новые государства Евразии в конечном счете выберут собственную политическую ориентацию. Однако необходимо позаботиться о том, чтобы не допустить всплеск военных действий в зонах конфликтов в Грузии или серьезной нестабильности на Украине.

Нужен правильный маршрут

Для выработки правильной политики в отношении России необходимо изменить ее направленность. Вашингтон достиг бы намного большего, если бы там думали в первую очередь о том, что хорошо для Соединенных Штатов в международном плане, а не о том, что хорошо для России во внутреннем плане. В конечном счете Россия тоже выправится сама, а вот для решения проблем Афганистана, Ирана, Северной Кореи и более обширной проблемы стабильности и безопасности на Ближнем Востоке сотрудничать с Москвой необходимо.

Российскому же руководству, со своей стороны, следует определиться в отношении возможных вариантов

стратегического выбора и принять решения, которые сделали бы понятными цели его внешней политики. Заикленность большой страны на жалобах не прибавляет уважения к ней, а концентрация внимания на угрозах оставляет ее в одиночестве. Россия должна разработать во внешней политике собственную позитивную программу действий, которая была бы не просто набором лозунгов и которую она действительно собирается реализовать. В нашем динамичном мире Москва вряд ли может позволить себе и дальше плыть по воле волн. Пришло время определяться в пространстве и во времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесников А. Жак Ширак принял Россию в почетный легион // Коммерсантъ. — 2006. — 25 сент. (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=c97d997c-e3b4-44cd-969b-c77679e73c6b&docsid=707033>).

² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 10 февраля 2007 г. // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>.

РОССИЯ ПЕРЕСМАТРИВАЕТ СВОЮ РОЛЬ В МИРЕ И СВОИ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Внешнеполитические мотивы сегодняшней России полностью отличаются от тех, которыми она руководствовалась в недавнем советском прошлом и в более отдаленную царскую эпоху. Если империю волновал в основном геополитический расклад на евразийском континенте, а СССР пытался осуществить глобальный идеологический проект, подкрепленный военной мощью, то новую Россию интересуют в основном собственные дела. Причем слово «дела» она воспринимает в совершенно определенном смысле — как бизнес. Постимперская Россия в отличие от советской — одно из наименее идеологизированных государств мира. Идеи для нее не имеют почти никакого значения: бал правят прагматические соображения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в основе мировоззрения российской элиты лежат финансовые интересы. Ее практические действия полностью укладываются в принцип «капитал — наш рулевой». Нравственные ценности отходят на второй и третий план, и даже традиционная военная мощь уже не кажется столь привлекательной целью. Колебания цен на энергоносители волнуют Москву куда больше, чем количество ядерных боеголовок.

Геополитика для нее важна не как методологический ориентир, а прежде всего как фактор, влияющий на эконо-

Перевод статьи «Russia Redefines Itself and Its Relations with the West», опубликованной в журнале «The Washington Quarterly», Vol.30:2 (2007). © 2007 Copyright Taylor & Francis. Электронная версия статьи на английском языке доступна по адресу <http://www.informaworld.com>.

мическую ситуацию. В основе большинства серьезных политических решений Москвы лежат экономические и корпоративные интересы, поскольку люди, управляющие страной, во многом ею и владеют. Хотя неофициальный лозунг элиты гласит «Что хорошо для “Газпрома”, то хорошо для России», под словом «Россия» здесь подразумевается достаточно узкая группа людей. Ее представители не получили власть и собственность по наследству: за то, чтобы оказаться на вершине, им пришлось вести тяжелую борьбу. Среди них нет ни одного публичного политика; практически все члены правящей группы — бюрократы-капиталисты. За годы пребывания у власти президента Владимира Путина государство превратилось в нечто вроде «корпорации “Россия”»: высокопоставленные кремлевские чиновники и наиболее влиятельные министры входят в правления различных государственных корпораций и кровно заинтересованы в их развитии и прибыльности. В случае серьезного конфликта интересов, например, когда речь идет о выборе между отменой льготных цен на газ для бывших советских республик и сохранением этих государств на политической орбите Москвы, верх одерживают материальные соображения. При этом российские лидеры считают себя (и хотят, чтобы другие их считали) не просто богатыми и могущественными людьми, но и членами сплоченной группы, принадлежность к которой помогает им достигать своих личных целей.

Уцелев в беспощадной внутривнутриполитической и деловой борьбе, эти лидеры в условиях жесткой конкуренции чувствуют себя как рыба в воде, перенося подобный подход и на мировую арену. С их точки зрения, партнерство возможно с кем угодно — от президента США Джорджа У. Буша до лидера ХАМАС Халеда Машаала, от уполномоченного Совета Европы по Чечне лорда Фрэнка Джайда до иранского президента Махмуда Ахмадинежада. В то же время каждый партнер может в любой момент превратиться в противника, даже президент Белоруссии Александр Лукашенко — ничего личного, бизнес есть бизнес.

Это, однако, не означает, что российские лидеры не осознают различий между игроками, с которыми имеют дело. Российские магнаты процветают в первую очередь за счет деловых связей с Европой и США и стремятся к ускоренной «персональной интеграции» с Западом. Хотя кое-кто из них выбирает короткий, но рискованный путь к богатству через Китай, Иран или Венесуэлу, большинство скорее всего держит основные активы на Западе, а не в Азии или в самой России. Если на родине запахнет жареным, они отправятся из Москвы в Лондон и Цюрих, а не в Шанхай и Мумбаи.

С точки зрения Москвы отношения между Россией и Западом носят конкурентный, но не антагонистический характер. Россия не стремится к мировому господству, а ее лидеры не мечтают о возрождении СССР. Они намерены вернуть России статус великой державы мирового значения, организованной по принципу суперкорпорации. Они убеждены, что единственный способ преуспеть — это всегда добиваться своего, и готовы действовать беспощадно. Фактически впервые в истории россиянин превращается в homo economicus, а страна становится одним из важнейших игроков на весьма «чувствительном» поле — энергетическом. Естественно, это беспокоит многих в Европе и Америке.

Подобное беспокойство распространяется также на политическую и стратегическую сферы. Хотя Запад как правило не признает Россию равной себе в нравственном отношении (это явление называется «ценностным разрывом»), россияне, в свою очередь, уже не считают США и Европу нравственными авторитетами. Москва готова взаимодействовать с западными партнерами на основе общих интересов или, в случае необходимости, не соглашаться и конкурировать с ними. основополагающий вопрос в отношениях между Россией и Западом в начале XXI в. — это условия сотрудничества.

Взгляд из Москвы

Ирония ситуации заключается в том, что в первой половине XX в. СССР был необычайно идеологизированным государством, а Запад в целом отличался практичностью и прагматизмом. Теперь же россияне превратились в «акул капитализма», а Запад читает им нотации о нравственных ценностях. С точки зрения России нигде в мире не существует полной свободы, совершенной демократии и власти, которая не лгала бы народу. Она считает, что все государства одинаковы в том смысле, что имеют одни и те же недостатки. Просто одни могущественнее других, и только это на самом деле имеет значение.

Оседлав волну высоких нефтяных цен, российские лидеры впервые за два десятка лет «выпрямились во весь рост». Их уверенность в себе можно сравнить лишь с началом 1970-х годов, когда СССР добился стратегического ядерного паритета с США, а американцы потерпели поражение во Вьетнаме. Россия, некогда клянчившая кредиты, сегодня расплатилась по всем долгам. Она уже не «бедный родственник» Запада: страна наконец обрела суверенность в полном объеме, решительно утверждает свою независимость и вскоре встанет в один ряд с другими крупными державами. Сегодня за каждую уступку, о которой просят Москву, она назовет свою цену.

В самой России власть и собственность неразрывно связаны, и ее лидеры при всех своих деловых интересах не забывают и о политическом влиянии, которое дает владение активами или господство на рынке. Экономическая зависимость, полагают они, влечет за собой зависимость политическую, и за счет этого можно обеспечить себе привилегированные позиции. Они уверены: нефтегазовый бизнес имеет по сути политический характер. Западные нефтяные компании не одно десятилетие были крупными политическими игроками в странах третьего мира, где они действовали. Со времен нефтяного эмбарго 1973 г. решения Организации

стран — экспортеров нефти определяются политическими соображениями. Трубопровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» представлял собой политический проект США по прокладке маршрута транспортировки энергоносителей в обход территории России. Транзитные государства, например, Украина и Белоруссия, используют свое геополитическое положение, чтобы добиваться уступок от России — страны-экспортера. Поэтому россияне не считают нужным рефлексировать из-за своего положения главных поставщиков нефти и газа на западные рынки. Они рассматривают это как одно из немногих конкурентных преимуществ своей страны. Тот факт, что она стала великой энергетической державой, доставляет им наслаждение.

По иронии судьбы, несмотря на географическую удаленность, сегодняшняя Россия по мировоззрению и основным характеристикам имеет больше общего с Соединенными Штатами, чем с Европейским союзом. США полностью отвечают понятию «нации-государства», и постимперская Россия находится на том же пути. Роль религии здесь важнее, чем в большинстве стран ЕС, хотя, конечно, она сильно отличается от роли религии в американском обществе. Как и США, Россия склонна решать международные споры силой, и несомненно сохранила пережитки сверхдержавного мышления, что сегодня проявляется в ее энергетической политике. Деньги играют в жизни страны первостепенную роль, а влияние социал-демократических идей невелико. Психология россиян приобретает все более индивидуалистический характер, хотя и в довольно грубой форме. Учитывая все эти характеристики, можно сказать, что Россия идет по пути модернизации и вестернизации, но этот путь не обязательно европейский.

Это означает, что в будущем внешняя политика России скорее всего приобретет глобальный охват, напористый характер и будет определяться национальными интересами в том виде, как их понимает правящая элита. Этот курс будет облекаться в «общечеловеческие» формулировки со ссылкой

ми на международное право и нравственные ценности. Действия России будут лишены какой-либо привязки к политике США и ЕС. Главная идея будет состоять в том, чтобы сполна реализовать уникальную, как считают многие россияне, способность российской цивилизации к пониманию различных культур, позволяющую при необходимости играть роль посредника между ними. Россия будет стремиться к укреплению связей с крупнейшими странами Азии, а также Латинской Америки и по-прежнему поддерживать мирные отношения с исламским миром.

Россия и Европа: цель — равноправие и взаимность уступок

Давней российской мечте об объединении с Европой пришел конец. Идея советского лидера Михаила Горбачева об «общеевропейском доме» и более поздняя концепция «расширенной Европы» сейчас расцениваются как теоретическая маниловщина. Прежние интеграционные идеи, порой даже предусматривавшие вступление в ЕС, положены под сукно. Теперь главное — суверенитет: действия США рассматриваются как пример для подражания, а статус Китая вызывает восхищение и зависть. Сегодняшней России нужна Европа без разграничительных линий: этот тезис обусловлен чисто прагматическими, деловыми соображениями и предусматривает равное партнерство.

Россия не стремится к гегемонии в Европе, но на тактическом уровне без колебаний воспользуется слабыми сторонами ЕС. Эксплуатируя внутренние разногласия в рамках Евросоюза, Россия предпочитает строить отношения с его членами по отдельности, а не иметь дело с «единым фронтом». Она будет извлекать преимущества из своих двусторонних связей с Германией, Францией и другими важными странами ЕС, например, Италией, Испанией, Грецией и Португалией. Эти отношения строятся в первую очередь на

взаимной экономической заинтересованности и поэтому отличаются относительной стабильностью: они подвержены периодическим корректировкам вроде недавней «перенастройки» российско-германского сотрудничества после прихода к власти Ангелы Меркель, однако резкие изменения к худшему им не грозят. Основываясь на этих плодотворных контактах, Кремль будет стараться нейтрализовать влияние «новобранцев» ЕС, среди которых числятся страны, традиционно относящиеся к России скептически, например, Польша и прибалтийские государства.

Смирившись с переходом Центральной Европы включая Балканы в сферу политического влияния ЕС, Россия приобретает экономические активы в этих странах, а также в прибалтийских республиках. Такие действия продиктованы не ностальгическими соображениями, а вполне прагматическим стремлением воспользоваться открывающимися возможностями в условиях, когда конкуренция в этих регионах еще довольно слаба. В то же время россияне стремятся сохранить преобладающие экономические позиции в постсоветском «ближнем зарубежье». По их мнению, границы Содружества Независимых Государств должны стать пределом для расширения НАТО и ЕС. Резкое повышение «Газпромом» цен на газ в конце 2005 г., обернувшееся прекращением поставок Украине в первый день нового года, стало последним гвоздем, заколоченным в гроб СССР. Через год, после аналогичного шага, было прервано газоснабжение Белоруссии. Тем самым Москва недвусмысленно дала понять соседним странам, что время льгот и субсидий прошло даже для политически лояльных государств вроде Армении и Белоруссии. Геоэкономика здесь играет не меньшую роль, чем геополитика. Хотя постсоветские государства и признаются сегодня «зарубежными», их экономическое пространство Россия по-прежнему рассматривает как зону, где она обладает определенными преимуществами по сравнению с конкурентами из третьих стран.

Особое значение для российской экономической экспансии имеет трубопроводная сеть. Как отметил Путин на

встрече с лидерами стран ЕС в Лахти в октябре 2006 г., Европа получает из России 44% потребляемого газа, а для самой страны поставки в страны ЕС составляют 67% общего объема экспорта этого сырья. Евросоюз будет стремиться сократить зависимость от российского газа, однако проекты строительства трубопроводов в обход российской территории чреваты острыми конфликтами. Реальной причиной нынешней ссоры между Москвой и Тбилиси является прозападная политическая ориентация последнего, позволяющая среди прочего западным компаниям строить трубопровод для транспортировки каспийского газа в Европу, минуя российскую территорию. В Туркмении Россия и Запад уже схлестнулись в борьбе за гигантские газовые ресурсы этой страны.

Из-за энергетической взаимозависимости отношения между Россией и ЕС в среднесрочной и долгосрочной перспективе останутся относительно стабильными. В 2010 г. вступит в строй Североевропейский газопровод по дну Балтийского моря; он еще теснее свяжет Россию и Германию. Для разработки гигантского Штокмановского газового месторождения в Баренцевом море необходимы передовые технологии и опыт, а значит, потребуется международное сотрудничество в еще больших масштабах; значительная часть добытого там газа также будет поставляться в Европу. Российские лидеры стремятся углубить отношения с европейскими партнерами за счет обмена активами. Они готовы позволить европейцам приобрести часть российских добывающих активов, но взамен хотят получить долю в распределительных и сбытовых компаниях стран ЕС. Они считают подобные условия справедливыми и готовы жестко за них торговаться.

Российские компании будут продолжать приобретение прибыльных активов и в других отраслях, а также размещать собственные ценные бумаги на европейских биржах, предлагая свои акции западным покупателям. В некоторых секторах, например, в авиационной промышленности, российские производители могут заключать с европейскими фирмами соглашения о сотрудничестве и за счет этого при-

обретать выгодные активы. В частности, они присматриваются к франко-германской авиакосмической компании EADS, с которой российские фирмы сотрудничают с 2004 г. В 2006 г. один из российских государственных банков приобрел 5% акций EADS. После этого министр иностранных дел Сергей Иванов, занимающий также должность вице-преьера, курирующего военную и другие высокотехнологичные отрасли промышленности, назвал EADS потенциальным стратегическим партнером в производстве гражданских самолетов. Жесткая конкуренция россиян раздражает, но не отпугивает, и отдельные неудачи, вроде сорвавшегося слияния «Северстали» с европейским металлургическим концерном «Arcelor», их не останавливают.

Что же касается личных контактов россиян с европейцами, то они будут постепенно расширяться, охватывая все больше социальных групп и отдельных индивидов. Возможно, безвизовый въезд простых россиян на территорию ЕС остается делом далекого будущего, однако обладатели дипломатических паспортов, т. е. представители российской элиты, уже имеют такой доступ. Поскольку Европа привлекает россиян и географически она расположена недалеко, между ЕС и Россией будет происходить постепенное социальное сближение.

Этот процесс едва ли будет протекать просто и гладко. В краткосрочной перспективе следует ожидать еще более настороженного отношения европейских СМИ и общественности к России. Передача власти в Кремле в 2008 г. или, что также возможно, продление путинского мандата скорее всего будет сопровождаться событиями, еще больше ухудшающими имидж России. Политические убийства, случаи масштабного межэтнического насилия или теракты будут использоваться в качестве предлога всеми, кто хотел бы воспользоваться изоляцией России со стороны Запада и спровоцировать беспорядки внутри страны, чтобы создать чрезвычайную ситуацию, позволяющую заморозить существующую систему власти и собственности.

Позиция новых членов Евросоюза, в особенности Польши и прибалтийских государств, будет негативно воздействовать на политику ЕС в отношении России. Некоторые недавние события, непосредственно связанные с расширением ЕС и углублением интеграции в его рамках, оптимизма не внушают. Польше, у которой с Россией возник спор из-за экспорта мяса, удалось заблокировать начало переговоров между ЕС и Москвой (к ним стороны должны были приступить в 2006 г.) о новом всеобъемлющем договоре, призванном заменить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Та же Польша и прибалтийские государства настороженно относятся к проекту Североевропейского газопровода и призывают к выработке единой политики ЕС в сфере энергетической безопасности, чтобы не допустить российской гегемонии на нефтегазовом рынке. Нынешнее ухудшение российско-грузинских отношений и неопределенность в плане внешнеполитической ориентации Украины также будут осложнять дело. Чтобы отношения между Россией и ЕС не «напоролись на рифы», потребуются немалое политическое искусство с обеих сторон.

Россия и США: минимизация ущерба

С США у России нет такой экономической взаимозависимости, как с Европой. Поскольку их взаимодействие связано в основном с геополитическими вопросами, американо-российские отношения покоятся на зыбком фундаменте. Кремль по сути пришел к выводу, что в обозримом будущем Вашингтон не будет для него полезным дипломатическим партнером. Российское руководство считает, что все внимание США поглощено Ираком и к тому же они не заинтересованы в развитии сотрудничества с Москвой. Там же, где России приходится иметь дело с американцами, она считает их скорее помехой. Отношение США к России в какой-то степени представляет собой зеркальное отображение вы-

шеизложенного. В американских СМИ информация о России носит весьма скудный и преимущественно негативный характер.

Россия и США преследуют совершенно разные внешнеполитические цели. В повестке дня Вашингтона на первых местах стоят такие вопросы, как Ирак, ислам, терроризм и распространение оружия массового уничтожения. Для России первостепенное значение имеет ситуация в постсоветском «ближнем зарубежье». В принципе эти программы носят взаимодополняющий характер и могли бы стать основой для плодотворного сотрудничества, однако идеологический акцент администрации Буша на распространении демократии, а также жесткая линия Кремля во внутренней политике и его подозрительное отношение к американской политике «демократизации» препятствуют серьезному долгосрочному сотрудничеству.

Единственная позитивная цель, которую сегодня преследует Россия во взаимоотношениях с Соединенными Штатами, — это вступление во Всемирную торговую организацию; скорее всего, процесс будет завершен в 2007 г. Москва понимает: если вопрос останется в «подвешенном состоянии», в дальнейшем это породит еще больше проблем. Теперь, когда Грузия отозвала свою подпись под двусторонним протоколом с Россией о вступлении в ВТО в знак протеста против экономических санкций Москвы, Россия хочет присоединиться к этой организации раньше Украины, чтобы та не смогла использовать свое членство в качестве козыря на переговорах по газу. Однако достижение договоренности с Соединенными Штатами оказалось чрезвычайно трудным делом. Даже подписание двустороннего протокола в ноябре 2006 г. стало лишь прологом к решению вопроса о поправке Джексона-Вэника. Этот законодательный акт, принятый Конгрессом в 1974 г., первоначально обуславливал предоставление СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле снятием ограничений на иммиграцию евреев. Хотя первоначальная цель поправки давно утратила

актуальность, она продолжает блокировать нормализацию торговых отношений между Россией и США.

В прямое противоречие интересы Вашингтона и Москвы вступают в связи с вопросом о влиянии США на постсоветском пространстве. Россия категорически против вступления в НАТО Украины, Грузии и Азербайджана. После решения Узбекистана о ликвидации американской военной базы Россия стремится развить успех, пытаясь полностью вытеснить США из Центральной Азии. В августе 2006 г., когда премьером Украины стал пророссийски настроенный политик Виктор Янукович, в Москве вздохнули с облегчением — он должен служить противовесом влиянию прозападного президента-либерала Виктора Ющенко. Очевидно, россияне хотели бы, чтобы в Грузии на смену администрации Михаила Саакашвили пришли другие политики, готовые больше учитывать российские интересы. Для многих российских лидеров Саакашвили — такая же одиозная фигура, как для американцев президент Венесуэлы Уго Чавес. Впрочем, предпринять что-то реальное для изменения ситуации в Грузии Кремль не в состоянии.

В качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН Россия играет важную роль в нескольких вопросах, которым США придают большое значение. Без сотрудничества со стороны России невозможно никакое решение по иранской ядерной проблеме из тех, что обсуждаются сейчас в рамках ООН. Столь же важно оно и для урегулирования северо-корейского вопроса, хотя здесь лидирующую роль взял на себя Китай. Необходимым условием для того, чтобы Пхеньян принял шестисторонние переговоры всерьез, является согласованная позиция пяти других стран-участниц, в том числе и России. На Большом Ближнем Востоке в условиях, когда политика США по Ираку, Ливану, Афганистану и израильско-палестинскому урегулированию зашла в тупик, Россия также могла бы стать для Вашингтона весьма полезным партнером. Она сохраняет присутствие в Центральной Азии и поддерживает контакты с афганским Северным альянсом, кото-

рый много лет противостоял движению «Талибан» и в 2001 г. объединил усилия с США для свержения режима талибов. Москва имеет традиционно близкие отношения с Сирией, уже полвека снабжая Дамаск оружием. У россиян есть ценные контакты с палестинцами и различными группировками в Ливане; в то же время они активно развивают отношения с Израилем, где русскоязычные граждане составляют около 20% населения. Несмотря на разницу в восприятии Кремлем и Белым домом войны с террором, основополагающие интересы обеих стран диктуют им сотрудничество в борьбе против исламского экстремизма.

По всем этим приоритетным для Вашингтона вопросам Россия может сделать определенные шаги навстречу США, но взамен она потребует серьезных ответных уступок. По сути Кремль хочет, чтобы Америка прекратила играть против него на территории российского «ближнего зарубежья». Но даже если Соединенные Штаты пойдут на некоторые уступки, гибкость Москвы имеет пределы. Российские лидеры не одобряют никакое решение Совета Безопасности ООН по Ирану, если оно будет предусматривать применение силы. По мнению россиян, даже превращение Ирана в ядерную державу лучше, чем превентивная война против этой страны. Они считают, что такая война может в лучшем случае задержать осуществление ядерной программы Тегерана и достигнуто это будет ценой крупного регионального кризиса, политической радикализации мусульман и конфронтации между Западом и исламским миром. С учетом событий в Ираке и Афганистане Москва скептически относится к способности американцев закрепиться на завоеванных позициях и к эффективности их действий. Она подозревает, что США попытаются разоружить Иран, потерпят неудачу и выведут войска, оставив образовавшийся хаос в наследство соседним странам включая Россию. Как заметил министр иностранных дел Сергей Лавров, Россия не повторит ошибку, которую она допустила в 1914 г., ввязавшись в «чужую» войну и в результате потеряв все.

Поскольку российско-американские отношения лишены экономического «якоря», в политическом плане они могут серьезно ухудшиться, и, вероятно, именно это и произойдет. Кризис может вызвать какая-нибудь провокация или просчет в Грузии или на Украине, если главные политические силы в этой стране вновь перейдут к острой междоусобной борьбе. Возобновление боевых действий в Абхазии или Южной Осетии вовлечет в конфликт Россию, что приведет к военному столкновению между Москвой и Тбилиси, причем Грузия в этом случае обратится за защитой и поддержкой к США и Европе. Серьезный политический раскол на Украине может поставить под угрозу территориальную целостность страны — скажем, если русскоязычные иррентдентисты в Крыму вынесут на референдум вопрос об отделении этого полуострова. В России усиливаются националистические настроения с явными антиамериканскими обертонами, а общественность США воспринимает Россию все негативнее. Еще бóльшую напряженность может внести риторика кандидатов на президентских выборах, которые в обеих странах состоятся в 2008 г. В ходе предвыборной кампании в США может всплыть вопрос о членстве России в «большой восьмерке», а в России Соединенные Штаты, возможно, будут представлены как государство, препятствующее ее возрождению и развитию. Если в Америке подвергнут сомнению легитимность нового российского президента, это нанесет двусторонним отношениям по-настоящему серьезный ущерб.

Российский бизнес, конечно, весьма заинтересован в выходе на американский рынок и приобретении активов в США. Будущие соглашения в сфере энергетики, в том числе ядерной, способны придать российско-американским отношениям прочную основу и стабильность. «Газпром», Росатом, РУСАЛ, ЛУКОЙЛ и «Роснефть» заинтересованы в завоевании и расширении позиций на американском рынке, но сталкиваются здесь с немалыми трудностями. Россияне проявляют чрезмерное нетерпение и зачастую плохо понимают механизмы американской деловой и политической среды, а потому допу-

скают ошибки и терпят неудачи. Так, принятое «Газпромом» в 2006 г. решение о поставке газа со Штокмановского месторождения в Европу по трубопроводам, а не в сжиженном виде в Северную Америку, отчасти вызвано разочарованием России в возможностях приобретения газораспределительных активов на восточном побережье США.

Будущее отношений России с Западом

В обозримом будущем отношения между Россией и Западом скорее всего будут развиваться не без сбоев, поскольку стороны разделяет «ценностный разрыв» протяженностью в несколько десятилетий. Сегодняшний день России — это позавчерашний день Европы. Она одновременно напоминает Германию 1920-х годов с ее динамичным экономическим развитием и острым чувством обиды из-за отношения других держав, Францию конца 1940-х, пытающуюся залечить раны недавнего прошлого, и Италию 1960-х, где власть, деньги и преступность были спаяны воедино. Сегодня в России нет демократического строя, даже самого несовершенного: это страна грубого, реального капитализма, управляемая частными интересами, которые порой выдаются за интересы государства.

Любой прогноз об отношениях России с другими странами зависит от ее собственного будущего. Сможет ли она осуществить подлинную модернизацию или вновь потерпит неудачу, и ее государственность рухнет раз и навсегда? Сможет ли частная собственность и глобализация — силы, выпущенные на свободу два десятка лет назад, во время перестройки, удержать Россию на верном пути? Сможет ли она воспользоваться двадцатью годами стабильности и успешно построить капитализм? Прошлую попытку в 1917 г., на исходе первого десятилетия реформ, прервала большевистская революция. Станет Россия демократической страной или нет, будет ясно лишь к середине XXI в.

По мере того как в рамках российского капитализма будет формироваться верховенство закона, конституционализм, а в конечном счете и некая форма демократии, основанная на гражданской ответственности, пропасть, отделяющая страну от Запада, скорее всего сузится, но этот процесс будет идти крайне медленно. Помимо того что Москва отдает предпочтение экономической экспансии перед интеграцией, у нее в целом практически отсутствует долгосрочная стратегия. Преобладают тактические соображения, планирование на среднесрочную перспективу находится в зачаточной стадии, национальные интересы, заслуживающие этого названия, пока не сформулированы. В условиях нынешнего бюрократического капитализма приватизации по сути подверглось само государство, и чтобы вновь слить его в единую структуру, потребуется время.

Хотя Россия и переживает переходный период, эта страна слишком важна, чтобы ее можно было игнорировать, пренебрегать ею или воспринимать ее стереотипно. Если Запад неверно оценит действия России и в результате будет реагировать на них несоразмерно или неправильно, он не просто упустит благоприятные возможности, но и, возможно, будет многим рисковать. Россия может стать участником инициированного США плана по созданию нового международного устройства, но может и двинуться по пути изоляционизма и антиамериканизма. Для Запада целесообразнее всего было бы строить отношения с Россией, руководствуясь ее же мерками, т. е. добиваться приемлемого баланса взаимных уступок, а не исходить из неких нормативных принципов вроде наличия или отсутствия демократических реформ. Идеология — не слишком надежный поводь на российском политическом пространстве, лишенном ценностных ориентиров, но заполненном кипучей деятельностью. Публичные проповеди в адрес России лишь демонстрируют полную неспособность езовских и американских политиков повлиять на ситуацию в стране и дают российским чиновникам повод изображать эти протесты, даже обоснованные, как пустую риторику, рассчитанную на западную аудиторию.

В долгосрочной перспективе новые реалии и эволюция интересов могут побудить Россию скорректировать свой путь развития. Если когда-нибудь будущие лидеры России сделают выбор в пользу экономической и политической интеграции с неким образованием, более крупным, чем она сама, то кандидат здесь только один — Евросоюз. Поэтому Брюссель должен в отношениях с Россией исходить из долгосрочной перспективы. Для ЕС Россия — непосредственный сосед и предельная граница расширения. Только Россия, а не Африка или Ближний Восток, способна обеспечить Европе стратегическую глубину. Будучи европейской страной в культурном, географическом и историческом плане, Россия может привести ЕС к побережью Тихого океана, укрепить глобальное мышление европейцев, обеспечить Евросоюз целым рядом сырьевых ресурсов и увеличить его материальное могущество. Это повысило бы общую конкурентоспособность Европы в отношении других крупных игроков. В конечном счете дело может дойти до создания единой европейской энергосистемы или присоединения российских компаний к европейскому авиакосмическому консорциуму в качестве крупных миноритарных акционеров. Россияне могли бы даже ездить в Париж или Берлин без визы. Возникшее в результате целое будет мощнее, чем сумма его составляющих. Здесь, правда, возникает одна оговорка. Дело в том, что Евросоюз вряд ли сочтет слабое и недееспособное российское государство подходящим кандидатом на вступление, а у богатой и успешной России, возможно, не найдется причин присоединяться к ЕС.

Что же касается американо-российских отношений, то их потенциал может быть реализован, если Соединенные Штаты сделают стратегический выбор в пользу мирового лидерства и интеграции и начнут налаживать сотрудничество с другими крупными игроками включая Россию для укрепления международной системы, которую США возглавляют. К тому времени нынешняя политическая философия России, вероятно, изменится в пользу большего учета общих интересов международного сообщества. В этом нет ничего

невозможного, если феномен превращения бесцеремонных «баронов-разбойников» (обычно во втором поколении) в социально ответственных капиталистов распространяется и на целые государства. Для тех, кто способен смотреть вдаль, позитивное американо-российское партнерство представляется возможным, хотя разглядеть его контуры еще довольно долго будет трудно.

Конечно, западным странам необходимо диверсифицировать источники энергопоставок, но они должны реально оценивать имеющиеся в этом плане возможности. Превращение энергетики в зону силовой политики, например, создание «энергетического НАТО», нельзя считать обдуманном предложением. Да и в других секторах возводить защитные барьеры против «вторжения» российского капитала неразумно как с экономической, так и с политической точки зрения. Россия не «скупит» Европу или США, но в конце концов она может превратиться в ответственного участника общей экономической системы, позволив западным компаниям в качестве неизбежной ответной уступки приобретать собственные активы.

Главная надежда на позитивное развитие отношений между Россией и Западом связана с укреплением деловых связей. По сути это означает расширение экономического присутствия США и Европы в России и расширение российского присутствия в США и Европе. В результате будет создан более прочный фундамент для политических отношений, особенно российско-американских, станут возможны лучшее понимание целей каждой из сторон и сближение их интересов. Можно ожидать, что по мере эволюции российского капитализма и интеграции страны, которая сегодня стоит на пороге вступления в ВТО, в глобальную систему экономических, политических и социальных связей, стандарты, которыми руководствуется Россия, приобретут более современный характер, напоминающий ценности, которыми сегодня руководствуются Америка и Западная Европа.

Россия покидает орбиту Запада

Конец «медового месяца»

Сейчас, когда президент Владимир Путин готовится выступить в роли хозяина на июльском саммите «большой восьмерки» (группы восьми промышленно развитых государств), ни для кого не секрет, что отношения между Россией и Западом начали ухудшаться. После десяти с лишним лет разговоров об «интеграции» России с Западом и «стратегическом партнерстве» Москвы и Вашингтона сегодня официальные представители США и Европы публично выражают озабоченность относительно внутривосточной ситуации в России и ее отношений с республиками бывшего СССР. Так, в своем выступлении в Вильнюсе 4 мая 2006 г. вице-президент США Дик Чейни обвинил Кремль в «несправедливом ограничении прав граждан» и использовании энергетических ресурсов страны в качестве «орудий запугивания и шантажа».

Впрочем, говоря о своей тревоге, эти критики одновременно полагают: если они будут высказываться громко и настойчиво, Россия прислушается к их словам и изменит свое поведение. Однако в поисках перемен они смотрят не в том направлении. Да, они справедливо отмечают, что Путин

в последнее время подавляет инакомыслие в стране и жестко расправляется с сепаратистами в Чечне, но более важные изменения происходят в российской внешней политике. До недавних пор Россия считала, что в западной «солнечной системе» она играет роль Плутона, т. е. находится весьма далеко от центра, но является неотъемлемой частью всей «конструкции». Теперь она вообще перешла на другую орбиту: российские лидеры оставили надежду на то, что страна может стать частью Запада и приступили к созданию собственной системы, вращающейся вокруг Москвы.

Новая внешнеполитическая линия Кремля основывается на тезисе о том, что Россия, будучи большой страной, по сути не имеет друзей; ни одной из великих держав не нужна сильная Россия, которая в этом случае станет их мощным конкурентом, и многие желали бы видеть ее слабым государством, чтобы ею можно было помыкать и манипулировать. Таким образом, перед Россией стоит выбор: либо смириться с положением «подчиненного», либо вернуть себе статус великой державы, заняв тем самым принадлежащее ей по праву место в мире — в одном ряду с США и Китаем, а не с Бразилией и Индией.

США и Европа могут сколько угодно выражать протест по поводу подобных перемен в российской внешней политике; от этого ничего не изменится. Они должны признать, что условия взаимодействия России с Западом, выработанные пятнадцать лет назад, в период распада СССР, и не претерпевшие особых изменений до сегодняшнего дня, не соответствуют радикально изменившейся реальности. Прежняя парадигма безвозвратно ушла в прошлое, и пора приступать к выработке новой.

Полуоткрытая дверь

Часть ответственности за эти сдвиги в российской внешнеполитической концепции несет сам Запад. Внезапное

крушение советской власти и ускоренное воссоединение Германии застали Соединенные Штаты и Европу врасплох. Европейские государства, возглавляемые Францией, отреагировали на новую ситуацию преобразованием Европейского сообщества в более «прочный» Европейский союз, но при этом отложили на потом ответ на вопрос, что делать с Восточной Европой и Россией. В свою очередь, Вашингтон, поглощенный проблемами слабеющего не по дням, а по часам СССР и упоением от собственной победы в «холодной войне», также не озаботился разработкой новой стратегии в отношении постсоветской России. В рамках концепции «нового мирового порядка», сформулированной президентом Джорджем Бушем-старшим, когда СССР еще существовал, от Советов требовалось одно — прекратить вмешиваться в дела других стран. Лишь позднее политическое руководство США задумалось о том, каким должно быть реальное мироустройство после окончания «холодной войны», но и после этого его линия по отношению к постсоветской России была по сути изначально обречена на провал. После падения Берлинской стены в 1989 г. правительства западных стран разработали разветвленную систему «партнерств» с бывшими противниками из коммунистического лагеря, стремясь распространить свои ценности на территорию, лежащую за ее руинами. Они надеялись, что некоторые посткоммунистические страны смогут быстро «влиться» в Европу — ныне «единую и свободную», другие же, пусть медленнее, также будут продвигаться в том же направлении. Конфликт на Балканах несколько поумерил этот первоначальный энтузиазм, он также продемонстрировал равнодушие США и слабость Европы перед лицом сил, вырвавшихся на свободу после окончания конфронтации между сверхдержавами.

С самого начала эпохи, последовавшей за завершением «холодной войны», Запад рассматривал Россию как «особый случай». Эта страна, чей великодержавный менталитет был поколеблен, но не сломлен, обладала ядерным оружием,

да и попросту была слишком велика — поэтому она заслуживала кое-каких привилегий, но реальная перспектива вступления в НАТО и ЕС среди них не значилась. Формально двери Запада были для нее открыты, но что Россия может реально «войти внутрь», по-прежнему представлялось невысказанным. Надежды возлагались на то, что она с западной помощью постепенно превратится в демократическое государство с рыночной экономикой. Пока же требовалось, чтобы Россия проводила в целом прозападную внешнюю политику.

Москва такое предложение сочла неприемлемым. Она готова была подумать о присоединении к Западу только в том случае, если бы ей предоставили нечто вроде должности сопредседателя в западном «клубе» — или по крайней мере «членство в Политбюро». Российские лидеры не желали следовать указаниям из Вашингтона и Брюсселя или подчиняться правилам, установленным для бывших советских сателлитов. Таким образом, несмотря на все разговоры об интеграции России в состав западных институтов, весь этот проект с самого начала был мертворожденной затеей. Рано или поздно обе стороны должны были осознать это.

По мере того как другие бывшие страны Варшавского пакта присоединялись к расширяющемуся Западу, России, которая представлялась слишком важной державой, чтобы ее игнорировать, предлагались новые формы сотрудничества — но при этом Москву продолжали держать на расстоянии. Присоединение России к «большой семерке», в результате которого эта группа превратилась в «восьмерку», должно было привязать Россию к Западу и подготовить ее лидеров к жизни в новом «коллективе». Совет Россия-НАТО мыслился как инструмент координации политики в области безопасности и поощрения военной реформы в России. Членство в Совете Европы, куда Россия вступила еще до окончания первой чеченской войны, должно было способствовать распространению в стране западных норм и ценностей.

Все эти начинания, может быть, и не закончились полным провалом, но явно не оправдали надежд. «Восьмерка»

сегодня — все та же прежняя «семерка» плюс Россия, хотя официально она обладает тем же статусом, что и другие члены группы (за исключением участия во встречах министров финансов). Совет Россия-НАТО остается ничем не примечательной рабочей группой по техническому сотрудничеству, действующей на периферии основных функций Альянса. «Дорожные карты» России и ЕС по созданию «общих пространств», призванных укрепить сотрудничество за счет большей «совместимости систем», представляют собой лишь набор целей чрезвычайно общего характера, не сопровождающихся жесткими обязательствами, — через разделяющую стороны брешь переброшен «бумажный мост». Совет Европы, в особенности его Парламентская ассамблея, превратился в арену для словесных баталий между российскими законодателями и их европейскими коллегами по Чечне и другим вопросам, связанным с правами человека (Москва даже пригрозила вдвое урезать свой взнос в бюджет Совета, если постоянная критика в ее адрес не прекратится). Даже с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе и Договором по обычным вооруженным силам в Европе, действующим еще со времен «холодной войны», ситуация сегодня выглядит не лучшим образом. ОБСЕ Россия просто игнорирует, обвиняя ее во вмешательстве во внутреннюю политику постсоветских государств. Что же касается ДОВСЕ, то Москва дает понять, что может денонсировать его основные положения, которые, как она считает, связывают российские вооруженные силы несправедливыми ограничениями. Такая вот интеграция с Западом.

После событий 11 сентября 2001 г. Путин, воспользовавшись представившейся возможностью, предложил Белому дому сделку. Россия была готова согласиться с мировым лидерством США в обмен на статус одного из главных союзников Вашингтона, наделенного особой ответственностью (читай: гегемонией) на постсоветском пространстве. Это предложение, продиктованное слабостью России, было отвергнуто Вашингтоном: он был готов обсуждать с Москвой

лишь «правила дорожного движения» в постсоветском Содружестве Независимых Государств.

Позднее Кремль сделал еще один шаг в русле «западной» политики, присоединившись к «коалиции несогласных» в ходе иракской войны. Объединившись с крупнейшими европейскими державами, выступившими против американского вторжения, Москва надеялась проникнуть в западную систему через «европейский вход» и создать ось «Россия — Франция — Германия» в качестве противовеса Вашингтону и Лондону. Однако и эта попытка провалилась. Новая антиамериканская Антанта так и не возникла: обусловленное конкретной ситуацией сближение с Москвой (и расхождение с Вашингтоном) оказалось недостаточно весомым фактором по сравнению с фундаментальными основами межатлантических отношений.

Межатлантические и европейские структуры продолжали расширяться на восток, приняв в свой состав оставшиеся страны бывшего Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, а также прибалтийские государства. После вступления в ЕС Польши и прибалтийских республик общая линия союза стала вызывать в Москве еще больше тревоги. Одновременно США и Европа начали оказывать поддержку смене режимов «изнутри» и геополитической переориентации в странах, граничащих с Россией, в частности на Украине и в Грузии, распространяя тем самым свою «силу притяжения» за бывшую границу СССР — на пространство СНГ. Концепция «ближнего зарубежья», которую в 1990-х годах Москва использовала для оправдания своей гегемонии над новыми государствами вдоль российских границ, внезапно обрела новую жизнь, но уже в двух вариантах — московском и брюссельском, причем обе стороны претендовали на одну и ту же территорию. В 2003—2005 гг. впервые со времен распада СССР происходило одновременное ухудшение отношений Москвы с обоими главными элементами Запада: Соединенными Штатами и Европой.

УТРАЧЕННАЯ ПАРАДИГМА

В 2004 г., под конец первого президентского срока Путина, правительства западных стран наконец пришли к выводу, что в обозримом будущем превращения России в демократическое государство ожидать не приходится. По их мнению, Россию уже нельзя было относить к одной категории не только с Польшей, но даже с Украиной. Скрепя сердце они занесли Россию в один разряд с Китаем, продолжая при этом надеяться — пожалуй, безосновательно, — что им и дальше удастся извлекать максимальную выгоду из партнерства, созданного в более благополучные времена.

Однако в России изменения коснулись не только внутренней политики, и их последствия были весьма серьезны. До 2005 г. в сфере международной политики страна в течение двадцати лет постоянно отступала. «Цветные революции» на Украине, в Грузии и Киргизии наглядно продемонстрировали, что даже постсоветское пространство — зона, где Москва сохраняла господствующие позиции и чувствовала себя относительно спокойно, — начинает трещать по швам. В конце 2004 — начале 2005 г., после захвата заложников в бесланской школе и фиаско на украинских выборах, путинская администрация сильнее, чем когда либо раньше, ощущала неуверенность в своих силах.

Однако Кремль на удивление быстро оправился от потрясения. Он извлек из недавних событий уроки, задействовал новые ресурсы, восстановил «боевой дух» — всему этому весьма способствовал рост цен на нефть и газ. На первом этапе Москва действовала осторожно, все еще испытывая некоторую неуверенность. Вначале она совместно с Пекином призвала к выводу американских войск из Центральной Азии, а затем, в конце 2005 г., смело заключила официальный союз с Узбекистаном. Закончился же год спором с Украиной из-за поставок газа: Россия без колебаний «пошла в наступление» на страну, считавшуюся «маяком демократии» для постсоветских республик.

В прошедшем году Россия начала действовать методами великой державы, каковой она являлась в царские времена. Она провела первые в истории совместные учения с Китаем, а затем еще одни, несколько меньшего масштаба, вместе с Индией. Она покончила с льготными ценами на газ для постсоветских республик и прекратила поставки на Украину, когда Киев не согласился с предлагаемым повышением расценок на 400%. Российские власти пригласили лидеров ХАМАС в Москву, хотя США и ЕС заявили об отказе от любых контактов с этой организацией, и предложили палестинцам финансовую помощь, в то время как американцы и европейцы урезали или приостановили собственные программы в этой области. Россия наотрез отказалась подвергать Иран санкциям за его работы по обогащению урана и заявила, что ее сотрудничество с Тегераном в области ядерной энергетики и поставки ему вооружений будут продолжены, а в случае нападения США на Иран российские вооруженные силы сохраняют нейтралитет.

Кроме того, покинув орбиту Запада, Россия приступила к созданию собственной «солнечной системы». Впервые со времен распада СССР Москва рассматривает отношения с бывшими советскими республиками как одно из приоритетных направлений. Она начала оказывать поддержку экономической экспансии России в странах СНГ, что позволяет одновременно приобретать выгодные активы и усиливать политическое влияние.

В условиях формирующейся, по мнению российского руководства, новой обстановки в мире, где одной из черт становится новый вариант великодержавного национализма, оно буквально излучает уверенность. Если обратиться к ситуации за пределами постсоветского пространства, то Россия видит, что влияние США в мире постепенно идет на спад, а ЕС она рассматривает как экономическую, а не военно-политическую структуру и считает, что объединенная Европа еще какое-то время будет поглощена собственными внутренними проблемами. Москву восхищает прогресс, которого добился Китай,

и, относясь к своему гигантскому соседу с осмотрительностью, но без страха, она все теснее сотрудничает с Пекином; с Индией у России не столь близкие отношения, однако каких-либо проблем от нее она не ожидает.

Отчасти нынешняя уверенность Москвы обусловлена значительным улучшением финансового положения и сосредоточением власти в руках правящей элиты. Благодаря высоким ценам на энергоносители в государственной казне образовался избыток средств, что позволило Кремлю создать третьи по величине в мире золотовалютные резервы, выделить более 50 млрд долл. в особый «стабилизационный фонд» и раньше срока выплачивать внешние долги. Уровень жизни в России растет, оппозиция отодвинута на обочину политического процесса, рецентрализация государственной власти прошла успешно: все это придает Кремлю решимость, зачастую граничащую с высокомерием. Смирение первых постсоветских лет осталось позади: россияне недвусмысленно дают понять, что внутренняя политика страны никого из посторонних не касается (Владислав Сурков, главный путинский помощник по политическим и идеологическим вопросам, часто подчеркивает, что Россия — «суверенное демократическое государство»), а на международной арене российские лидеры действуют все жестче.

ОТ БРОНЕНОСЦЕВ К БУРОВЫМ ВЫШКАМ

В конце XIX в. говорили, что Россия обязана своими успехами армии и флоту — сегодня на их место встали нефть и газ. Энергоносители — важнейший ресурс, которым необходимо пользоваться, пока цены высоки, но это также эффективное политическое оружие, которое, впрочем, нужно использовать с осторожностью. Сегодня Москва сделала одну правильную вещь — отменила субсидии на энергоносители для бывших советских республик, но применила при этом неправильные средства. В частности, вместо по-

ступательного и открытого реформирования энергетических отношений с Украиной российский государственный энергетический концерн «Газпром» прибег в последний момент к тактике давления, что выглядело как шантаж и выставило Россию в невыгодном свете — в качестве угрозы глобальной энергетической безопасности.

Запад для российской правящей элиты важен в экономическом плане, особенно в том, что касается рынков сбыта нефти и газа. Праздником для элиты стал резкий рост капитализации «Газпрома» в начале января 2006 г., который она восприняла как подтверждение правоты его жесткой позиции в отношении Украины. Она хочет, чтобы российские корпорации-гиганты стали транснациональными, а «Газпром» — одна из крупнейших корпораций. В ряде областей, в том числе энергетической, металлургической и химической, лидеры российского рынка стремятся войти в мировую десятку.

Однако в общем и целом российских лидеров не волнует мнение Запада; даже Советский Союз больше беспокоился о своем имидже. Чиновники в Москве тихо наслаждаются грозными заявлениями сенатора Джона Маккейна о необходимости изгнать Россию из «большой восьмерки», зная, что ничего такого не будет, и получают удовольствие, видя подтверждение, как они считают, бессилия серьезных противников. Кремлю нет особого дела до пиара и лоббирования. Правительственные связи считаются более важными, чем общественные. Двумя поразительными примерами такого подхода являются привлечение бывшего канцлера Германии Герхарда Шрёдера к проекту газопровода и предложения о работе в нефтяной компании, сделанные бывшему министру торговли США Дональду Эвансу. О России на Западе все равно напишут плохо, считает Кремль, так зачем же обременять себя ненужными заботами?

Все это сулит серьезную напряженность и даже конфликт между Россией и Западом, хотя ничего подобного возврату к «холодной войне» не будет. Идеологического антагонизма не существует, поскольку у сегодняшней России

нет государственной идеологии. А по ряду серьезных вопросов, в том числе борьбы с исламскими радикалами, будет сотрудничество. По другим вопросам, таким, как возвышение Китая и энергетическая безопасность, будет некоторое сотрудничество, но Россия вряд ли станет автоматически принимать сторону Запада. Если взять ситуацию вокруг Ирана, то в критический момент Россия предпочтет, чтобы Тегеран продолжил свою ядерную программу, невзирая на опасности, с которыми это может быть связано, а затем Соединенные Штаты применили силу, чтобы ее остановить. Если война в Ираке толкнула Кремль прочь от Белого дома к Елисейским полям, то война с Ираном может оттолкнуть Москву и от Вашингтона, и от Брюсселя — в объятия Пекина.

Ни с нами, ни против нас

Запад должен переосмыслить принципы своего подхода к России. Внутренняя трансформация России не пойдет, скажем, по польскому сценарию: модернизация России посредством европейской интеграции — это не вариант. Не примет Россия и французский подход: порой диссидентствующая, но неизменно евроатлантическая внешняя и военная политика. Не стоит Западу также рассчитывать на исторический счастливый случай: появление из некоей «цветной» революции демократического прозападного царя, который отведет Россию в американо-европейский стан.

С другой стороны, сегодняшняя Россия — это не второй Советский Союз, и вряд ли она им станет. Это не государство-реваншист и не империалистический агрессор, думающий только о том, как вновь завладеть бывшими провинциями. Это не страна-«изгой» и не естественный союзник государств, которые могут быть названы изгоями. Китайско-российский альянс против Соединенных Штатов может возникнуть только в результате исключительно недальновидной и неумной политики Вашингтона.

Сегодняшняя Россия может не быть прозападной, но она и не антизападная. В свете новой внешней политики России Запад должен успокоиться и относиться к ней как к тому, чем она является на самом деле, — как к крупному внешнему игроку, не вечному врагу и не неизменному другу. Западные лидеры должны избавиться от представления, согласно которому проповедующий ценности насаждает их. Россия продолжит меняться, но в своем ритме. Основными двигателями этих перемен должны стать развитие капитализма в стране и открытость внешнему миру. Имея дело с российскими властями, Запад должен стремиться к решению конкретных задач, не ожидая, что Москва признает его руководящую роль. «Приобщать» Россию больше не нужно, а общаться с ней следует, исходя из соображений взаимной выгоды. Важнее всего для западных лидеров не принимать желаемое за действительное, поддерживая кремлевского правителя или какого-либо деятеля оппозиции.

Если говорить о будущем, то в ближайшей и среднесрочной перспективе существующие проблемы скорее всего будут осложняться. Саммит «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге будет сопровождаться активной критикой в западных СМИ в адрес России. Из-за требований США и ЕС уже замедлился процесс вступления России во Всемирную торговую организацию. Грядущее официальное провозглашение независимости Косово от Сербии будет использовано Россией в качестве прецедента для решения застарелых конфликтов в Грузии и Молдавии — Запад настаивает на сохранении территориальной целостности этих государств, а Москва поддерживает сепаратистские анклавы. По иранскому вопросу, имеющему первостепенное значение, Россия продолжит в принципе разделять цели Запада, выступая против западной (особенно американской) политики силы.

Напряжение достигнет высшей точки в 2008 г., когда и в России, и в США состоятся президентские выборы. Вероятнее всего, верховная власть будет передана действующим президентом одному из членов его команды, и это назна-

чение будет легитимировано на общенациональных выборах (разумеется, есть и другие сценарии, варьирующие от выдвижения Путина на третий срок до союза с Белоруссией, но в настоящее время они представляются менее вероятными).

Таким образом, проблема не в российских выборах, а в том, какой будет реакция Запада и прежде всего Соединенных Штатов на эти выборы. Будут ли они признаны свободными, но не справедливыми, как раньше? Или ни свободными, ни справедливыми? Если руководство России после 2008 г. будет объявлено нелегитимным, то в отношениях России с США может начаться фаза прохладного отчуждения или даже реального разрыва. И все это будет проходить на фоне президентской кампании в США и может совпасть с важными шагами Украины по вступлению в НАТО. При том, что американо-российские отношения достигли низшей точки, а Кремль после 1991 г. еще никогда не был столь уверен в себе, Вашингтон должен признать тщетной отчаянную конфронтацию с Россией. Он должен понять, что позитивные перемены в России могут произойти только изнутри и что экономические реалии, а не демократические идеалы будут мотором этих перемен. И, что важнее всего, как глава международной системы Соединенные Штаты должны сделать все возможное, чтобы не позволить этой системе вновь впасть в опасное и дестабилизирующее соперничество великих держав.

SUMMARY

In the middle of the decade, during the period between the start of war in Iraq and the Orange Revolution in Ukraine, Russia's foreign policy underwent a sharp change in direction. The Western-looking policy that envisioned Russian integration into NATO as a deputy CEO, membership in the EU as the largest European country, and a "union of equals" with the U.S. was abandoned as not having any future. The idea of a "European choice" that would build and transform Russia according to the European model was deemed flawed and insulting to national self-esteem. The Russian authorities gave up these European dreams and returned to the familiar road of great-power policy. According to the predominant Russian understanding of Russia's place in the world today, the country is an independent power center with its own system of organization, belonging neither to the East nor to the West and acting exclusively in its own interests. The idea is that a non-alignment policy offers maximum freedom of maneuver, and that an ultra-pragmatic line and emphasis on avoiding ideology frees the authorities from the constraint of conventions.

This foreign policy is a challenge in many respects, including intellectually, for Russia's counterparties. It represents a sharp break with the foreign policy principles of the 1990s, but at the same time, despite frequent comparisons, it is not simply a continuation of Soviet foreign policy. Rather than admitting to kinship with Gromyko, Russia's new foreign policy strives to present itself as the successor to Gorchakov, though this comparison does not entirely hold true either. However, despite all the reviv-

al of Tsarist-era qualities of governance, Russia's current ruling group — in their composition and motives — are quite different from those who built and supported the Romanov empire. Neither panegyrics nor denunciations will get us very far. To make things clear, we need to get to the heart of the problem.

The articles in this collection were written between 2006 and 2009. Almost all of them were intended for an international audience and were therefore written in English. What is being presented in this collection is thus not the original, but translations. Some of these articles sparked deeper discussion. The publication of Russian translations of these articles seeks to achieve the same goal — that of encouraging debate on questions that do not have obvious answers.

The most general of these issues concerns the future of Russia's current foreign policy strategy. How realistic is Russia's stated aim of establishing itself as a power center comparable to its neighbors — China in the east, the European Union in the west, and also the U.S., in the global context? Where are the calculations of available resources — economic, demographic, scientific and technical, diplomatic, military and so on? Where is the analysis of global development trends and the dynamic of change in neighboring countries, both near and far? Until now, the only answer we have usually heard goes along the lines of: "Russia has no choice but to be a great power... Russia will either be a great power or it will cease to exist altogether," and finally, a more self-confident version: "Russia is, was, and will always be a great power."

Another fundamental issue is that of the correlation between foreign and domestic policy. The problem Russia faces today in its relations with the West is that Russia's partners, in the twenty first-century environment, see the non-democratic regime that rules Russia today as not entirely legitimate. Consequently, the international interests of a not entirely legitimate regime are also seen as not quite legitimate. The issue of equality thus arises, but in an unexpected form for the Russian leadership. What counts, it turns out, is not the number of strategic offensive arms, not

the size of gross domestic product — even at the exchange rate and in per capita terms — and not even image, but the quality of political, economic and public institutions, and the degree of their recognition in the world. There is no way around this. So long as Russia's institutions are not comparable in quality to their counterparts in Europe and North America, Russia will not be treated by the West as an equal, no matter what its gold and currency reserves, and no matter what the market price for oil. The democratic deficit is the biggest problem for Russia's relations with the West today and in the foreseeable future.

These articles, written for a foreign audience, aimed to explain, in terms and images familiar to that audience, the origins, interim results, and ultimate objectives of the Russian leadership's foreign policy. As such, they give a description of the symptoms, make a diagnosis, and offer a prognosis, but venture no further. Obviously, however, so long as Russia exists it will continue to change. Short of being a hopeless pessimist, one cannot say that what we see today is the last word in Russian foreign policy thought and practice. Russian foreign policy is currently traveling a familiar road, but one that will not lead to the stated objectives. What lies ahead is a dead end, and this means it is time to rethink the fundamentals and chart a new course.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Мос-

кве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Дмитрий Тренин

Редактор А. И. Иоффе
Дизайн книги «АГА! Креативное Агентство»
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка И. Королев
В оформлении переплета использована фотография ИТАР-ТАСС

Подписано к печати 15.06.09
Формат 60х90 1/16.
Гарнитура ITC CharterС
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5
Тираж 2000 экз.

Издательство Р. Элинина
117393, Москва, Страстной б-р, д. 6, стр. 2
Чеховский культурный центр
classick@mtu-net.ru

Отпечатано в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат». 424002, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, д. 112
